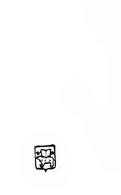
Дмитрий КЕДРИН

Юлине
в честь дня
8 Марта 1985 г. мама

Дмитрий КЕДРИН

СТИХОТВОРЕНИЯ. ПОЭМЫ. ДРАМА

Пермское книжное издательство
1984

Р2
К33

Текст печатается по изданию: Дмитрий Кедрин. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1974.

Художник
М. Курушин

К $\frac{70402-49}{М152(03)-84}$ 38—84

Дмитрий Борисович Кедрин родился в 1907 году в Донбассе. Первые стихи опубликовал в екатеринославской газете «Грядущая смена».

В становлении поэтического голоса Кедрина большую роль сыграла его тяга к истории, к вековой культуре человечества. Духовные ценности — источник вдохновения поэта, его ориентир в творческом поиске. Лирика, эпос, баллада, драма в стихах — в любом из этих жанров Кедрин чувствует себя уверенно. Он становится мастером, и его романтический пафос облечен, как правило, в классическую форму русского стиха.

Тема Родины, России особенно пронзительно звучит в творчестве Дмитрия Кедрина. Любовь к родному краю, «милому навеки», к его студеным рекам и березам, к его метелям и туманам, к его героическому прошлому и настоящему, к его мастерам, зодчим, героям, к людям

простым и храбрым, умным и добрым — пронизывает стихи и поэмы. И звучат в них гордость за высокий дух человека-творца, художника, труженика и гнев против мракобесов и варваров всех мастей.

Мир легенды, сказки органично входит в стихи и поэмы Кедрина и придает его творчеству удивительную самобытность.

Лучшие произведения поэта не стареют с годами, — наоборот, их значение возрастает, и они по праву становятся достоянием современного читателя.

Стихотворения

1932—1945

КУКЛА

Как темно в этом доме!
Тут царствует грузчик багровый,
Под нетрезвую руку
Тебя колотивший не раз...
На окне моем — кукла.
От этой красотки безбровой
Как тебе оторвать
Васильки загоревшихся глаз?

Что ж! Прильни к моим стеклам
И красные пальчики высунь...
Пес мой куклу изгрыз,
На подстилке ее теребя.
Кукле — много недель!
Кукла стала курносой и лысой.
Но не все ли равно?
Как она взволновала тебя!

Лишь однажды я видел:
Блистали в такой же заботе
Эти синие очи,
Когда у соседских ворот
Говорил с тобой мальчик,
Что в каменном доме напротив
Красный галстучек носит,
Задорные песни поет.

Как темно в этом доме!
Ворвись в эту нору сырую
Ты, о время мое!
Размечи этот нищий уют!

Тут дерутся мужчины,
Тут женщины тряпки воруют,
Сквернословят, судачат,
Юродствуют, плачут и пьют.

Дорогая моя!
Что же будет с тобой?
Неужели
И тебе между них
Суждена эта горькая часть?
Неужели и ты
В этой доле, что смерти тяжеле,
В девять — пить,
В десять — врать
И в двенадцать —
Научишься красть?

Неужели и ты
Погрузишься в попойку и в драку,
По намекам поймешь,
Что любовь твоя —
Ходкий товар,
Углем вычернишь брови,
Нацепишь на шею — собаку,
Красный зонтик возьмешь
И пойдешь на Покровский бульвар?

Нет, моя дорогая!
Прекрасная нежность во взорах
Той великой страны,
Что качала твою колыбель!
След труда и борьбы —
На руке ее известь и порох,
И под этой рукой
Этой доли —
Бояться тебе ль?

Для того ли, скажи,
Чтобы в ужасе,
С черствою коркой
Ты бежала в чулан
Под хмельную отцовскую дичь, —

Надрывался Дзержинский,
Выкашливал легкие Горький,
Десять жизней людских
Отработал Владимир Ильич?

И когда сквозь дремоту
Опять я услышу, что начат
Полуночный содом,
Что орет забулдыга отец,
Что валится посуда,
Что голос твой тоненький плачет, —
О терпенье мое!
Оборвешься же ты наконец!

И придут комсомольцы,
И пьяного грузчика свяжут,
И нагрянут в чулан,
Где ты дремлешь,
свернувшись в калач,
И оденут тебя,
И возьмут твои вещи,
И скажут:
«Дорогая!
Пойдем,
Мы дадим тебе куклу.
Не плачь!»

1932

ПОЕДИНОК

К нам в гости приходит мальчик
Со сросшимися бровями,
Пунцовый густой румянец
На смуглых его щеках.
Когда вы садитесь рядом,
Я чувствую, что меж вами
Я скучный, немножко лишний,
Педант в роговых очках.

Глаза твои лгать не могут.
Как много огня теперь в них!
А как они были тусклы...
Откуда же он воскрес?
Ах, этот румяный мальчик!
Итак, это мой соперник,
Итак, это мой Мартынов,
Итак, это мой Дантес!

Ну что ж! Нас рассудит пара
Стволов роковых Лепажа
На дальней глухой полянке,
Под Мамонтовкой, в лесу.
Два вежливых секунданта,
Под горкой — два экипажа,
Да седенький доктор в черном,
С очками на злом носу.

Послушай-ка, дорогая!
Над нами шумит эпоха,
И разве не наше сердце —
Арена ее борьбы?
Виновен ли этот мальчик
В проклятых палочках Коха,
Что ставило нездоровье
В колеса моей судьбы?

Наверно, он физкультурник,
Из тех, чья лихая стайка
Забила на стадионе
Испании два гола.

Как мягко и как свободно
Его голубая майка
Тугие гибкие плечи
Стянула и облегла!

А знаешь, мы не подымем
Стволов роковых Лепажа
На дальней глухой полянке,
Под Мамонтовкой, в лесу.
Я лучше приду к вам в гости
И, если позволишь, даже
Игрушку из Мосторгина
Дешевую принесу.

Твой сын, твой малыш безбровый
Покоится в колыбели.
Он важно пускает слюни,
Вполне довольный собой.
Тебя ли мне ненавидеть
И ревновать к тебе ли,
Когда я так опечален
Твоей морщинкой любой?

Ему покажу я рожки,
Спрошу: «Как дела, Егорыч?»
И, мирно напившись чаю,
Пешком побреду домой.
И лишь закурю дорогой,
Почуяв на сердце горечь,
Что наша любовь не вышла,
Что этот малыш — не мой.

1933

КРОВИНКА

Родная кровинка течет в ее жилах,
И больно — пусть век мою слабость
простит —
От глаз ее жалких, от рук ее милых
Отречься и память со счетов скостить.

Выветриваясь, по куску выпадая,
Душа искрошилась, как зуб, до корня.
Шли годы, и эта ли полуседая,
Тщедушная женщина — мать у меня?

Убогая! Где твоя прежняя сила?
Какою дорогой в могилу слегла?
Влюблялась, кисейные платья носила,
Читала Некрасова, смуглой была.

Растоптана зверем, чье прозвище —
рынок,
Раздавлена грузом матрасов и соф,
Сгорела на пламени всех керосинок,
Пылающих в недрах кухонных Голгоф.

И вот они — вечная песенка жалоб,
Сонливость, да втертый в морщины
желток,
Да косо, по-волчьи, свисающий на лоб,
Скупой, грязноватый, седой завиток.

Так попусту, так бесполезно и глупо
Дотла допылала твоя красота!
Дымящимся паром кипящего супа
Весь мир от тебя заслонила плита!

В истрепанных туфлях, потертых и рыжих,
С кошелкой, в пальто, что не греет души,
Привыкла блуждать между рыночных
выжиг,
Торгуясь, клянясь, скопидомя гроши.

Трудна эта доля, и жребий несладок:
Пугаться трамваев, бояться людей,
Толкаться в хвостах продуктовых палаток,
Среди завсегдатаев очередей.

Но желчи не слышно в ее укоризне,
Очаг не наскучил ей, наоборот:
Ей быть и не снилось хозяйкою жизни,
Но только властительницей сковород.

Она умоляет: «Родимый, потише!
Живи не спеша, не волнуйся, дитя!
Давай проживем, как подпольные мыши,
Что ночью глубокой в подвалах свистят!»

Затем, что она исповедует примус,
Затем, что она меж людьми,
как в лесу, —
Мою угловатую непримиримость
К мышиной судьбе я, как знамя, несу.

Мне хочется расколдовать ее морок,
Взять под руку мать, как слепое дитя,
От противней чадных, от жирных конфорок
Увесть ее на берег моря, хотя

Я знаю: он будет ей чуден и жуток,
Тот солнечный берег житейской реки...
Слепую от шор, охромевшую в путах,
Я все ж поведу ее, ей вопреки!

1933

ДВОЙНИК

Два месяца в небе, два сердца в груди,
Орел позади, и звезда впереди.
Я поровну слышу и клекот орлиный,
И вижу звезду над родимой долиной:
Во мне перемешаны темень и свет,
Мне Недоросль — прадед, и Пушкин —
мой дед.

Со мной заодно с колченогой кровати
Утрами встает молодой обыватель,
Он бродит, раздет, и немыт, и небрит,
Дымит папиросой и плоско острит.
На сад, что напротив, на дачу,
что рядом,
Глядит мой двойник издевательским
взглядом,
Равно неприязненный всем и всему, —
Он в жизнь в эту входит, как узник
в тюрьму.

А я человек переходной эпохи...
Хоть в той же постели грызут меня блохи,
Хоть в те же очки я гляжу на зарю
И тех же сортов папиросы курю,
Но славлю жестокость, которая в мире
Клопов выжигает, как в затхлой квартире,
Которая за косы землю берет,
С которой сегодня и я в свой черед
Под знаменем гезов, суровых и босых,
Вперед заношу мой скитальческий посох...
Что ж рядом плетется, смешок затая,
Двойник мой, проклятая косность моя?

Так, пробуя легкими воздух студеный,
Сперва задыхается новорожденный,
Он мерзнет, и свет ему режет глаза,
И тянет его воротиться назад,
В привычную ночь материнской утробы;
Так золото мучат кислотною пробой,
Так все мы в глаза двойника своего
Глядим и решаем вопрос: кто кого?

Мы вместе живем, мы неплохо знакомы,
И сильно не ладим с моим двойником мы:
То он меня ломит, то я его мну,
И, чуть отдохнув, продолжаем войну.
К эпохе моей, к человечества маю
Себя я за шиворот приподымаю.
Пусть больно от этого мне самому,
Пускай тяжело, — я себя подыму!
И если мой голос бывает печален,
Я знаю: в нем фальшь никогда не жила!..
Огромная совесть стоит за плечами,
Огромная жизнь расправляет крыла!

<1934>

БРОДЯГА

Есть у каждого бродяги
Сундучок воспоминаний.
Пусть не верует бродяга
И ни в птичий грай, ни в чох, —
Ни на призраки богатства
В тихом обмороке сна, ни
На вино не променяет
Он заветный сундучок.

Там за дружбою слежалой,
Под враждою закоптелой,
Между чувств, что стали трухлой
Связкой высохших грибов, —
Перевязана тесемкой
И в газете пожелтелой,
Как мышонок, притаилась
Неуклюжая любовь.

Если якорь брига выбран,
В кабачке распита брага,
Ставни синие забиты
Навсегда в родном дому, —
Уплывая, все раздарит
Собутыльникам бродяга,
Только этот желтый сверток
Не покажет никому...

Будет день: в борты, как в щеки,
Оплеухи воли забьют — и
«Все наверх! — засвищет боцман. —
К нам идет девятый вал!»
Перед тем как твердо выйти
В шторм из маленькой каюты,
Развернет бродяга сверток,
Мокрый ворот разорвав.

И когда вода раздавит
В трюме крепкие бочонки,
Он увидит, погружаясь
В атлантическую тьму:

Тонколицая колдунья,
Большеглазая девчонка
С фотографии грошовой
Улыбается ему.

1934

СЕРДЦЕ

(Бродячий сюжет)

Девчину пытает казак у плетня:
«Когда ж ты, Оксана, полюбишь меня?
Я саблей добуду для крали своей
И светлых цехинов, и звонких рублей!»
Девчина в ответ, заплетая косу:
«Про то мне ворожка гадала в лесу.
Пророчит она: мне полюбится тот,
Кто матери сердце мне в дар принесет.
Не надо цехинов, не надо рублей,
Дай сердце мне матери старой твоей.
Я пепел его настою на хмелю,
Настоя напьюсь — и тебя полюблю!»
Казак с того дня замолчал, захмурел,
Борща не хлебал, саламаты не ел.
Клинком разрубил он у матери грудь
И с ношей заветной отправился в путь:
Он сердце ее на цветном рушнике
Коханой приносит в косматой руке.
В пути у него помутилось в глазах,
Всходя на крылечко, споткнулся казак,
И матери сердце, упав на порог,
Спросило его: «Не ушибся, сынок?»

1935

ГРИБОЕДОВ

Помыкает Паскевич,
Клевещет опальный Ермолов...
Что ж осталось ему?
Честолюбие, холод и злость.
От чиновных старух,
От язвительных светских уколов
Он в кибитке катит,
Опершись подбородком на трость.

На груди его орден.
Но, почестями опечален,
В спину ткнув ямщика,
Подбородок он прячет в фуляр.
Полно в прятки играть.
Чацкий он или только Молчалин —
Сей воитель в очках,
Прожектер,
Литератор,
Фигляр?

Прокляв английский клоб,
Нарядился в халат Чаадаев,
В сумасшедший колпак
И в молельной сидит, в бороде.
Дождик выровнял холмики
На островке Голодае,
Спят в земле декабристы,
И их отпевает... Фаддей!

От мечты о равéнстве,
От фраз о свободе натуры,
Узник Главного штаба,
Российским послом состоя,
Он катит к азиатам
Взимать с Тегерана куруры,
Туркменчайским трактатом
Вколачивать ум в персиян.

Лишь упрятанный в ящик,
Всю горечь земную изведав,

Он вернется в Тифлис.
И, коня осадивший в грязи,
Некто спросит с коня:
«Что везете, друзья?»
— «Грибоеда.
Грибоеда везем!» —
Пробормочет лениво грузин.

Кто же в ящике этом?
Ужели сей желчный скиталец?
Это тело смердит,
И торчит, указуя во тьму,
На нелепой дуэли
Нелепо простреленный палец
Длани, коей писалась
Комедия
«Горе уму».

И покуда всклокоченный,
В сальной на вороте ризе,
Поп армянский кадит
Над разбитой его головой,
Большеглазая девочка
Ждет его в дальнем Тебризе,
Тяжко носит дитя
И не знает,
Что стала вдовой.

<1936>

ДВЕ ПЕСНИ ПРО ПАНА

1

Настегала дочку мать крапивой:
«Не расти большой, расти красивой,
Сладкой ягодкой, речной осокой,
Чтоб в тебя влюбился пан высокий,
Ясноглазый, статный, черноусый,
Чтоб дарил тебе цветные бусы,
Золотые кольца и белила.
Вот тогда ты будешь, дочь, счастливой».

Дочка выросла, как мать велела:
Сладкой ягодкою, королевой,
Белой лебедью, речной осокой,
И в нее влюбился пан высокий,
Черноусый, статный, ясноглазый,
Подарил он ей кольцо с алмазом,
Пояс драгоценный, ленту в косы...
Наигрался ею пан — и бросил!

Юность коротка, как песня птичья,
Быстро вянет красота девичья,
Иссеклися косы золотые,
Ясный взор слезинки замутили.
Ничего-то девушка не помнит,
Помнит лишь одну дорогу в омут,
Только тише, чем кутенок в сенцах,
Шевельнулась дочь у ней под сердцем.

Дочка в пана родилась — красивой.
Настегала дочку мать крапивой:
«На расти большой, расти здоровой,
Крепкотелой, дерзкой, чернобровой,
Озорной, спесивой, языкатой,
Чтоб тебя не тронул пан проклятый.
А придет он, потный, вислоусый,
Да начнет сулить цветные бусы,
Пояс драгоценный, ленту в косы, —
Отпихни его ногою босой,
Зашипи на пана, дочь, гусыней,
Выдерн его глаза косые!»

2

Белый цвет вишневый отряхая,
Стал Петро перед плетнем коханой.
Он промолвил ей, кусая губы:
«Любый я тебе или не любый?
Прогулял я трубку-носогрейку,
Проиграл я бритву-самобрейку.
Что ж! В корчме поставлю шапку на кон
И в леса подамся к гайдамакам!»

«Уходи, мужик, — сказала Ганна. —
Я кохаю не тебя, а пана. —
И шепнула, сладко улыбаясь:
— Кровь у пана в жилах — голубая!»

Два денька гулял казак. На третий
У криницы ночью пана встретил
И широкий нож по рукоятку
Засадил он пану под лопатку.

Белый цвет вишневый отряхая,
Стал Петро перед плетнем коханой.
А у Ганны взор слеза туманит,
Ганна руки тонкие ломает.
«Ты скажи, казак, — пытает Ганна, —
Не встречал ли ты дорогой пана?»

Острый нож в чехле кавказском светел.
Отвечает ей казак: «Не встретил».
Нож остер, как горькая обида.
Отвечает ей казак: «Не видел».
Рукоятка у ножа резная.
Отвечает ей казак: «Не знаю.
Только ты пустое толковала,
Будто кровь у пана — голубая!»

1936

* * *

Когда кислородных подушек
Уж станет не надобно мне —
Жена моя свечку потушит,
И легче вздохнется жене.

Она меня ландышем сбрызнет,
Что в жизни не жаловал я,
И, как подобает на тризне,
Не очень напьются друзья.

Чахоточный критик, от сплетен
Которого я изнемог,
В публичной «Вечерней газете»
Уронит слезу в некролог.

Потом будет мартовский дождик
В сосновую крышку стучать
И мрачный подпивший извозчик
На чахлую клячу кричать.

Потом, перед вечным жилищем
Простясь и покончив со мной,
Друзья мои прямо с кладбища
Зайдут освежиться в пивной.

Покойника словом надгробным
Почтят и припомнят, что он
Был малость педант, но способный,
Слегка скучноват, но умен.

А между крестами погоста,
Перчаткой зажавшая рот,
Одета печально и просто
Высокая дама пройдет.

И в мартовских сумерках длинных,
Слегка задохнувшись от слез,
Положит на мокрый суглинок
Весенние зарева роз.

1936

КОФЕЙНЯ

«...Имеющий в кармане мускус не кричит об этом на улицах. Запах мускуса говорит за него».

Саади

У поэтов есть такой обычай —
В круг сойдясь, оплевывать друг друга.
Магомет, в Омара пальцем тыча,
Лил ушатом на беднягу ругань.

Он в сердцах порвал на нем сорочку
И визжал в лицо, от злобы пьяный:
«Ты украл пятнадцатую строчку,
Низкий вор, из моего «Дивана»!

За твоими подлыми следами
Кто пойдет из думающих здраво?»
Старики кивали бородами,
Молодые говорили: «Браво!»

А Омар плевал в него с порога
И шипел: «Презренная бездарность!
Да минет тебя любовь пророка
Или падишаха благодарность!

Ты бесплоден! Ты молчишь годами!
Быть певцом ты не имеешь права!»
Старики кивали бородами,
Молодые говорили: «Браво!»

Только некто пил свой кофе молча,
А потом сказал: «Аллаха ради!
Для чего пролито столько желчи?»
Это был блистательный Саади.

И минуло время. Их обоих
Завалил холодный снег забвенья.
Стал Саади золотой трубою,
И Саади слушала кофейня.

Как ароматические травы,
Слово пахло медом и плодами,
Юноши не говорили: «Браво!»
Старцы не кивали бородами.

Он заворожил их песней птичьей,
Песней жаворонка в росах луга...
У поэтов есть такой обычай —
В круг сойдясь, оплевывать друг друга.

1936

ЛЮБОВЬ

Щекотка губ и холодок зубов,
Огонь, блуждающий в потемках тела,
Пот меж грудей... и это есть — любовь?
И это всё, чего ты так хотела?

Да! Страсть такая, что в глазах темно!
Ио ночь минует, легкая, как птица...
А я-то думал, что любовь — вино,
Которым можно навсегда упиться!

1936

СОЛОВЕЙ

Несчастный, больной и порочный
По мокрому саду бреду.
Свистит соловей полуночный
Под низким оконком в саду.

Свистит соловей окаянный
В саду под окошком избы.
«Несчастный, порочный и пьяный,
Какой тебе надо судьбы?

Рябиной горчит и брусникой
Тридцатая осень в крови.
Ты сам свое горе накликал,
Милуйся же с ним и живи.

А помнишь, как в лунные ночи,
Один между звезд и дубов,
Я щелкал тебе и пророчил
Удачу твою и любовь?..»

Молчи, одичалая птица!
Мрачна твоя горькая власть.
Сильнее нельзя опуститься,
Страшней невозможно упасть!

Рябиной и горькой брусникой
Тропинки пропахли в бору.
Я сам свое горе накликал
И сам с этим горем умру.

Но в час, когда комья с лопаты
Повалятся в яму, звеня,
Ты вороном станешь, проклятый,
За то, что морочил меня!

1936

БЕСЕДА

На улице пляшет дождик. Там тихо,
темно и сыро.
Присядем у нашей печки и мирно
поговорим.
Конечно, с ребенком трудно. Конечно,
мала квартира.
Конечно, будущим летом ты вряд ли
поедешь в Крым.

Еще тошноты и пятен даже в помине
нету,
Твой пояс, как прежде, узок,
хоть в зеркало посмотри!
Но ты по неуловимым, по тайным
женским приметам
Испуганно догадалась, что́ у тебя
внутри.

Не скоро будить он станет тебя своим
плачем тонким
И розовый круглый ротик испачкает
молоком.
Нет, глубоко под сердцем, в твоих
золотых потемках
Не жизнь, а лишь завязь жизни завязана
узелком.

И вот ты бежишь в тревоге прямо
к гомеопату.
Он лыс, как головка сыра, и нос у него
в угрях,
Глаза у него навыкат и борода лопатой,
Он очень ученый дядя — и все-таки он
дурак!

Как он самодовольно пророчит тебе
победу!
Пятнадцать прозрачных капель он
в скляику твою нальет.

«Пять капель перед обедом, пять капель
после обеда —
И всё как рукой снимает! Пляшите опять
фокстрот!»

Так, значит, сын не увидит, как флаг
над Советом вьется?
Как в школе Первого мая ребята пляшут
гурьбой?
Послушай, а что ты скажешь, если он
будет Моцарт,
Этот не живший мальчик, вытравленный
тобой?

Послушай, а если ночью вдруг он тебе
приснится,
Приснится и так заплачет, что вся
захолонешь ты;
Что жалко взмахнут в испуге
подкрашенные ресницы
И волосы разовьются, старательно
завиты,

Что хлынут горькие слезы и начисто
смоют краску,
Хорошую, прочную краску с темных твоих
ресниц?..
Помнишь, ведь мы читали, как в старой
английской сказке
К охотнику приходили души убитых птиц.

А вдруг, несмотря на капли мудрых
гомеопатов,
Непрошеной новой жизни не оборвется
нить!
Как ты его поцелуешь? Забудешь ли,
что когда-то
Этою же рукою старалась его убить?

Кудрявых волос, как прежде, туман
золотой клубится,
Глазок исподлобья смотрит лукавый
и голубой.

Пускай за это не судят, но тот,
кто убил, — убийца.
Скажу тебе правду: ночью мне страшно
вдвоем с тобой!

1937

СКАЗКА ПРО БЕЛУЮ ВЕДМЕДЬ И ПРО ШМИДТОВУ БОРОДУ

Дочке Светлане

То не странник идет, не гроза гремит,
Не поземка пылит в глаза ему, —
То приехал в Кремль бородатый Шмидт
К самому Большому Хозяину.

И сказал ему тот: «Снарядить вели
Самолет, коль саньми не едется.
Полетай ты на Север, на пуп земли,
Там живет госпожа ведмедица.

Перед нею костер изо льда горит,
Пролетают снежки, как голуби.
В колдовском котелке она дождь варит
И туман пущает из проруби.

Оттого где не надо идут дожди,
А где надобен дождь, там засуха.
Ты к ведмедице той долети-дойди
И котел этот спрячь за пазуху».

Возле пупа земли на плавучий лед
Опускался с неба туманного
Краснокрылый конь — гидросамолет
Михаила свет Водопьянова.

Выползал на снега голубой песец,
Говорил человечьим голосом:
«Не довольно ли вам в облаках висеть?
Не зазорно ль шуметь над полюсом?

Подобру говорю: убирайтесь прочь! —
Лаял, злобно наморщив усики. —
Напущу я на вас не полгода ночь,
Поглядим тогда, как вы струсите!»

Отвечал Водопьянов: «Уймись, дружок!
На полгода ночь? Эка невидаль! —

На борту самолета фонарь зажег:
— Вишь, мы солнце поймали неводом».

Выплывал тогда из моря кит-кашалот,
Говорил человечьим голосом:
«Это кто в окияи опускает лот,
Колет льдину киркой над полюсом?

Полно в море вымеривать глубину!
Я незваных гостей не жалую,
Я хвостом махну — целый дом сомну,
А не то вашу льдину малую!»

Тут, картечною пулей заряжено,
Громыхнуло ружье Папанина.
Охнул кит-кашалот и ушел на дно,
Меткой пулей под сердце раненый.

И пошли они, и пришли они
На огонь, что в сугробах светится.
Под скалой ледяной в голубой тени
Там сидит госпожа ведмедица.

Перед нею костер изо льда горит,
Пролетают снежки, как голуби,
В колдовском котелке она дождь варит
И туман пущает из проруби.

Увидала людей госпожа ведмедь,
Говорит человечьим голосом:
«Понапрасну вы вздумали володеть
Моей вотчиной — белым полюсом.

Я хозяйка тут ровно тыщу лет.
Против белых стуж вам не выстоять:
У вас шерсти нет, у вас реву нет,
У вас нет в ногах бёгу быстрого.

Чтоб никто из вас мне попенять не мог,
По угодьям моим немереным
Вы поспорьте-ка быстротою ног
С моей лошадью — ветром северным.

Как стрелу, я спущу его с тетивы,
С золотого лука-оружия,
И назавтра в железную дверь Москвы
Он задует дождем и стужею».

«Коли после его хоть на миг придешь —
Признавай тогда мою волю сам,
А скорее его добежишь — ну-к што ж! —
Володей тогда белым полюсом!»

Не окончила старая похвальбы,
Ан глядит: через миг без малого
Над плавучею льдиною из Москвы
Загудела машина Чкалова.

«Это кто же над полюсом в аккурат
Пролетел, не причалив к берегу?»
Отвечает Папанин: «Молодший брат
Погулять полетел в Америку».

«Снимем, — просит ведмедь, —
мой заклад с коня,
А давай-ка поспорим голосом:
Коли ежели крикнешь громчей меня,
Володей тогда белым полюсом!»

Пасть раскрыла ведмедица, как жерло...
Тут, не знаю — с небес, со стенки ли,
Точно гром, раскатилось: «Алло! Алло!»
То Москва вызывала Кренкеля.

«Это кто же такой великан большой,
Да и где он у вас хоронится?»
— «Из кремлевской палаты мой брат
старшой
Запросил об моем здоровьице».

«Ну, — сказала ведмедица, — голос — да!
А давай же поспорим волосом:
У кого повальяжнее борода,
Так тому володеть и полюсом!»

Тут на лед из палатки выходит Шмидт.
Что ведмежий мех? Так, безделица.
Борода у него на ветру дымит,
Развороченным флагом стелется!

Взял в кулак свою крепкую седину,
Осрамил ведмедицу белую:
«Вот сейчас, — говорит, — бородой
тряхиу,
Так такую ль бурю изделаю!

Что ты есть? — говорит. — Ничего!
Ведмедь!
Так тебе ль верховодить полюсом?
Не умеешь ни бегать, а ни реветь,
Ни умом не вышла, ни волосом!

Уходи-ка, убогая, от греха.
Ведь игра-то велась по правилам?..»
И ушла ведмедь. Даже впопыхах
Колдовской котелок оставила.

А на льдине плавучей маяк зажгли,
Засиял он звездою белою.
Там Папанин сидит на пупу земли,
Он сидит и погоду делает.

Перед ним костер изо льда горит,
Пролетают снежки, как голуби.
Он и вёдро варит, и дожди варит,
И туман пущает из проруби.

Если тучу сварит — путевой листок
Нацепляет на брюхо сразу ей:
«Полетай, мол, ты, облако, на Восток,
Покропи над Середней Азией».

Если сварит вёдро — Папанин рад.
Направляет он светлым донышком
На далекий на город на Ленинград
Золотое красное солнышко.

И пылает маяк на пупу земли,
Будто острый алмаз отточенный,
И плывут на огонь его корабли
По морям нашей вольной вотчины!

1937

ГОРБУН И ПОП

В честном храме опосля обедни,
Каждый день твердя одно и то ж,
Распинался толстый проповедник:
До чего, мол, божий мир хорош!
Хорошо, мол, бедным и богатым,
Рыбкам, птичкам в небе голубом!..
Тут и подошел к нему горбатый
Высохший урод с плешивым лбом.
Он сказал ему как можно кротче:
«Полно, батя! Далеко зашел!
Ты, мол, на меня взглянувши, отче,
Молви: всё ли в мире хорошо?
Я-де в нем из самых из последних.
Жизнь моя пропала ни за грош!»
— «Не ропщи! — ответил проповедник. —
Для горбатого и ты хорош».

1937

ПОДМОСКОВНАЯ ОСЕНЬ

В Перово пришла подмосковная осень
С грибами, с рябиной, с ремонтами дач.
Ты больше, пиджак парусиновый сбросив,
Не ловишь ракеткою теннисный мяч.

Березки прозрачны, скворечники немы,
Утрами морозец хрустит по садам:
И дачница в город везет хризантемы,
И дачник увязывает чемодан.

На мокрых лугах зажелтелась морошка.
Охотник в прозрачном и шумном лесу,
По топкому дерну шагая сторожко,
Несет в ягдташе золотую лису.

Бутылка вина кисловата, как дрожжи.
Закурим, нальем и послушаем, как
Шумит элегический пушкинский дождик
И шаткую свечку колеблет сквозняк.

1937

СТРАДАНИЯ
МОЛОДОГО КЛАССИКА

Всегда ты на людях,
Как слон в зверинце,
Как муха в стакане,
Как гусь на блюде...
Они появляются из провинций,
Способные молодые люди.

«У вас одна комната?
Ах, как мало!
Погодка стоит —
Не придумать плоше!»
Ты хмуришься
И отвечаешь вяло:
«Снимайте, снимайте свои калоши!»

Ты грустно оглядываешь знакомых
И думаешь:
«Ну, добивайте сразу!»
Куда там!
Они извлекают томы
Любовных стихов,
Бытовых рассказов.

«Быть может, укажете недостаток?
Родной!
Уделите одну минуту!
Вы заняты?
Я буду очень краток:
В поэмке —
Всего восемнадцать футов!»

Мелькают листы.
Вдохновенье бурно.
Чтецы невменяемы, —
Бей их, режь ли...
Ты слушаешь.
Ты говоришь:
«Недурно!» —

И — лжешь.
Ибо ты от природы вежлив.

На ходиках без десяти двенадцать,
Ты громко подтягиваешь бечевку,
Но гости твои говорят:
«Признаться,
У вас так уютно!
Мы к вам с ночевкой».

Ты громко вздыхаешь:
«Ложитесь с миром!»
И думаешь
День ото дня плачевней:
Во что превратилась твоя квартира?
В ночлежку?
В родильный приют?
В харчевню?

А ночью под сердцем
Тихонько плачет
Утопленный в пресной дневной водице
Твой стих,
Что был вовсе неплохо начат,
Но помер в тебе,
Не успев родиться.

И, стиснувши, как рукоять кинжала,
Мундштук безобиднейший,
В нервной дрожи
Ты думаешь:
«Муза уже сбежала.
Жена собирается сделать то же...»

А утром,
Когда постучит знакомый,
Ты снова в себе не найдешь сноровки
Ему на докучный вопрос:
«Вы дома?» —
Раздельно ответить:
«В командировке».

1937

ПЕСНЯ ПРО СОЛДАТА

Шилом бреется солдат,
Дымом греется...

Шли в побывку
Из Карпат
Два армейца.

Одвому приснилось:
Мать
Стала гневаться,
А другой шел
Повидать
Красну девицу.

Под ракитой
Небольшой
Под зеленою,
Ов ту девицу
Нашел
Застрелённую.

А чумак
Уху варит
При ковце реки.
«Шли тут нынче, —
Говорит, —
Офицерики.
Извели они,
Видать,
Девку гарную!..»

И подался
Тот солдат
В Красну Армию.

1938

ЗИМНЕЕ

Экой снег какой глубокий!
Лошадь дышит горячо.
Светит месяц одинокий
Через левое плечо.
Пруд окован крепкой бронью,
И уходят от воды
Вправо — крестики вороньи,
Влево — заячьи следы.

Гнется кустик на опушке,
Блещут звезды, мерзнет лес.
Тут снимал перчатки Пушкин
И усы крутил Дантес.
Раздается на полянках
Волчьих свадеб дальний вой.
Мы летим в ковровых санках
По дорожке столбовой.
Ускакали с черноокой —
И одни... Чего ж еще?
Светит месяц одинокий
Через левое плечо.

Неужели на гулянку
С колокольцем под дугой
Понесется в тех же санках
Завтра кто-нибудь другой?
И усы ладонью тронет,
И увидит у воды
Те же крестики вороньи,
Те же заячьи следы,
На березах грачьи гнезда
Да сорочьи терема...
Те же волки, те же звезды,
Та же русская зима...

На кладбище мельком глянет,
Где ограды да кусты,
Мельком глянет,
Нас помянет:
Жили-были и да ты!.,

И прижмется к черноокой,
И задышит горячо.
Глянет месяц одинокий
Через левое плечо.

1938

БЕССМЕРТИЕ

Кем я был? Могильною травою?
Хрупкой галькою береговою?
Круглобоким облачком над бездной?
Ноздреватою рудой железной?

Та трава могильная сначала
Ветерок дыханием встречала,
Тучка плакала слезою длинной,
Пролетая над родной долиной.

И когда я говорю стихами —
От кого в них голос и дыханье?
Этот голос — от прабабки-тучи,
Эти вздохи — от травы горючей!

Кем я буду? Комом серой глины?
Белым камнем посреди долины?
Струйкой, что не устает катиться?
Перышком в крыле у певчей птицы?

Кем бы я ни стал и кем бы не был —
Вечен мир под этим вечным небом:
Если стану я водой зеленой —
Зазвенит она одушевленно,
Если буду я густой травою —
Побежит она волной живою.

В мире всё бессмертно: даже гнилость.
Отчего же людям смерть приснилась?

1938

ГЛУХАРЬ

Выдь на зорьке и ступай на север
По болотам, камушкам и мхам.
Распустив хвоста колючий веер,
На сосне красуется глухарь.

Тонкий дух весенней благодати,
Свет звезды — как первая слеза...
И глухарь, кудесник бородатый,
Закрывает желтые глаза.

Из дремотных облаков исторгла
Яркий блеск холодная заря,
И звенит, чумная от восторга,
Зоревая песня глухаря.

Счастлив тем, что чувствует и дышит,
Красотой восхода упоен, —
Ничего не видит и не слышит,
Ничего не замечает он!

Он поет листву купав болотных,
Паутинку, белку и зарю,
И в упор подкравшийся охотник
Из берданки бьет по глухарю...

Может, так же в счастья день желанный,
В час, когда я буду петь, горя,
И в меня ударит смерть нежданно,
Как его дробинка — в глухаря.

1938

* * *

Прощай, прощай, моя юность,
Звезда моя, жизнь, улыбка!
Стала рукой мужчины
Мальчишеская рука.
Ты прозвенела, юность,
Как дорогая скрипка
Под легким прикосновеньем
Уверенного смычка.
Ты промелькнула, юность,
Как золотая рыбка,
Что канула в сине море
Из сети у старика!

1938

ОСТАНОВКА У АРБАТА

Профиль юности бессмертной
Промелькнул в окне трамвая.
М. Голодный

**Я стоял у поворота
Рельс, бегущих от Арбата,
Из трамвая глянул кто-то
Красногубый и чубатый.
Как лицо его похоже
На мое — сухое ныне!..
Только чуточку моложе,
Веселее и невинней.
А трамвай —
как сдунет ветром,
Он качнулся, уплывая.
Профиль юности бессмертной
Промелькнул в окне трамвая.**

**Мнут годы. Подойдет он —
Мой двойник — к углу Арбата.
Из трамвая глянет кто-то
Красногубый и чубатый,
Как и он, в костюме синем,
С полевою сумкой тоже,
Только чуточку невинней,
Веселее и моложе.
А трамвай —
как сдунет ветром,
Он промчится, завывая...
Профиль юности бессмертной
Промелькнет в окне трамвая.**

**На висках у нас, как искры,
Блещут первые сединки,
Старость нам готовит выстрел
На последнем поединке.
Даже маленькие дети
Станут седы и горбаты,
Но останется на свете
Остановка у Арбата,**

Где, ни разу не померкнув,
Непрестанно оживая,
Профиль юности бессмертной
Промелькнет в окне трамвая!

1939

СЕМЬ БОГАТЫРЕЙ

Крестьяне встали рано
И к лагерю пришли,
Крестьяне капитана
У берега нашли.

Вдоль берега над Збручем
Разбит советский стан.
Задумчиво по круче
Шагает капитан.

Легки стальные кони,
Да враг-то, вишь, не прост:
Спасаясь от погони,
Взорвала шляхта мост.

Приветливы и русы,
Пригожи и ловки
Семь рослых белорусов —
Народ-здоровяки.

Знакомились без страха,
По форме стали в ряд.
Оправили рубахи
И хором говорят:

«Ступай в свою палатку
Да малость отдохни,
А мы положим кладку
Через речные пни».

«Хоть танк не шел ни разу
По этаким мостам,
Обижу их отказом! —
Подумал капитан. —

Не вычерпать колодца
При помощи ковша,
Но пусть построят хлопцы
Мосток из камыша.

Поставлю для опоры
Я за рекой редут,
А к ночи и саперы,
Пожалуй, подойдут!»

В походах отдых краток:
Вздохнул — и вновь бросок!
Отряд в тени палаток
Улегся на часок.

Холщовые онучи,
Худые лапотки.
Берут ломы получше,
Покрепче молотки.

В кустах краснеет осень,
А семеро ребят
Срубают мачты сосен
Да дерево долбят.

Строгают неустанно
Пахучую кору,
И будят капитана
Ребята ввечеру:

«Вставай с шинели быстро,
Товарищ капитан!
Веди своих танкистов
За шляхтой по пятам!

Коня загонишь в мыле,
Коль шляхта кажет хвост!
А мы уже срубили,
Какой сумели, мост».

И веря и не веря
Диковинным вестям,
С крестьянами на берег
Выходит капитан:

Холщовые онучи,
Худые лапотки.

Забили в днище Збруча
Саженные быки.

Построенный по нитке,
Лежит широкий мост,
Гремят по нем зенитки,
Поднявшись в полный рост.

Бегут по мосту танки,
Бегут — не отстают.
Бойцовские тальянки
Без умолку поют!..

Приветливы и русы,
Столпились у реки
Семь русых белорусов —
Народ-здоровяки.

Цветут ромашки в жите
У шляха на краю...
«Товарищи! Скажите
Фамилию свою!»

Товарищи без страха
По форме стали в ряд,
Оправили рубахи
И хором говорят:

«Служить советской рати
Готовы и вперед!
Мы все — родные братья,
А имя нам — народ».

1939

БАЛЛАДА О СТАРОМ ЗАМКЕ

В денек
Золотой и нежаркий
Мы в панскую Польшу вошли
И в старом
Помещичьем парке
Охотничий замок нашли.

Округу
С готических башен
Его петушки сторожат.
Убогие шахматы пашен
Вкруг панского замка лежат.

Тот замок
Из самых старинных.
О нем хоть балладу пиши!
И только
В мужицких чупрннах
От горя
Заводятся вши...

Мы входим туда
Без доклада,
Мы входим без спросу туда —
По праву
Штыка и приклада,
По праву
Борьбы и труда.

Проходим
Молельнею древней
Среди деревянных святых
И вместе с собой
Из деревни
Ведем четырех понятых.

Почти с поцелуем воздушным,
Условности света поправ,

В своем кабинете
Радушно
Встречает нас
Ласковый граф.

Иеряшливо
Графское платье:
У графа —
Супруга больна.
На бархатном
Графском халате
Кофейные пятна вина.

Избегнем
Ненужных вопросов!
Сам граф
Не введет нас в обман:
Он только —
Эстет и фялософ,
Коллекционер,
Меломан.

И он,
Чтоб не вышло ошибок,
Сдает нам
Собранье монет.
Есть в замке
Коллекция скрипок
И только оружия —
Нет.

Граф любит
Оттенки кармина
На шапках
Сентябрьских осин.
О, сладость часов
У камина,
Когда говорит
Клавесин!

Крестьяне?
Он знает их нужды!

Он сам надрывался,
Как вол!
Ему органически чужды
Насилие
И произвол!

И граф поправляет,
Помешкав,
Одно из колец золотых...
Зачем же
Играет усмешка
На синих губах
Понятых?

Они околдованы пеньем
Наяд
В соловьиных садах!..
По шатким
Скрипучим ступеням
Мы всходим
На графский чердак.

Здесь всё —
Как при дедушке было:
Лежит голубиный помет...
Подияв добродушное рыло,
Стоит в уголку
Пулемет!

Так вот что
Философ шляхетский
Скрывал
В своем старом дворце!
Улыбка
Наивности детской
Сияет на графском лице.

Да!
Граф позабыл пулеметы!
Но все подтвердят нам
Окрест:
Они — лишь для псовой охоты

Да вместо трещоток —
В оркестр!..

Как пляшут
Иголочки света
В брильянте на графской руке!
Крестьяне
Философа в Лету
Увозят на грузовике.

«Слезайте
С лебяжьей перины!
Понежились!
Выспались всласть!
Балладу
О замке старинном
Допишет
Советская власть».

1939

ДУМА

Батька сыну говорит: «Не мешкай!
Навостри поди кривую шашку!..»
Сын на батьку поглядел с усмешкой,
Выпил
И на стол поставил чашку.

«Обойдется! — отвечал он хрипло. —
Стар ты, батька, так и праздную труса!
Ну, а я еще горелки выпью,
Сала съем и рушником утрусь».

Всю субботу на страстной неделе
До рассвета хлопцы пировали,
Пиво пили, саламату ели,
Утирали губы рукавами.

Утром псы завыли без причины,
Крик «Алла!» повис над берегами,
Выползали на берег турчины,
В их зубах — кривые ятаганы.

Не видать конца турецкой силе:
Черной тучей лезут янычары!
Женщины в селе заголосили,
Маленькие дети закричали!

А у тех османов
Суд короткий:
Женскою не тронулись слезою,
Заковали пахарей в колодки
И ведут невольников к Азову.

Да и сам казак недолго прожил,
Что отцу ответил гордым словом:
Снял паша
С хмельного хлопца кожу
И набил ее сухой половой.

Посадил его, беднягу, на кол, —
Не поспел казак опохмелиться!..

Шапку снял и горестно заплакал
Над покойным батька смуглолицый:

«Не пришлось мне малых внуков нянчить
Под твоею крышей, сыну милый!
Я стою, седой, как одуванчик,
Над твоею раннею могилой.

Знать, глаза тебе песком задуло,
Что без пользы сгинул ты, задаром.
Я возьму казацкую бандуру
И пойду с бандурой по базарам.

Подниму свои слепые очи
И скажу такое слово храбрым:
Кто в цепях в Стамбул идти не хочет —
Не снимай руки
С турецкой сабли!..»

1939

ЗЯБЛИК

Весной в саду я зяблика поймал.
Его лучок захлопнул пастью волчьей.
Лесной певец, он был пуглив и мал,
Но, как герой, неволю встретил молча.

Он петь привык лесное торжество
Под светлым солнышком на клейкой ветке.
Нет! Золотая песенка его
Не прозвучит в убогой этой клетке!

Упрямец! Он не походил на нас,
Больных людей, уступчивых и дряблых:
Нахохлившись, он молчаливо гас,
Невольник мой, мой горделивый зяблик.

Горсть муравьиных лакомых яиц
Не вызвала его счастливой трели.
В глаза ручных моих домашних птиц
Его глаза презрительно смотрели.

Он все глядел на поле за окном
Сквозь частых проволок густую сетку,
Но я задернул грубым полотном
Его слегка качавшуюся клетку.

И, чувствуя, как за его тюрьмой
Весна цветет всё чище, всё чудесней, —
Он засвистал!.. Что делать, милый мой?
В неволе остается только песня!

1939

КЛЕТКА

Пасмурный щегол и шустрый чижик
Зерна щелкают, водою брызжут —
И никак не уживутся вместе
В тесной клетке на одном насесте.

Много перьев красных и зеленых
Потеряли чижик и щегленок,
Так и норовят пустые птицы
За хохлы друг друга ухватиться.

Глупые пичуги! Неужели
Не одно зерно вы в клетке ели,
Не в одной кормушке воду пили?..
Что ж неволю вы не поделили?

1939

ПЛАСТИНКА

Л. К.

Когда я уйду,
Я оставлю мой голос
На черном кружке.
Заведи патефон,
И вот
Под иголочкой,
Тонкой, как волос,
От гибкой пластинки
Отделится он.

Немножко глухой
И немножко картавый,
Мой голос тебе
Прочитает стихи.
Окликнет по имени,
Спросит:
«Устала?»
Наскажет
Немало смешной чепухи.

И сколько бы ни было
Злого, дурного,
Печалей,
Обид, —
Ты забудешь о них.
Тебе померещится,
Будто бы снова
Мы ходим в кино,
Разбиваем цветник.

Лицо твое
Тронет волненья румянец.
Забывшись,
Ты тихо шепнешь:
«Покажись!..»

Пластинка хрипнёт
И окончит свой танец —

Короткий,
Такой же недолгий,
Как жизнь.

1939

ЦВЕТОК

Я рожден для того, чтобы старый поэт
Обо мне говорил золотыми стихами,
Чтобы Дафнис и Хлоя в четырнадцать лет
Надо мною впервые смешали дыханье,
Чтоб невеста, лицо погружая в меня,
Скрыла нежный румянец в минуту
помолвки.
Я рожден, чтоб в сиянии майского дня
Трепетать в золотистых кудрях
комсомолки.
Одинаково вхож во дворец и в избу,
Я зарей позолочен и выкупан в росах...
Если смерть проезжает в стандартном
гробу,
Торопливая, на неуклюжих колесах,
То друзья и на гроб возлагают венок, —
Чтоб и в тленье мои лепестки трепетали.
Тот, кто умер, в могиле не так одинок
И несчастен, покуда там пахнет цветами.
Украшая постельку, где плачет дитя,
И могильной ограды высокие жерди,
Я рожден утешать вас, равно золотя
И восторги любви и терзания смерти.

1939

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Улетают птицы зá море,
Миновало время жатв,
На холодном сером мраморе
Листья желтые лежат.

Солнце спряталось за ситцевой
Занавескою небес,
Черно-бурою лисицею
Под горой свернулся лес.

По воздушной легкой лесенке
Опустился и повис
Над окном — ненастья вестником —
Паучок-парашютист.

В эту ночь по кровлям тесаным,
В трубах песни заводя,
Заскребутся духи осени,
Стукнут пальчики дождя.

В сад, покрытый ржавой влагою,
Завтра утром выйдешь ты
И увидишь — за ночь — наголо
Облетевшие цветы.

На листве рябин продрогнувших
Заблестит холодный пот.
Дождик, серый как воробышек,
Их по ягодке склюет.

1937—1941

БАБКА МАРИУЛА

После ночи пьяного разгула
Я пошел к Проклятому ручью,
Чтоб цыганка бабка Мариула
Мне вернула молодость мою.

Бабка курит трубочку из глины,
Над болотом вьются комары,
А внизу горят среди долины
Кочевого табора костры.

Черный пес, мне под ноги бросаясь,
Завизжал пронзительно и зло...
Молвит бабка: «Знаю все, красавец,
Что тебя к старухе привело!

Не скупись да рублик мне отщелкай,
И, как пыль за ветром, за тобой
Побежит красотка с рыжей челкой,
С пятнышком родимым над губой!»

Я ответил: «Толку в этом мало!
Робок я, да и не те года...»
В небесах качнулась и упала
За лесок падучая звезда.

«Я сидел, — сказал я, — на вокзалах,
Ездил я в далекие края.
Ни одна душа мне не сказала,
Где упала молодость моя!

Ты наводишь порчу жабьим зубом,
Клады рыть указываешь путь.
Может, юность, что идет на убыль,
Как-нибудь поможешь мне вернуть?»

Отвечала бабка Мариула:
«Не возьмусь за это даже я!
Где звезда падучая мелькнула,
Там упала молодость твоя!»

1 июня 1941

* * *

Когда-то в сердце молодом
Мечта о счастье пела звонко...
Теперь душа моя — как дом,
Откуда вынесли ребенка.

А я земле мечту отдать
Все не решаюсь, все бунтую...
Так обезумевшая мать
Качает колыбель пустую.

15 июня 1941

НОЧЬ В УБЕЖИЩЕ

Ложнишься спать, когда в четыре
Дадут по радно отбой.
Умрешь — единственная в мнре
Всплакнет сирена над тобой.

Где звезды, что тебе знакомы?
Их нет, хотя стоит июль:
В пространствах видят астрономы
Следы трассирующих пуль.

Как много тьмы, как света мало!
Огни померкли, и одна
Вне досяженья трибунала
Мир демаскирует луна.

...Твой голос в этом громе тише,
Чем писк утопленных котят...
Молчи! Опять над нашей крышей
Бомбардировщики летят!

13 августа 1941

ПЛАЧ

В убежище плакал ребенок,
И был нестерпимо высок,
И был раздирающе звонок
Подземный его голосок.

Не треском смешных погремушек,
Что нас забавляли, блестя, —
Отрывистым грохотом пушек
Земля повстречала дитя.

Затем ли живет он? Затем ли
На свет родила его мать,
Чтоб в яму, в могилу, под землю
Ребенка живым закопать?

Ему не забыть этой были:
Как выла сирена в ночи.
Как небо наотмашь рубили
Прожекторы, точно мечи.

Седой, через долгие годы
Он вспомнит: его увели
От бомб, что неслись с небосвода,
В глубокие недра земли.

И если он выживет — где бы
И как бы ни лег его путь, —
Он всюду, боявшийся неба,
К земле будет голову гнуть.

17 августа 1941

ГЛУХОТА

Война бетховенским пером
Чудовищные ноты пишет.
Ее октав железный гром
Мертвец в гробу — и тот услышит!

Но что за уши мне даны?
Оглохший в громе этих схваток,
Из всей симфонии войны
Я слышу только плач солдаток.

2 сентября 1941

ПОГОДА

Ни облачка! Томясь любовной мукой,
Кричат лягушки, пахнет резеда.
В такую ночь и самый близорукий
Иглу отыщет без труда.

А как луна посеребрила воду!
Светло кругом, хоть по руке гадай...
И мы ворчим: «Послал же черт погоду:
В такую ночь бомбежки ожидай».

8 сентября 1941

ЖИЛЬЕ

Ты заскучал по дому? Что с тобою?
Еще вчера, гуляка из гуляк,
Ты проклинал дырявые обои
И эти стены с музыкой в щелях!

Здесь слышно все, что делают соседи:
Вот — грош упал, а вот скрипит диван.
Здесь даже в самой искренней беседе
Словца не скажешь — разве если пьян!

Давно ль ты врал, что угол этот нищий
Осточертел тебе до тошноты?
Давно ль на это мрачное жилище
Ты громы звал?.. А что, брат,
скажешь ты,

Когда, смешавшись с беженскою голью,
Забыв и чин и званье свое,
Ты вдруг с холодной бесприютной болью
Припомнишь это бедное жилье?

23 сентября 1941

ДЕВОЧКА В ПРОТИВОГАЗЕ

Только глянула — и сразу
Напрямик сказала твердо:
«Не хочу противогаза —
У него слоновья морда!»

Дочь строптивую со вздохом
Уговаривает мама:
«Быть капризной — очень плохо!
Отчего ты так упряма?

Я прощу тебе проказы
И куплю медовый пряник.
Походи в противогазе!
Привыкай к нему заране...»

Мама делается строже,
Дочка всхлипывает тихо:
«Не хочу я быть похожа
На противную слониху».

Мать упрямице курносой
Подарить сулила краски,
И торчат льняные косы
С двух сторон очкастой маски.

Между стекол неподвижных
Набок свис тяжелый хобот...
Объясни-ка ей, что ближних
Люди газом нынче гробят,

Что живет она в эпоху,
Где убийству служит разум...
Быть слоном теперь неплохо:
Кто его отравит газом?

1 октября 1941

УГОЛЕК

Минуют дни незаметио,
Идут года не спеша...
Как искра, ждущая ветра,
Незримо тлеет душа.

Когда налетевший ветер
Раздует искру в пожар,
Слепые люди заметят:
Не зря уголек лежал!

23 октября 1941

В ПАРКЕ

Старинной купаленки шаткий настил,
Бродя у пруда, я ногою потрогал.
Под этими липами Пушкин грустил,
На этой скамеечке сиживал Гоголь.

У корней осин показались грибы,
Сентябрьское солнышко греет нежарко.
Далекий раскат орудийной стрельбы
Доносится до подмосковного парка.

Не смерть ли меня окликает, грозя
Вот-вот навалиться на узкие плечи?
Где близкие наши и наши друзья?
Иных уже нет, а другие далече!..

Свистят снегири. Им еще незнаком
Раскатистый гул, отдаленный и слабый.
Наверно, им кажется, будто вальком
Белье выбивают на озере бабы.

Мы ж знаем, что жизнь нашу держит в руках
Слепая судьба и что жребий наш выпал...
Стареющий юноша в толстых очках
Один загляделся на вечные липы.

3 ноября 1941

МАТЬ

Война пройдет — и слава богу.
Но долго будет детвора
Играть в «воздушную тревогу»
Среди широкого двора.

А мужики, на бревнах сидя,
Сочтут убитых и калек
И, верно, вспомнят о «планиде»,
Под коей, дескать, человек.

Старуха ж слова не проронит!..
Отворотясь, исподтишка
Она глаза слепые тронет
Каймою черного платка...

30 ноября 1941

АРХИМЕД

Нет, не всегда смешон и узок
Мудрец, глухой к делам земли:
Уже на рейде в Сиракузах
Стояли римлян корабли.

Над математиком курчавым
Солдат занес короткий нож,
А он на отмели песчаной
Окружность вписывал в чертеж.

Ах, если б смерть — лихую гостью —
Мне так же встретить повезло,
Как Архимед, чертивший тростью
В минуту гибели — число!

5 декабря 1941

СОЛДАТ

Гусар, в перестрелки бросаясь,
Стихи на биваках писал.
В гостиных пленяя красавиц,
Бывал декабристом гусар.

А ныне завален по горло
Военной работой солдат.
Под стать пневматическим сверлам
Тяжелый его автомат.

Он в тряском товарном вагоне
Сидит, разбирая чертеж,
В замасленном комбинезоне
На сварщика чем-то похож.

Ну, что же! Подсчитывай, целься,
Пали в механических птиц!
Ты вышел из книги Уэльса —
Не с ярких толстовских страниц.

С гусарами схож ты не очень:
Одет в меховые штаны,
Ты просто поденный рабочий
Завода страданий — войны.

22 декабря 1941

ВОРОН

В сизых тучках
Солнце золотится —
Точно рдеет
Уголек в золе...
Люди говорят,
Что ворон-птица
Сотни лет
Кочует по земле.

В зимний вечер
В роще подмосковной,
Неподвижен
И как перст один,
На зеленой
Кровельке церковной
Он сидит,
Хохлатый нелюдим.

Есть в его
Насупленном покое
Безразличье
Долгого пути.
В нем таится
Что-то колдовское,
Вечное,
Бессмертное почти!

«Отгадай-ка, —
Молвит он, —
Который
Век на белом свете
Я живу?
Я видал,
Как вел Стефан Баторий
Гордое шляхетство
На Москву.

Города
Лежали бездыханно
На полях
Поруганной земли...

Я видал,
Как орды Чингисхана
Через этот бор
С востока шли.

В этот лес
Французов
Утром хмурым
Завела
Недобрая стезя,
И глядел на них я,
Сыто щуря
Желтые
Ленивые глаза.

Я потом
Из темной чащи слышал,
Как они бежали второпях,
И свивали полевые мыши
Гнезда
В их безглазых черепах.

Тот же месяц
Плыл над сивим бором,
И закат горел,
Как ярый воск.
И у всех у них,
Столетний ворон,
Из костей
Выклевывал я мозг!»

Так и немцы:
Рвутся стаей хищной,
А промчится год —
Глядишь,
Их нет...
Черной птице
Надо много пищи,
Чтоб прожить на свете
Сотни лет.

Декабрь 1941

* * *

Не дитятко над зыбкою
Укачивает мамушка —
Струится речкой шибкою
Людская кровь по камушкам.

Сердца врагов не тронутся
Кручиною великою.
Пусть сыч с высокой звонницы
Беду на них накликает,

Чтоб сделались им пыльными
Пути-дороги узкие,
Крестами надмогильными
Березы стали русские.

Пускай им ноги свяжутся
В пути сухими травами,
Ключи в лесу покажутся
В горячий день — кровавыми,

Костры горят холодными
Негреющими искрами,
В узилища подводные
Утащат реки быстрые.

Вся кровь по капле вытечет,
Тупым ножом отворена,
Пусть злые клювы выточат
О черепа их вороны,

Над головами ведьмою
Завоет вьюга русская,
Одни волки с медведями
Глядят в их очи тусклые,

Чертополох качается
В степи над их курганами,
Червяк — и тот гнушается
Телами их погаными.

1941

1941

Ты, что хлеб свой любовно выращивал,
Пел, рыбачил, глядел на зарю.
Голосами седых твоих пращуров
Я, Россия, с тобой говорю.

Для того ль новосел заколачивал
В первый сруб на Москве первый гвоздь,
Для того ль астраханцам не плачивал
Дани гордый владимирский гость;

Для того ль окрест города хитрые
Выводились заслоны да рвы
И палили мы пеплом Димитрия
На четыре заставы Москвы;

Для того ль Ермаковы охотники
Белку били дробинкою в глаз;
Для того ль пугачевские сотники
Смердам чли Государев Указ;

Для того ли, незнамы-неведомы,
Мы в холодных могилах лежим,
Для того ли тягались со шведами
Ветераны Петровых дружин;

Для того ли в годину суровую,
Как пришел на Москву Бонапарт,
Попалили людишки дворовые
Огоньком его воинский фарт;

Для того ль стыла изморозь хрусткая
У пяти декабристов на лбу;
Для того ль мы из бед землю Русскую
На своем вывозили горбу;

Для того ль сеял дождик холодненький,
Точно слезы родимой земли,
На этап бритолобых колодников,
Что по горькой Владимирке шли;

Для того ли под ленинским знаменем
Неусыпным тяжелым трудом
Перестроили мы в белокаменный
Наш когда-то бревенчатый дом;

И от ярого натиска вражьего
Отстояли его для того ль, —
Чтоб теперь истлевать тебе заживо
В самой горькой из горьких неволь.

Чтоб, тараща глаза оловянные,
Муштровала ребят немчура,
Чтобы ты позабыл, что славянами
Мы с тобой назывались вчера.

Бейся ж так, чтоб пришельцы поганые
К нам ходить заказали другим.
Неприятелям на поругание
Не давай наших честных могил!

Оглянись на леса и на пажити,
Выдвигаясь с винтовкою в бой:
Все, что кровным трудом нашим нажито,
За твоею спиной, за тобой!

Чтоб добру тому не быть растащену,
Чтоб отчизне цвести и сиять,
Голосами седых твоих пращуров
Я велю тебе насмерть стоять!

Февраль 1942

НЕ ПЕЧАЛЬСЯ!

Не печалься! Скоро, очень скоро
Возвратится мирное житье:
Из Уфы вернутся паникеры
И тотчас забудут про нее.

Наводя на жизнь привычный глянец,
Возвратят им старые права,
Полноту, солидность и румянец
Им вернет ожившая Москва.

Засияют окна в каждом доме,
Патефон послышится вдали...
Не печалься: все вернется — кроме
Тех солдат, что в смертный бой пошли.

3 марта 1942

НЕТ!

Вон та
Недалекая роща,
Вся в гнездах
Крикливых грачей,
И холм этот,
Кашкой заросший, —
Уж если не наш он,
Так чей?

Поди
И на старом кладбище
Родные могилы спроси:
Ужель тебе
Сирым и нищим
Слоняться опять
По Руси?

Неужто
Наш кряжистый прадед,
Татарскую
Смявший басму,
Сказал бы:
«Пусть судит и рядит
Чужак
В моем крепком дому»?

Затем ли
Ребячьим гримаскам
Смеялась
Румяная мать,
Чтоб перед солдатом
Германским
Шапчонку
Мальчишке ломать?

К тому ли
Наш край нами нажит,
Чтоб им
Поживился сосед?..

Спроси —
И народ тебе скажет
Мильоноголосое:
Нет!

6 мая 1942

БОГ

Скоро-скоро, в желтый час заката,
Лишь погаснет неба бирюза,
Я закрою жадные когда-то,
А теперь — усталые глаза.

И когда я стану перед богом,
Я скажу без трепета ему:
«Знаешь, боже, зла я делал много,
А добра, должно быть, никому.

Но смешно попасть мне к черту в руки,
Чтобы он сварил меня в котле:
Нет в аду такой кромешной муки,
Чтоб не знал я горше — на земле!»

10 июля 1942

РОДИНА

Весь край этот, милый навеки,
В стволах белокорых берез,
И эти студеные реки,
У плеса которых ты рос.

И темная роща, где свищут
Всю ночь напролет соловьи,
И липы на старом кладбище,
Где предки уснули твои.

И синий ласкающий воздух,
И крепкий загар на щеках,
И деды в андреевских звездах,
В высоких седых париках.

И рожь на полях непочатых,
И эта хлеб-соль средь стола,
И псковских соборов стрельчатых
Причудливые купола.

И фрески Андрея Рублева
На темной церковной стене,
И звонкое русское слово,
И в чарочке пенник на дне.

И своды лабазов просторных,
Где в сене — раздолье мышам,
И эта — на ларчиках черных —
Кудрявая вязь палешан.

И дети, что мчатся, глазея,
По следу солдатских колонн,
И в старом полтавском музее
Полотнища шведских знамен.

И санки, чтоб вихрем летели!
И волка опасливый шаг,
И серьги вчерашней метели
У зябких осинок в ушах.

И ливни — такие косые,
Что в поле не видно ни зги...
Запомни:
Все это — Россия,
Которую топчут враги.

16 августа 1942

КОЛОКОЛ

В колокол, мирно дремавший,
Тяжелая бомба с размаха
Грянула...

А. К. Толстой

В тот колокол, что звал народ на вече,
Вися на башне у кривых перил,
Попал снаряд, летевший издалече,
И колокол, сердясь, заговорил.

Услышав этот голос недовольный,
Бас, потрясавший медное нутро,
В могиле вздрогнул мастер колокольный,
Смешавший в тигле медь и серебро.

Он знал, что в дни, когда стада тучнели
И закрома ломились от добра,
У колокола в голосе звенели
Малиновые ноты серебра.

Когда ж врывались в Новгород соседи
И был весь город пламенем объят,
Тогда глубокий звон червонной меди
Звучал, как ныне... Это был набат!

Леса, речушки, избы и покосы
Виднелись с башни каменной вдали.
По большакам сновали крестоносцы,
Скот уводили и амбары жгли...

И рухнули перил столбы косые,
И колокол гудел над головой
Так, словно то сама душа России
Своих детей звала на смертный бой!

30 августа 1942

КРАСОТА

Эти гордые лбы винчианских мадонн
Я встречал не однажды у русских
крестьянок,
У рязанских молодок, согбенных трудом,
На току молотивших снопы спозаранок.

У вихрастых мальчишек, что ловят грачей
И несут в рукаве полушубка отцова,
Я видал эти синие звезды очей,
Что глядят с вдохновенных
картин Васнецова.

С большака перешли на отрезок холста
Бурлаков этих репинских ноги босые...
Я теперь понимаю, что вся красота —
Только луч того солнца, чье имя —
Россия!

5 сентября 1942

* * *

Да, и такой, моя Россия...
А. Блок

Хочешь знать, что такое Россия —
Наша первая в жизни любовь?
Милый друг! Это ребра косые
Полосатых шлагбаумных столбов.
Это щебет в рябининке горьком,
Пар от резвых коней на бегу,
Это желтая заячья зорька,
След на сахарном синем снегу.
Это пахарь в портах полотняных,
Пес, что воет в ночи на луну,
Это слезы псковских полоняиок,
Поседевших в татарском плену.
Это горькие всхлипы гармоник,
Свет далеких пожаров ночных,
Это — кашка, татарка и донник
На высоких могилах степных.
Это — эхо от песни усталой,
Облаков перелетных тоска,
Это свист за далекой заставой
Да лучина в окне кабака.
Это хлеб в узелке новобранцев,
Это туз, что нашит на плечо,
Это дудка в руке Самозванца,
Это клетка, где жил Пугачев...
Да, страна наша не была раем:
Нас к земле прибивало дождем.
Но когда мы ее потеряем,
Мы милей ничего не найдем!

18 сентября 1942

* * *

Я не знаю, что на свете проще?
Глушь да топь, коряги да пеньки.
Старая березовая роща,
Редкий лес на берегу реки.

Капельки осеннего тумана
По стволам текут ручьями слез.
Серый волк царевича Ивана
По таким местам, видать, и вез.

Ты родись тут Муромцем Илюшей,
Ляг на мох и тридцать лет лежи.
Песни пой, грибы ищи да слушай,
Как в сухой траве шуршат ужи.

На сто верст кругом одно и то же:
Глушь да топь, чижи да дикий хмель...
Отчего ж нам этот край дороже
Всех заморских сказочных земель?

20 сентября 1942

* * *

Скинуло кафтан зеленый лето,
Отсвистели жаворонки всласть.
Осень, в шубу желтую одета,
По лесам с метелкою прошлась,
Чтоб вошла рачительной хозяйкой
В снежные лесные терема
Щеголиха в белой разлетайке —
Русская румяная зима!

1 октября 1942

КЛАДЫ

Смоленск и Тула, Киев и Воронеж
Своей прошедшей славою горды.
Где нашу землю посохом ни тронешь —
Повсюду есть минувшего следы.

Нас дарит кладами былое время.
Копни лопатой — и найдешь везде:
Тут — в Двициге отковадное стремя,
А там — стрелу, каленную в Орде.

Зарыли в землю много ржавой стали
Все, кто у нас попировал в гостях!
Как памятник стоит на пьедестале,
Так встала Русь на вражеских костях.

К нам, древней славы неусыпным
стражам,
Взывает наше прошлое, веля,
Чтоб на заржавленном железе вражьем
И впредь стояла русская земля!

3 октября 1942

АЛЕНУШКА

Стойбище осеннего тумана,
Вотчина ночного соловья,
Тихая царевна Несмеяна —
Родина неяркая моя!

Знаю, что не раз лихая сила
У глухой околицы в лесу
Ножичек сапожный заносила
На твою нетленную красу.

Только все ты вынесла и снова
За раздольем нив, где зреет рожь,
На пеньке у омута лесного
Песенку Аленушки поёшь...

Я бродил бы тридцать лет по свету,
А к тебе вернулся б умирать,
Потому что в детстве песню эту,
Знать, и надо мной певала мать!

9 октября 1942

* * *

Россия! Мы любим неяркий свет
Твоих сиротливых звезд.
Мы косим твой хлеб. Мы на склоне лет
Ложимся на твой погост.

Россия! Ты — быстрый лесной родник,
Степной одинокий стог,
Ты — первый ребячески звонкий вскрик,
Глухой стариковский вздох.

Россия! Мы все у тебя в долгу.
Ты каждому — трижды мать.
Так можем ли мы твоему врагу
В служанки тебя отдать?..

На жизнь и на смерть пойдем за тобой
В своей и чужой крови!
На грозный бой, на последний бой,
Россия, благослови!

Декабрь 1942

БОРЬБА

Века прошли
В борьбе жестокой:
Врага стараясь превозмочь,
Навстречу дню,
Что шел с Востока,
Шла с Запада
Глухая ночь.

Но как бы
Над землею смутно
Ее ни нависала тень, —
Мир знал:
Непобедимо
Утро.
С Востока
Снова встанет день!

1942

ДЕТИ

Страшны еще
Войны гримасы,
Но мартовские дни —
Ясны,
И детвора
Играет в «классы» —
Всегдашнюю
Игру весны.

Среди двора
Вокруг воронки
Краснеют груды кирпича,
А ребятишки
Чуть в сторонке
Толпятся,
Весело крича.

Во взгляде женщины
Несмелом
Видна печаль,
А детвора
Весь день рисует
Клетки мелом
Среди широкого двора.

Железо,
Свернутое в свиток,
Напоминает
О враге,
А мальчуган
На стеклах битых
Танцует
На одной ноге...

Что ж,
Если нас
Враги принудят,
Мы вроем надолбы
В асфальт.

Но дни пройдут —
И так же будет
Звенеть
Беспечный
Детский альт!

Он — вечен!
В смерть душа не верит:
Жизнь не убьют,
Не разбомбят!..
У них эмблема —
Крест и череп.
Мы —
За бессмертный
Смех
Ребят.

1942

ДНЕПРОПЕТРОВСК

На двор выходит
Школьница в матроске,
Гудят над садом
Первые шмели.
Проходит май...
У нас
    в Днепропетровске
Уже, должно быть,
Вишни зацвели.

Да, зацвели.
Но не как прошлым
                летом,
Не белизной,
Ласкающею глаз:
Его сады
Кроваво-красным цветом
Нерадостно
Цветут на этот раз!

И негде
Соловьям
        перекликаться:
У исполкома
Парк
Сожжен дотла,
И на ветвях
Раскидистых акаций
Повешенных
Качаются тела.

Как страшно знать,
Что на родных бульварах,
Где заблудилась
Молодость моя,
Пугают женщин,
От печали старых,
Остроты
Пьяного офицерья...

Друзья мои!
Я не могу забыть их.
Я не прощу
Их гибель палачам:
Мне десять тысяч
Земляков убитых
Спать не дают
И снятся по ночам!

Я думаю:
Где их враги убили?
В Шевченковском,
На берегу Днепра?
У стен еврейского кладбища
Или
Вблизи казарм,
Где сам я жил вчера?

Днепропетровск!
Ужель в твоих кварталах,
Коль не сейчас,
Так в будущем году,
Из множества
Друзей моих бывалых
Я никого,
Вернувшись,
Не найду?

Не может быть!
Всему есть в жизни мера!
Недаром же
С пожарной каланчи
На головы
Немецких офицеров
По вечерам
Слетают кирпичи.

Мои друзья, —
Как их враги ни мучай, —
Ведут борьбу,
И твердо знаю я:

Те,
Кто не носит
Свастики колючей,
В Днепропетровске
Все
Мои друзья!

1942

ЗАВЕТ

В час испытаний
Поклонись отчизне
По-русски,
В ноги,
И скажи ей:
«Мать!
Ты жизнь моя!
Ты мне дороже жизни!
С тобою — жить,
С тобою — умирать!»

Будь верен ей.
И, как бы ни был длинен
И тяжек день военной маеты, —
Коль пахарь ты,
Отдай ей всё, как Минин,
Будь ей Суворовым,
Коль воин ты.

Люби ее.
Клянись, как наши деды,
Горой стоять
За жизнь ее и честь,
Чтобы сказать
В желанный час победы:
«И моего
Тут капля меда есть!»

1942

* * *

Начинается ростепель марта,
И скворец запевает — он жив...
Ты лежишь под гвардейским штандартом,
Утомленные руки сложив.

Ты устал до кровавого пота!
Спи ж спокойно! Ты честно, родной,
Отработал мужскую работу,
Что в народе зовется — войной.

Мы холодные губы целуем, —
Шлем тебе наш прощальный салют,
В том колхозе, что мы отвоюем,
Твоим именем клуб назовут.

Наши девушки будут в петлице
Твой портрет в медальоне носить,
О тебе тракторист смуглолицый
Запоет, выйдя травы косить.

Ты недаром на вражьи твердыни
Шел за землю родимую в бой!
Ты навеки становишься ныне
Сам родимою нашей землей!

Чисто гроба оструганa крышка,
Выступает смола на сосне,
Синеглазый вихрастый мальчишка
По ночам тебя видит во сне.

Он к отцу на колени садится
И его заряжает ружье...
Спи, товарищ! Он будет гордиться,
Что наследовал имя твое.

1942

ОКТЯБРЬСКАЯ БИТВА

Мы песком
На чердаках гасили
Пламя вражьих бомб
В тревоги час.
Фронтовые
Белые автомобили
В гости к смерти
Увозили нас.

Из друзей,
Ушедших в эту осень,
Не один
Простился с головой, —
Но остановили
Двадцать восемь
Вражеские танки
Под Москвой.

Нас босыми
По снегу водили
На допрос и пытку
Из тюрьмы...
Все равно:
Враги не победили!
В этой битве
Победили
Мы!

1942

УБИТЫЙ МАЛЬЧИК

Над проселочной дорогой
Пролетали самолеты...
Мальчуган лежит у стога,
Точно птенчик желторотый.
Не успел малыш на крыльях
Разглядеть кресты паучьи.
Дали очередь — и взмыли
Вражьи летчики за тучи...
Все равно от нашей мести
Не уйдет бандит крылатый!
Он погибнет, даже если
В щель забьется от расплаты.
В полдень, в жаркую погоду
Он воды испить захочет,
Но в источнике не воду —
Кровь увидит вражий летчик.
Слыша, как в печи горячей
Завывает зимний ветер,
Он решит, что это плачут
Им расстрелянные дети.
А когда, придя сторонкой,
Сядет смерть к нему на ложе, —
На убитого ребенка
Будет эта смерть похожа!

1942

ЯСЬ

Вышел Ясь
Из ветхой избушки,
На плетень оперся
У сада.
Видит он:
Бежит к нему с опушки
Его маленький сынок,
Его отрада.

Он в одной руке
Несет веревку,
А другою
Сдерживает сердце:
«Ох, отец!
Нашу старую буренку
Увели проклятые немцы!»

Пожалел старик
Свою скотину,
Он избу стеречь
Оставил бабу,
Чмокнул
На прощанье
Сына
И пошел
К немецкому штабу.

Криками и бранью
Встретил Яся
На крыльце
Фашистский полковник:
«Уходи, собачье мясо!
Убирайся!
Вот еще
Нашелся
Законник!»

Старый Ясь
Ни с чем
Подходит к дому,

Брызжет дождик
Теплый и редкий...
У села
За стогом соломы
Повстречали Ясся
Соседки.

«Ясь!
Покуда ты ходил за коровой —
По селу
Патруль немецкий рыскал.
Ой, убит
Твой сынок чернобровый,
Нет в живых
Твоей женки Марыськи!»

До зари,
Пока не спали певни,
Ясь в ногах просидел
У покойных.
И пошел к попу
На край деревни,
Чтобы мертвых
Погрести достойно.

Он плетется
В горькой обиде,
Смотрит —
Вьется дым синеватый.
Пригляделся старый
И видит:
То горит
Его бедная хата.

Молвил Ясь:
«Не будет с немцем толку!
Стерпим —
Бабы наплюют в глаза нам!..»
Из навоза
Выкопал винтовку
И подался в пущу,
К партизанам.

Хороша
У пущи той дорога,
Да ходить по ней
Врагам неловко:
То из-за куста,
То из-за стога
Достает их
Ясева винтовка!

1942

АНГЛИЙСКИЙ ОРДЕН

Средн резвящихся ребят
Присядет старина —
И, точно солнце, заблестят
На сердце ордена.
И спросит шустрый мальчуган,
Племянников сынок:
«Эй, дед Деннс! За что те дан
Вот этот орденок?»
— «Который? Первый — за Сиваш,
Второй — за Сталинград,
А третий орден, брат, не наш —
Английский орден, брат!..
Подраться с немцами в тот год
Пришлось мне, старику.
Попал я в пулеметный взвод
В двенадцатом полку.
Пришел. Живу среди братвы,
Помалу фрицев бью.
И вдруг бумага из Москвы
Приходит в часть мою:
Мол, есть у вас ефрейтор. Он —
Особенным крестом
За летный подвиг награжден
Английским королем...
Тут я в тупик, признаться, стал!
За что награда мне?
Уж если я когда летал,
Так разве что во сне!
Король про это мог не знать:
К нему не близкий свет.
Но мне-то можно ль орден брать,
Что не заслужен?.. Нет!
Пришел к начальству: «Так н так, —
Комдиву говорю, —
Конечно, за отличья знак
Весьма благодарю!
Да только как его мне взять?..»
И дальше речь свожу
К тому, что надо б полетать,
Авось и заслужу...

«Срок нужен, — молвил генерал, —
Чтоб практику пройти.
Но раз уж в летчики попал —
Давай тогда, лети!..»
На «Иле», помню, в небеса
Поднялся я в тот раз.
Под нами — реки и леса
Едва окинет глаз!
Да только я не друг брехне:
В то утро, веришь ты,
И дела мало было мне
До этой красоты!
Прошу: «Не вывали меня!
Полегче!..» А пилот:
«У моего, — кричит, — коня
Такой уж бойкий ход!»
И повезло мне в этот час:
Едва мы вышли в путь —
Глядим, какой-то фриц от нас
Спешит улепетнуть.
Я летчику сказал: «Земляк!
Прицелка, брат, плоха,
Вишь, немец скачет в небесах,
Как в рукаве блоха.
К нему б ты ближе подъезжал,
Чтоб пули тратить впрок...»
Он проскочил, и я нажал
На спусковой крючок.
Нажал — и «юнкерс» рухнул вниз
С огромной высоты!
«Ну, — думаю, — добро, Денис,
Что там сидел не ты!»
А случай слеп, да все ж не глуп:
Он что со мной сыграл?
На «юнкерсе» летел
фон Шлюпп,
Фашистский генерал...
Комдив, усами шевеля,
Смеялся: «Как? Живой?
Ну, значит, орден короля
Теперь по праву твой!»

«Да, — скажет старый ветеран,
Взглянув на ордена, —
Не зря любой из них мне дан,
Всем им — своя цена:
Смотри — вот этот за Сиваш,
Второй — за Сталинград,
А третий орден, брат, не наш —
Английский орден, брат!»

1943

В НОЧНОМ ПОЛЕТЕ

Замолк далекий отзвук грома,
Звезда вечерняя зажглась.
Со своего аэродрома
Ночь тихо в воздух поднялась.

Она летит — и вслед за нею
Ты старта попросил: пора!
Вот твой мотор чуть-чуть слышнее
Ночного пенья комара.

Поляны, что давно знакомы,
Уже вдали не видишь ты...
Жена теперь, наверно, дома,
И на столе ее — цветы.

А сын сквозь длинные ресницы
Спросонок взглянет и вздохнет.
Ему сейчас, быть может, снится
Отца далекий самолет.

Как тихо над передним краем!
Нигде не разглядеть ни зги.
Но знаешь ты, что тьма сырая
Обманчива: внизу — враги!

Чтоб в День Победы в доме старом
Обнять сынишку и жену,
Сейчас ты бомбовым ударом
Вспугнешь ночную тишину.

Вокруг запляшут в это время
Разрывов желтые мячи.
Начнут рубить глухую темень
Косых прожекторов мечи.

Но, отбомбившись, ты под тучи
Уйдешь — и канешь за рекой
Незримым мстителем летучим
За наш нарушенный покой!

1943

МОРОЗ НА СТЕКЛАХ

На окнах, сплошь заиндевелых,
Февральский выписал мороз
Сплетенье трав молочно-белых
И серебристо-сонных роз.

Пейзаж тропического лета
Рисует стужа на окне.
Зачем ей розы? Видно, это
Зима тоскует о весне.

7 февраля 1943

НОЧНОЙ ПЛАЧ

На дворе — осенней ночи гнилость,
Затрещал сверчок. Огонь погас.
Мой хороший! Что тебе приснилось
В этот самый сумеречный час?

Твой мирок не то, что наш, громоздкий:
Весь его рукой накрыть легко.
В нем из розовой шершавой соски
Теплое струится молочко.

Отчего ж дрожат твои ресницы
И дыханье стало тяжело?
Что тебе печальное присниться,
Страшное привидеться могло?

Иль тоска рыданий безутешных,
Грудь теснящих в этот поздний час,
С кровью перешла к тебе от грешных,
Слишком многое узнавших, — нас?

20 февраля 1943

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Итак, ты выжил. Кончились бомбежки.
Солдаты возвращаются домой.
И выполз ты, еще шальной немножко,
Как муха, уцелевшая зимой.

Ты медленно проходишь пестрым лугом,
Где ветер клонит волны спелой ржи.
Уже почти распаханные плугом,
Еще кой-где чернеют блиндажи.

И ты с улыбкой вспомнил, как, бывало,
Осколки тут жужжали, как шмели.
Теперь здесь тишь. И на дрова — завалы
Колхозницы по щепке разнесли.

В кустах ты видишь танков лом
железный,
На их броне растет зеленый мох...
Как после долгой тягостной болезни,
Ты делаешь счастливый полный вздох.

«Теперь, — ты думаешь, — жизнь будет
длинной!
Спокойной будет старости пора».
И вдруг у ног твоих взорвется мина,
Саперами забытая вчера.

21 февраля 1943

* * *

Вот и вечер жизни. Поздний вечер.
Холодно и нет огня в дому.
Лампа догорела. Больше нечем
Разогнать сгустившуюся тьму.

Луч рассвета, глянь в мое оконце!
Ангел ночи! Пощади меня:
Я хочу еще раз видеть солнце —
Солнце первой половины Дня!

30 апреля 1943

КУКУШКА

Утомленные пушки
В это утро молчали.
Лился голос кукушки,
Полный горькой печали.
Но ее кукованье
Не считал, как бывало,
Тот, кому этой ранью
Встарь она куковала.
Взорван дот в три наката,
Сбита ели макушка...
Молодого солдата
Обманула кукушка!

Лето 1943

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

На полу игрушки. В доме тишь.
Мама вяжет. Ты спокойно спишь.
В темно-голубой квадрат окна
Смотрит любопытная луна.
Где-то в небе возникает вдруг
Ровный-ровный, нежный-нежный звук,
Словно деловитая пчела
Песню над цветами завела.
В ясном небе близ луны плывет
Маленький отцовский самолет.
«Спи, сынок! — гудят его винты. —
Чтоб в саду играл спокойно ты,
Чтоб лежали в домике в тылу
Детские игрушки на полу,
Каждый вечер ввысь взлетаю я,
И со мной летят мои друзья!
Вражьи «юнкерсы» еще бомбят
Беззащитных маленьких ребят.
Их глаза незрячие пусты,
Их игрушки кровью залиты!
Чтоб добыть победу, чтоб принесть
Детям счастье, а фашистам месть, —
Чуть настанет вечер, над тобой
Мы летим на Запад, в жаркий бой!..»
В темно-голубой квадрат окна
Смотрит любопытная луна.
На полу игрушки, в доме тишь.
Мама вяжет. Ты спокойно спишь.
Над тобой отцовский самолет
Песню колыбельную поет.

1943

ДНЕПРОПЕТРОВСКУ

Здравствуй, город чугуна и стали,
Выдержавший бой с лихим врагом!
Варвары тебя не растоптали
Кованым немецким сапогом.

Молчаливый, опустевший, темный,
Ты как воин, а не как слуга,
Погасив пылающие домны,
Встретил ненавистного врага!

Жаждавший днепропетровской стали,
Немец получал ее в ночи
Только пулями, что залетали
В дом, где пировали палачи!

Вдоль проспектов новых и бульваров
Враг поставил виселицы в ряд.
Но сердца суровых сталеваров
Крепче стали, что они варят!

И в октябрьский день, уже нежаркий,
В своего освобожденья час,
Шумом лип Шевченковского парка
Воскрешенный город встретил нас!

Радость стариков и смех подростков,
Всё, чем ты, победа, дорога, —
Нам залог, что сталь Днепропетровска
Скоро полетит в лицо врага!

1943

* * *

Оказалось, я не так уж молод;
Юность отшумела. Жизнь прошла.
До костей пронизывает холод,
Сердце замирает от тепла.

В час пирушки кажется хмельною
Даже рюмка слабого вина,
И коль шутит девушка со мною,
Все мне вспоминается жена.

1943

КОТ

На тюфячке, покрытом пылью,
Он припеваючи живет,
Любимец третьей эскадрильи —
Пушистый одноухий кот.

Землянка — тесное жилище,
Зато тепла землянка та...
Комэск в селе на пепелище
Нашел бездомного кота.

Бывает — полночь фронтовая,
Темно... По крыше дождь сечет...
И вдруг, тихонько напевая,
На стул комэска вспрыгнет кот.

Снаружи ветер глухо воет,
В окошке не видать ни зги...
А кот потрется головою
О фронтовые сапоги,

И просветлеет взгляд комэска,
Исчезнет складочка у рта.
Как полон золотого блеска
Давно забытый взгляд кота!

И кажется, не так уж сыро,
И дождь в окно не так стучит.
Уютной песенкою мира
Кота мурлыканье звучит.

И словно не в консервной банке
Горит фитиль из волокна,
И мнится, что в пустой землянке
Вот-вот заговорит жена.

1943

ДЕНЬ СУДА

За то, что, каскою рогатою увенчан
И в шкуру облачен, ты был, как гунн,
жесток,
За пепел наших сел, за горе
наших женщин,
От милых сердцу мест ушедших
на восток,

За горькую тоску напевов похоронных
Над павшими в огне
кровопролитных сеч,
За вбитые в глаза немецкие патроны,
За головы детей, разбитые о печь,

За наши города, за храмы наших
зодчих,
Повергнутые в прах разбойничьей
пальбой,
За наш покой, за то,
что на могилах отчих
Ругаются скоты, взращенные тобой,

За хлеб, что ты украл с широких
наших пашен,
За бешенство твоих немецких Салтычих,
За безутешный плач
несчастных пленниц наших
На каторге твоей и за бесчестье их,

За всех, кто был убит в церквах,
в подвалах, в ригах,
Кто бился на кострах,
от ужаса крича, —
Исполнится написанное в книгах:
«Поднявший меч погибнет от меча».

Как бешеного пса, тебя
в железной клетке
На площадь привезут народу напоказ,

И матери глаза закроют малолеткам,
Чтоб не пугаться им твоих
свирепых глаз.
И грохот костылей раздастся на дорогах:
Из недр своих калек извергнут города.
Их тысячи — слепых, безруких и безногих
На площадь приползут в день твоего
суда.

И, крови не омыв, не отирая пота,
Не слыша ничего, не видя ничего,
Чудовищной толпой, сойдясь у эшафота,
Слепые завопят: «Отдайте нам его!»

И призраки детей усядутся в канавах,
И вдовы принесут в пустых глазах
тоску...
Куда тебе бежать от пальцев их
костлявых,
Что рвутся к твоему сухому кадыку?

И встанут мертвецы. Их каждый холм,
и пажить,
И рощица отдаст в жестокий этот час.
Их мертвые уста тебе невнятно скажут:
«Ты все еще живешь, злодей,
убивший нас?»

Тебя отвергнет друг,
откажет мать в защите,
Промолвив: «Пусть над ним исполнится
закон!
Мне этот зверь — не сын! На суд его
тащите!
Я проклинаю ночь, когда родился он!»

Тогда впервые ты почуешь
смертный ужас
И, слыша, как твоя седеет голова,
Завертишься ужом, уйти от кары тужась,
И станешь лепетать о милости слова.

Но проклят всеми ты!
И милости не будет!
Враги тебе — земля, и воздух, и вода...
И если правда есть, и если подлость
судят,
То скоро для тебя наступит День Суда!

1943

УЗЕЛ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Через лужок, иаискосок
От точки огневой,
Шумит молоденький лесок,
Одевшийся листвой.

Он весь — как изумрудиый дым,
И радостно белы
Весенним соком молодым
Налитые стволы.

Весь день иа солице знай лежи!..
А в роще полутьма.
Там сходят пьяные чижи
От радости с ума.

Мие жар полдиевиый не с рукн.
Я встаиу и пойду
Искать вдоль рощи васильки,
Подсвистывать дрозду.

Но поднимись ие то что сам —
Из ямы выставь жердь —
И сразу к птичьим голосам
Прибавит голос смерть.

Откликиется без долгих слов
Ее глухой басок
Из-за березовых стволов,
С которых каплет сок.

Мие довелось иемало жить,
Чтоб у того узла
Узиать, что гибель может быть
Так призрачно бела!

1943

ЦЫГАНКА

Устав от разводов и пьянок,
Гостиных и карт по ночам,
Гусары влюблялись в цыганок,
И седенький поп их венчал.

«Дворянки» в капотах широких
Навагу едали с ножа,
Но староста знал, что оброка
Не даст воровать госпожа.

И слушал майор в кабинете,
Пуская дымок сквозь усы,
Рассказ, как «мужицкие» дети
Барчатам разбили носы!..

Он знал, что, когда он отдышит
И сляжет и встретит свой час, —
Цыганка поднимет мальчишек
И в корпус кадетский отдаст.

И вот уходил ее сверстник,
Ее благодетель — во тьму,
И пальцы в серебряных перстнях
Глаза закрывали ему.

Под гул севастопольской пушки
Вручал старшина Пантелей
Барчонку от смуглой старушки
Иконку и триста рублей.

Старушка в наколке нелепой
По дому бродила с клюкой,
И скоро в кладбищенском склепе
Ложили ее на покой.

А сыну глядела Россия,
Ночная метель и гроза
В немного шальные, косые,
С цыганским отливом глаза...

Доныне в усадебке старой
Остались следы этих лет:
С малиновым бантом гитара
И в рамке овальной портрет.

В цыганкиных правнуках слабых
Тот пламень дотлел и погас,
Лишь кровь наших диких прабабок
Нам кинется в щеки подчас.

16 января 1944

АННА

Эту женщину звали Анной.
За плечом ее возникал
Грохот музыки ресторанной,
Гипнотический блеск зеркал.

Повернется вполоборота,
И казалось — звенит в ушах
Свист японского коверкота
И фокстрота собачий шаг.

Эту женщину ни на волос
Не смогла изменить война:
Патефона растленный голос
Все звучал из ее окна.

Все по-прежнему был беспечен
Нежный очерк румяных губ...
Анна первой пришла на вечер
В офицерский немецкий клуб,

И за нею следил часами,
Словно брал ее на прицел,
Фат с нафабренными усами —
Молодящийся офицер.

Он курил, задыхаясь, трубку,
Сыпал пепел на ордена...
Ни в концлагерь, ни в душегубку
Не хотела попасть она.

И, совсем не грозя прикладом,
Фат срывал поцелуи, груб,
С перепачканных шоколадом,
От ликера припухших губ.

В светлых туфельках, немцем данных,
Танцевавшая до утра,
Знала ль ты, что пришла в Майданек
В этих туфлях твоя сестра?

До чего же твой отдых сладкий
Среди пудрой пропахшей мглы
Омрачали глаза солдатки,
Подметавшей в дому полы?

Иль, попав в золотую клетку,
Ты припомнить могла, что с ней
Вместе кончила семилетку
И дружила немало дней?

Но послышалась канонада, —
Автоматом вооружен,
Ганс сказал, что уехать надо
С эшелоном немецких жен.

В этих сумерках серых, стылых
Незаметно навел, жесток,
Парабеллум тебе в затылок,
В золотящийся завиток.

Май 1944

* * *

Какое просторное небо! Взгляни-ка:
У дальнего леса дорога пылит,
На тихом погосте растет земляника,
И козы пасутся у каменных плит.

Как сонно на этом урочище мертвых!
Кукушка гадает кому-то вдали,
Кресты покосились, и надписи стерты,
Тяжелым полетом летают шмели.

И если болят твои старые кости,
Усталое бедное сердце болит, —
Иди и усни на забытом погосте
Средь этих простых покосившихся плит.

Коль есть за тобою вина или промах
Такой, о котором до смерти грустят, —
Тебе все простят эти ветви черемух,
Всё эти высокие сосны простят.

И будут другие безумцы на свете
Метаться в тенетах любви и тоски,
И станут плести загорелые дети
Над гробом твоим из ромашек венки.

Присядут у ног твоих юноша с милой,
И ты сквозь заката малиновый дым
Услышишь слова над своею могилой,
Которые сам говорил — молодым.

9 июля 1944

ВРАГ

Я поседел, я стал сутулей
В густом пороховом дыму.
Железный крест, пробитый пулей,
Привез мальчишке моему.

Как гунн, топтал поля Европы
Хозяин этого креста.
Он лез на русские окопы
С губной гармоникой у рта.

Он грудью рыжей и косматой
С быком — и то поспорить мог,
Он нес обоймы автомата
За голенищами сапог.

Он рвался пьяный в гущу драки,
Глаза от злости закатив,
И выводил в пылу атаки
Баварский сладенький мотив.

Он целый мир — никак не меньше —
Видал у ног своих во сне,
Он прятал снимки голых женщин
В телячий ранец на спине.

«Иван! — кричал он. — Как ни бейся,
Я все равно твой дом взорву!..»
И он глядел сквозь стекла цейса
На недалекую Москву.

Остроконечной пулей русской
Солдат, входящий ныне в Брест,
Навылет возле планки узкой
Пробил его железный крест.

И вот теперь под Старой Руссой
Его червяк могильный ест,
И сунул мой мальчишка русый
В карман его железный крест.

Он там лежит рядком с рогаткой,
С крючком для удочки — и мать
Зовет игрушку эту гадкой
И норовит ее сломать.

А кости немца пожелтели,
Их моет дождь, их сушит зной.
Давно земля набилась в щели
Его гармоники губной.

Среди траншей, бомбежкой взрытых,
Лежит в конверте голубом
Порнографических открыток
Врагом потерянный альбом.

Лишь фляга с гущею кофейной
Осталась миру от него,
И автомат его трофейный
Висит на шее у того,

Кто для заносчивых соседей
Хребет на барщине не гнет,
С ножом выходит на медведя
И белку в глаз дробинкой бьет!

20 июля 1944

ПЛЕННЫЕ

Шли пленные шагом усталым
Без шапок. В поту и в пыли
При всех орденах генералы
В колонне их — первыми шли.

О чем эти люди грустили?
Сбывался их сон наяву:
Без выстрела немцев пустили
В столицу России — Москву.

Здесь пленные летчики были.
Искал их потупленный взгляд
Домов, что они разбомбили
Недавно — три года назад.

Но кровель нагретые скаты
Тянулись к июльским лучам,
И пленных глаза — виновато
Глядели в глаза москвичам.

Теперь их смешок был угодлив:
«Помиримся! Я не жесток!
Я дьявольски рад, что сегодня
Окончил поход на Восток!»

Простить их? Напрасные грезы!
Священная ярость — жива!..
Их слезы — те самые слезы,
Которым не верит Москва!

У девушки в серой шинели
По милому сердце болит,
Бредя по московской панели,
Стучит костылем инвалид...

Ведь если б Восток их не встретил
Упорством своих контратак —
По солнечным улицам этим
Они проходили б не так!

Тогда б под немецкою лапой
Вот этот малыш умирал,
В московском отделе гестапо
Сидел бы вон тот генерал...

Но, смяты военною бурей,
Проварены в русском котле,
Они лишь толпою понурой
Прошли по московской земле.

За ними катились машины,
На камни струилась вода,
И солнца лучи осушили
Их пакостный след — навсегда.

22 июля 1944

* * *

О твоей ли, о моей ли доле,
Как ты все снесла, как я стерпел, —
На рассвете, на рассвете в поле,
В чистом поле жаворонок пел?

Что ж осталось, что же нам осталось?
Потерпи хоть час, хоть полчаса...
Иссеклась, поблекла, разметалась
Та коса, заветная коса!

Я не знаю, я и сам не знаю —
Наша жизнь долга иль коротка?
Дом ли строю, песню ль запеваю —
Молкнет голос, падает рука!

Скоро, друг мой нежный,
друг мой милый,
Голосистый жаворонок тот
Над моею, над твоей могилой
Песню, чудо-песню запоет.

24 июля 1944

* * *

Месяц однорогий
Выплыл, затуманясь.
По степной дороге
Проходил германец.

С древнего кургана
В полусвете слабом
Скалилась нагая
Каменная баба.

Скиф ладонью грубой
В синем Заднепровье
Бабе мазал губы
Вражескою кровью.

Из куска гранита
Высечены грубо,
Дрогнули несыто
Идоловы губы.

Словно карауля
Жертву среди ночи,
На врага взглянули
Каменные очи.

Побежал германец
По степной дороге,
А за ним хромали
Каменные ноги.

Крикнул он, шатаясь,
В ужасе и в муке,
А его хватали
Каменные руки...

Зорька на востоке
Стала заниматься.
Волк нашел в осоке
Мертвого германца.

2—3 октября 1944

ПОБЕДА

Шло донское войско на султана,
Табором в степи широкой стало,
И казаки землю собирали —
Кто мешком, кто шапкою бараньей.
В холм ее, сырую, насыпали,
Чтоб с кургана мать полуслепая
Озирала степь из-под ладони:
Не пылят ли где казачьи кони?
И людей была такая сила,
Столько шапок высыпано было,
Что земля струей бежала, ширясь,
И курган до звезд небесных вырос.
Год на то возвышенное место
Приходили жены и невесты,
Только, как ни вглядывались в дали,
Бунчуков казачьих не видали.
Через три-четыре долгих года
Воротилось войско из похода,
Из жестоких сеч с ордой поганой,
Чтобы возле прежнего кургана
Шапками курган насыпать новый —
Памятник годины той суровой.
Сколько шапок рать ни насыпала,
А казаков так осталось мало,
Что второй курган не вырос выше
Самой низкой камышовой крыши.
А когда он встал со старым рядом,
То казалось, если смерить взглядом, —
Что поднялся внук в ногах у деда...
Но с него была видна победа.

14 ноября 1944

* * *

Был слеп Гомер и глух Бетховен,
И Демосфен косноязык.
Но кто поднялся с ними вровень,
Кто к музам, как они, привык?
Так что ж педант, насупясь, пишет,
Что творчество лишь тем дано,
Кто остро видит, тонко слышит,
Умеет говорить красно?
Иль им, не озаренным духом,
Один закон всего знаком —
Творить со слишком добрым слухом,
Со слишком длинным языком?

1944

ИНФАНТА

1

Шлейфы дам и перья франтов
Не трепещут в блеске бала.
Молчалив покой инфанты
В глубине Эскурнала.

Там замкнулась королева
С королем, своим супругом.
Дочь их тяжко заболела
Изнурительным недугом.

Зря епископ служит мессу,
Лекарь бьется, маг ворожит, —
Захворавшую принцессу
Исцелить никто не может!

Где он, взгляд живой и пылкий,
Полный негою любовной?
Еле-еле бьется жилка
На руке ее бескровной.

Говорит король в томленье:
«Я бы дал врачу, как сыну,
За инфанты исцеленье
Королевства половину!»

«Если б снять недуг с инфанты, —
Королева шепчет слабо, —
Я бы все мои брильянты
Иезуитам отдала бы!»

Меж родных нашедший место,
От сердечной скорби бледный,
Наклонился над принцессой
Португальский принц наследный.

«Если б стала донья крепче, —
Я пошел бы, как скиталец,

К божью гробу!» — жарко шепчет
Безутешный португалец.

И, своим владыкам силясь
Пособить в беде их черной,
Из угла тихонько вылез
Бородатый шут придворный.

«Мой король! — сказал он грустно, —
Много раз встречал в беде я
Врачевателей искусных
Средь проклятых иудеев.

Этот род достоин смеха,
Обречен костру и шпаге,
Но вчера в Мадрид приехал
Рабби Симха из Гааги.

Мертвецы встают из гроба,
Если он прикажет: «Встаньте!»
Повелитель мой! Попробуй —
Позови его к инфанте!»

2

Королю поклон отвесив
И томясь придворным блеском,
Врач стоит перед принцессой
В пышной спальне королевской.

Тяготит его повязка
С желтым знаком иудея!...
На щеках инфанты краска
Выцветает, холодея.

Не встает она с постели,
Дышит слабо и неровно,
Жилка бьется еле-еле
На руке ее бескровной.

А вокруг — безлюдны залы,
Тишина в дворце просторном.

«У принцессы крови мало! —
Говорит еврей придворным. —

Злой недуг ее погубит,
Унесет или состарит.
Кто инфанту больше любит,
Тот ей кровь свою подарит!»

При словах его, как дети,
Царедворцы задрожали.
«Кровь моя, — король ответил, —
Это кровь моей державы!»

Королева, хмуря брови,
Отвечала: «Разве мало
Я дала инфанте крови
В день, когда ее рожала?»

Принц глядел в окно куда-то,
Теребя свои перчатки.
Он сказал, что кровь солдату
Лить прилично только в схватке...

Врач, блестя холодным взглядом,
Вынул скальпель и реторту:
«Сам я крови сколько надо
Дам инфанте полумертвой.

Чтоб поверили в науку,
Возвращающую силу!..»
Обнажил худую руку
И ножом надрезал жилу.

3

Кровь инфанты стала жаркой,
Хворь ее прошла бесследно.
С ней гуляет в старом парке
Португальский принц наследный.

1944

МАТЬ

Любимого сына старуха в поход
провожала,
Винцо подносила, шелкоаое стремя
держала.
Ои сел на конь и сказал,
выезжая в ворота:
«Что ж! Видно, такая уж наша
казачья работа!
Ты, мать, не помри без меня
от докуки и горя:
Остаиусь в живых — так домой ворочусь
из-за моря.
Жди в гости меня, как на север
потяиутся гуси!..»
«Ужо не помру! — отвечала старуха.
— Дождуся!»

Два года оиа простояла у тына.
Два года
На запад глядела: ие едет ли сын
из похода?
На третьем году стала смерть
у ее изголовья.
«Пора! — гоаорит. — Собирайся
на отдых, Прасковья!»

Старуха сказала: «Я рада отдать тебе
душу,
Да как я свою материискую клятву
нарушу?
Покуда из дома хлеб-соль я не вынесу
сыну,
Я смертиое платье свое из укладки
не выну!»

Тут смерть поглядела в кувшин
с ледяною водою.
«Судьбина, — сказала, — грозит ему
горькой бедою:

В неведомом царстве, где небо
горячее сине,
Он, жаждой томясь, заблудился
в безводной пустыне.
Коль ты мне без спору отдашь
свое старое тело,
Пожалуй, велю я, чтоб тучка над ним
пролетела!»
И матери слезы упали на камень
горючий,
И солнце над сыном затмилось
прохладною тучей.
И к влаге студеной припал он
сухими губами,
И мать почему-то пришла удалому
на память.

А смерть закричала: «Ты что ж меня,
баба, морочишь?
Сынка упасла, в могилу ложиться
не хочешь?»
И мать отвечала: «Любовь, знать,
могилы сильнее!
На что уж ты — сила, а что ты
поделаешь с нею?
Не гневайся, матушка. Сядь. Подожди,
коли хочешь,
Покуда домой из похода вернется
сыночек!»

Смерть глянула снова в кувшин
с ледяною водою.
«Судьбина, — сказала, — грозит ему
новой бедою:
Средь бурного моря сынок твой
скитается ныне,
Корабль его тонет, он гибнет
в глубокой пучине.
Коль ты мне без спору отдашь свою
грешную душу,
Пожалуй, велю я волне его кинуть
на сушу!»

И смерть замахнулась косой над ее
сединою.
И к берегу сына прибило могучей
волною,
И он заскучал по родному далекому дому
И плетью своей постучал в подоконник
знакомый.
«Ну! — молвила смерть.
— Я тут попусту времечко трачу!
Тебе на роду написали, я вижу, удачу.
Ты сыну, не мне, отдала свою душу
и тело.
Так вот он стучится. Милуйся же с ним,
как хотела!»

1944

* * *

Такой ты мне привиделась когда-то:
Молочный снег, яичная заря.
Косые ребра будки полосатой,
Чиновничья припрыжка снегиря.

Я помню чай в кустодиевском блюдце,
И санный путь, чуть вьюга улеглась,
И капли слез, которые не льются
Из светло-серых с поволокой глаз...

Что ж! Прав и я: бродяга —
                                        дым становий,
А полководец — жертвенную кровь
Любил в тебе... Но множество любовей
Слилось в одну великую любовь!

1944

* * *

Ты говоришь, что наш огонь погас,
Твердишь, что мы состарились с тобою,
Взгляни ж, как блещет небо голубое!
А ведь оно куда старее нас...

1944

* * *

Юность! Ты не знаешь власти
детских ручек,
Голоска, что весел, ломок и высок.
Ты не понимаешь, что,
как звонкий ключик,
Сердце открывает этот голосок!

1944

* * *

Кайсыну Кулиеву

Ночь поземкою частой
Заметает поля.
Я пишу тебе. Здравствуй!
Офицер Шамиля.

Вьюга зимнюю сказку
Напевает в трубу.
Я прижал по-кавказски
Руку к сердцу и лбу.

Искры святочной ваты
В полутьме голубой...
Верно, в дни Газавата
Мы встречались с тобой.

Смолкла ярость былая,
Примириться веля,
Я — гусар Николая,
Ты — мюрид Шамиля.

Но над нами есть выше,
Есть нетленнее свет:
Я не знаю, как пишут
По-балкарски «поэт».

Но не в песне ли сила,
Что открыла для нас
Кабардинцу — Россию,
Славянину — Кавказ?

Эта сила — не знак ли,
Чтоб, скитальем ведом,
Заходил ты, как в саклю,
В крепкий северный дом.

И, как Байрон, хромая,
Проходил к очагу...
Пусть дорога прямая
Тонет в рыхлом снегу, —

В очаге, не померкнув,
Пламя льнет к угольках,
И, как колокол в церкви,
Звонок тонкий бокал.

К утру иней налипнет
На сосновых стенах...
Мы за лирику выпьем
И за дружбу, кунак!

10 февраля 1945

ЗАДАЧА

Мальчик жаловался, горько плача:
«В пять вопросов трудная задача!
Мама, я решить ее не в силах,
У меня и пальцы все в чернилах,
И в тетради места больше нету,
И число не сходится с ответом!»
— «Не печалься! — мама отвечала. —
Отдохни и все начни сначала!»
Жизнь поступит с мальчиком иначе:
В тысячу вопросов даст задачу.
Пусть хоть кровью сердце обольется —
Все равно решать ее придется.
Если скажет он, что силы нету, —
То ведь жизнь потребует ответа!
Времени она оставит мало,
Чтоб решать задачу ту сначала, —
И покуда мальчик в гроб не ляжет,
«Отдохни!» — никто ему не скажет.

1 марта 1945

* * *

В заштопанных косынках полотняных,
Для праздника отмытых добела,
Толпа освобожденных полонянок
По городу готическому шла.

А город был купеческий, старинный,
Глухой, как погреб, прочный,
как тюрьма.
Склонявшийся над свечкой стеаринной,
В нем Гофман медленно сходил с ума.

В домах, за стеклами
в стрельчатых рамах,
Полночный, буйный факультетский пир
Справляли бурши в синеватых шрамах —
Следах тупых студенческих рапир.

Морщинистой рукой котенка гладя,
Поднявши чашечку в другой руке,
Он пил свой кофе — в байковом халате,
В пошитом из фланели колпаке.

Румянец выступал на щечках дряблых,
Виски желтели, как лежалый мел.
В неволе ослепленный гарцский зяблик
Над старичком в плетеной клетке пел.

Апрель 1945

КАК МУЖИК ОБИДЕЛСЯ

Никанор первопутком ходил в извоз,
А к траве ворочался до дому.
Почитай, и немного ночей пришлось
Миловаться с женой за год ему!

Ну, да он был старательный мужичок:
Сходит в баньку, поест, побреется,
Заберется к хозяюшке под бочок —
И, глядишь, человек согреется.

А Матрена рожать здорова была!
То есть экая баба клятая:
Муж на пасху воротится — тяжела.
На крещенье придет — брюхатая!

Никанор, огорченья не утая,
Разговор с ней повел по-строгому:
«Ты, Матрена, крольчиха аль попадья?
Снова носишь? Побойся бога, мол!»

Тут уперла она кулаки в бока:
«Спрячь глаза, — говорит, — бесстыжие!
Аль в моих куличах не твоя мука?
Все ребята в тебя. Все — рыжие!»

Начала она зыбку качать ногой,
А мужик лишь глазами хлопает:
На коленях малец, у груди — другой,
Да еще трое лазят по полу!

Он, конечно, кормил их своим трудом,
Но, однако же, не без жалобы:
«Положительно, граждане, детский дом:
На пять баб за глаза достало бы!»

Постарел Никанор. Раз — глаза протер,
Глядь-поглядь, а ребята взрослые.
Стал Никита — шахтер, а Федот — монтер,
Все — большие, ширококостые!

Вот по горницам ходит старик, ворча:
«Без ребят обернулся где бы я?
Захвораю, так кличу сынка-врача,
Лук сажу — агронома требую!

Про сынов моих слава идет окрест,
Что ни дочка — голубка сизая!
А как сядут за стол на двенадцать мест,
Так куда тебе полк — дивизия!..»

Поседела Матренина голова:
Уходилась с такой оравою.
За труды порешила ее Москва
Наградить «Материнской славою».

Муж прослышал и с поля домой попер,
В тот же вечер с хозяйкой свиделся.
«Нынче я, — заявляет ей Никанор, —
На Верховный Совет обиделся.

Нету слов, — говорит, —
хоть куда декрет!
Наградить тебя — дело нужное,
Да в декрете пустячной статейки нет:
Про мои про заслуги, мужние!

Наше дело, конечно, оно пустяк.
Но меня забижают, вижу я:
Тут, вертись не вертись,
а ведь как-никак —
Все ребята в меня. Все — рыжие!

Девять парней — что соколы, и опять —
Трое девок, и все — красавицы!
Ты Калинычу, мать, не забудь сказать:
Без опары пирог не ставится.

Уж коли ему орден навесить жаль,
Все ж пускай обратит внимание
И велит мужикам нацеплять медаль —
Не за доблесть, так за старание.

Коль поправку мою он внесет в декрет —
Мы с тобой, моя лебедь белая,
Поживем-поживем да под старость лет
Октябреика, глядишь, и сделаем!»

4 мая 1945

* * *

Все мне мерещится поле с гречихою.
В маленьком доме сирень на окне,
Ясное-ясное, тихое-тихое
Летнее утро мерещится мне.

Мне вспоминается кляча чубарая,
Аист на крыше, скирды на гумне,
Темная-темная, старая-старая
Церковка наша мерещится мне.

Чудится мне, будто песню печальную
Мать надо мною поет в полусне,
Узкая-узкая, дальняя-дальняя
В поле дорога мерещится мне.

Где ж этот дом с оторвавшейся ставнею,
Комната с пестрым ковром на стене?
Милое-милое, давнее-давнее
Детство мое вспоминается мне.

13 мая 1945

МЫШОНОК

Что ты приходишь, горбатый мышонок,
В комнату нашу в полуночный час?
Сахарных крошек и фруктов сушеных
Нет и в помине в буфете у нас.

Бедный мышонок! Из кухонь соседних,
Верно, тебя выгоняют коты.
Знаешь ли? Мне, мой ночной собеседник,
Кажешься слишком доверчивым ты!

Нрав домработницы нашей — не кроткий:
Что, коль, незваных гостей не любя,
Вдруг над тобой занесет она щетку
Иль в мышеловку изловит тебя?..

Ты поглядел, словно вымолвить хочешь:
«Жаль расставаться с обжитым углом!»,
Словно согреться от холода ночи
Хочешь моим человечьим теплом.

Чудятся мне, одиночеством горьким
Блещут чуть видные бусинки глаз.
Не потому ли из маленькой норки
Ты и выходишь в полуночный час?..

Что ж! Пока дремлется кошкам и людям
И мышеловок не видно вокруг, —
Мы с тобой все наши беды обсудим,
Мой молчаливый, мой маленький друг!

Я — не гляди, что большой и чубатый, —
А у соседей, как ты, не в чести.
Так приходи ж, мой мышонок горбатый,
В комнату к нам — и подольше гости!

15 мая 1945

* * *

На кладбище возле домика
Весна уже наступила:
Разросшаяся черемуха,
Стрекающая крапива.

На плитах щербатых каменных
Любовники ночью синей
Опять возжигают пламенник
Природы неугасимой.

Так трется между жерновами
Бессмертный помол столетий...
Наверное, скоро новые
В поселке заплачут дети.

2 июня 1945

* * *

Ой, на вербе в поле
Черный ворон крячет,
У врага в неволе
Полонянка плачет.

Смотрит затуманясь,
Как на тын высокий
Вешает германец
Проволоку с током...

Барахля мотором,
По щебенке хрупкой
Мимо в крематорий
Мчится душегубка.

В ней — казак, с губами,
Что краснее мака.
В газовую баню
Повезли казака.

Больше полонянка
Не обнимет парня...
Встал на полустанке
Порожняк товарный.

В ноги Украине
Поклонись, Ганнуся,
С каторги доныне
Разве кто вернулся?..

Язычище мокрый
Вываливши жарко,
На дивчину смотрит
Рыжая овчарка.

И на всю округу
Тянет обгорелым
Тошнотворным духом —
Человечьим телом,

Утро просыпаться
Начало, мерцая,
На постах в два пальца
Свищут полицаи.

Но над чьей засадой,
В синеве купаясь,
Вьется чернозадый,
Красноногий аист?

Почему росою,
Как слезами, полный,
Встал среди фасоли
Сломанный подсолнух?

Видно, близко-близко
У степных колодцев
В автоматы диски
Заложили хлопцы!

2 июня 1945

Я

Много видевший, много знавший,
Знавший ненависть и любовь,
Все имевший, все потерявший
И опять все нашедший вновь.

Вкус узнавший всего земного
И до жизни жадный опять,
Обладающий всем и снова
Все стремящийся потерять.

Июнь 1945

* * *

Л. К.

Нам, по правде сказать, в этот вечер
И развлечься-то словно бы нечем:
Ведь пасьянс — это скучное дело,
Книги нет, а лото надоело...
Вьюга, знать, разгуляется к ночи:
За окошком ненастье бормочет,
Ветер что-то невнятное шепчет...
Заварн-ка ты чаю покрепче,
Натурального чаю, с малиной:
С ним и ночь не покажется длинной!
Да зажги в этом сумраке хмуром
Лампу, ту, что с большим абажуром.
У огня на скамеечке низкой
Мы усядемся тесно и близко
И, чаек попивая из чашек,
Дай-ка вспомним всю молодость нашу,
Всю, от ветки персидской сирени
(Положи-ка мне ложку варенья)
До рассвета на узком диване
(Ишь ведь как ты полно наливаешь!).
Вспомню я, — мы теперь уже седы, —
Как ты раз улыбнулась соседу,
Вспомнишь ты, — что уж нынче
за счеты, —
Как пришел под хмельком я с работы,
Вспомним ласково, по-стариковски,
Нашей дочери русые коски,
Вспомним глазки сынка голубые
И решим, что мы счастливы были,
Но и глупыми все же бывали...
Постели-ка ты мне на диване:
Может, мне в эту ночь и приснится,
Что ты стала опять озорницей!

5 июля 1945

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ДАЧУ

...Итак, приезжайте к нам завтра,
не позже!
У нас васильки собирай хоть охапкой.
Сегодня прошел замечательный дождик —
Серебряный гвоздик с алмазною шляпкой.

Он брызнул из маленькой-маленькой
тучки
И шел специально для дачного леса,
Раскатистый гром — его верный
попутчик —
Над ним хохотал, как подвипший повеса.

На Пушкино в девять идет электричка.
Послушайте, вы отказаться не в праве:
Кукушка снесла в нашей роще яичко,
Чтоб вас с наступающим счастьем
поздравить!

Не будьте ленивы, не будьте упрямы.
Пораньше проснитесь,
не мешкая вставайте.
В кокетливых шляпах, как модные дамы,
В лесу мухоморы стоят на пуанте.

Вам будет на сцене лесного театра
Вся наша программа показана разом:
Чудесный денек приготовлен на завтра,
И гром обеспечен, и дождик заказан!

6 июля 1945

Поэмы

ДОРОШ МОЛИБОГА

Своротя в лесок немного
С тракта в город Хмельник,
Упирается дорога
В запущенный пчельник.
У плетня прохожих сторож
Окликает строго.
Нелюдим безногий Дорош,
Старый Молибога.
В курене его лежанку
Подпирают колья.
На стене висит бердянка,
Заряжена солью.
Зелены его медали
И мундир заштопан,
Очи старые видали
Бранный Севастополь.
Только лучше не касаться
Им виданных видов.
Ушел писаным красавцем,
Пришел — инвалидом.
Скрипит его деревяшка,
Свистят ему дети.
Ой, как важко, ой, как тяжко
Прожить век на свете!
Сорок лет он ставит ульи,
Вшей в рубахе ищет.
А носатая зозуля
На яворе свищет.
Жена его лежит мертвой,
Сыны бородаты, —
Свищет семьдесят четвертый,
Девяносто пятый.

Лишь от дочери Глафиры
С ним остался внучек.
Дорош хлопчика цифири,
Писанию учит.
Раз в году уходит старый
На село в сочельник.
Покушает кутьи-взвара —
И опять иа пчельиик.
Да еще иа пасху к храму
В деревию, где вырос,
Прибредет и стаиет прямо
С певчими на клирос.
Слепцу кииет медяк в чашку,
Что самому дали.
Скрипит его деревяшка,
На груди — медали.

Что с людьми стряслось в столице —
Не поймет ои дел их.
Только стал нврод делиться
На красиых и белых.
Да от тех словес ученых,
От мирской гордыии
Стаиут ли медвяией пчелы,
Сахариее дыии?
Никакого от иих прока.
Ни сыро ии сухо...
Сие — речеио в пророках —
Томлеиие духа.
Жарок был дождем умытый
Тот солиечный раиок.
Пахло медом духовитым
От черемух пьяных.
У Дороша ж, хоть и жарко,
Ломит поясиицу,
Прикорнул ои на лежанку.
Быль сивому сиится.
Сон голову к доскам клоиит,
Как дыию-квчаику...

Несут вороиые кони
На пчельник тачаику.

В ней сидят, хмельны без меры,
Шумны без причины,
Удалые офицеры,
Пышные мужчины.
У седых смушковых шапок
Бархатные тульи.
Сапогами они набок
Покидали ульи.
Стали, лаючись погано,
Лакомиться медом,
Стали сдуру из наганов
Стрелять по колодам,
По белочке-баловнице,
Взлетевшей на тополь.
Дорошу ж с пальбы той снится
Бранный Севастополь.
Закоперщик и заводчик
Всех делов греховных,
Выдается середь прочих
Усатый полковник.
Зубы у него — как сахар,
Усы — как у турка,
Волохатая папаха,
Косматая бурка.

И бежит — случись тут случай —
На тот самый часик
С речки Молибогии внучек,
Маленький Ивасик.
Он бегом бежит оттуда,
Напуган стрельбою,
Тащит синюю посуду
С зеленой водою.
Увидал его и топчет
Ногами начальник,
Кричит ему: «Поставь, хлопчик,
На голову чайник!
Не могу промазать мимо,
Попаду не целя.
Разыграем пантомиму
Из «Вильгельма Телля»!»
Он платочком ствол граненый

Обтирает белым,
Подымает вороненый
Черный парабеллум.
Покачнулся цвет черемух,
Звезды глав церковных.
Друзья кричат: «Промах! Промах,
Господин полковник!»
Видно, в очи хмель ударил
И замутил мушку.
Погиб парень, пропал парень,
А ни за понюшку!

Выковылял на пасеку
Старый Молибога.
«Проснись, проснись, Ивасику,
Усмехнись немного!»
Брось, чудак! Пустяк затеял!
Пуля бьется хлестко.
Ручки внуковы желтее
Церковного воска.
Скрипит его деревяшка,
На труп солнце светит...
Ой, как важко, ой, как тяжко
Жить с людьми на свете!

С того памятного ранку
Дорош стал сутулей.
Он забил свою берданку
Не солью, а пулей.
А до города дорога —
Три версты, не дале.
Надел мундир Молибога,
Нацепил медали...
За то дело за правое
И совесть не взыщет!
В пути ему на яворе
Зозулейка свищет.
Насвистала сто четыре.
Чтой-то больно много...
На полковницкой квартире
Стоит Молибога.

Свербит стертая водянка,
И ноги устали.
На плече его — берданка,
На груди — медали.
Денщик угри обзирает
В зеркальце стеклянном,
Русый волос натирает
Маслом конопляным.
Сапоги — игрушки с виду,
Чай, ходить легко в них...
«Спытай, друже: к инвалиду
Не выйдет полковник?»
Лебедем из кухни статный
Денщик выплывает,
Ворочается обратно,
Молвит: «Почивают».
В мундир въелся, как обида,
Колючий терновник...
«Так не выйдет к инвалиду
Говорить полковник?»

И опять из кухни статный
Денщик выплывает.
Ворочается обратно,
Молвит: «Выпивают».

Подали во двор карету,
И вышел из спальни
Малость выпивший до свету
Румяный начальник.
Зубы у него — как сахар,
Усы — как у турка,
Волохатая папаха,
Косматая бурка.
Стоит в кухне Молибога
На той деревишке,
Блестят на груди убого
Круглые медяшки.
Так и видел Севастополь
В воинской осанке.
Весь мундир его заштопан,
На плече — берданка.

«Что тут ходят за герои
Крымской обороны?
Ну, в чем дело? Что такое?
Говори, ворона!»
Дорош заложил патроны,
Отвечает строго:
«Я не знаю, кто ворона,
А я — Молибога.
Я судьбу твою открою,
Как сонник-толковник.
С севастопольским героем
Говоришь, полковник!
Я с дитятей не проказил,
По садкам не лажу,
А коли уж ты промазал,
Так я не промажу!»
Побежал на полуслове
Полковник к карете.
Грянь, берданка! Нехай злое
Не живет на свете!
Валится полковник в дверцы
Срубленной ольхою,
Он хватается за сердце
Белою рукою,
Никнет головой кудрявой
И смертельно дышит...
За то дело за правое
И совесть не взыщет!..

Наставили в Молибогу
Кадеты наганы,
Повесили Молибогу
До горы ногами.
Торчит его деревяшка,
Борода — как знамя...
Ой, как важко, ой, как тяжко
Страдать за панами!
Большевики Молибогу
Отнесли на пчельник,
Бежит мимо путь-дорога
В березняк и ельник.

Он закопан между ульев,
Дынных корневищей,
Где носатая зозуля
На яворе свищет.

1934

ПРИДАНОЕ

В тростниках просохли кочки,
Зацвели каштаны в Тусе,
Плачет розовая дочка
Благородного Фердуси:
«Больше куклы мне не снятся,
Женихи густой толпою
У дверей моих теснятся,
Как бараны к водопою.
Вы, надеюсь, мне дадите
Одного назвать желанным.
Уважаемый родитель!
Как дела с моим приданым?»

Отвечает пылкой дочке
Добродетельный Фердуси:
«На деревьях взбухли почки,
В облаках курлычут гуси.
В вашем сердце полной чашей
Ходит паводок весенний,
Но, увы: к несчастью, ваши
Справедливы опасенья.
В вашей бочке — мерка риса,
Да и то еще едва ли.
Мы куда бедней, чем крыса,
Что живет у нас в подвале.
Но уймите, дочь, досаду,
Не горюйте слишком рано:
Завтра утром я засяду
За сказания Ирана,
За богов и за героев,
За сраженья и победы
И, старания утроив,
Их окончу до обеда,
Чтобы вился стих чудесный
Легким золотом по черни,
Чтобы шах прекрасной песней
Насладился в час вечерний.
Шах прочтет и караваном
Круглых войлочных верблюдов

Нам пришлет цветные ткани
И серебряные блюда,
Шелк и бисерные нити.
И мускат с инбирем пряным,
И тогда, кого хотите,
Назовете вы желанным».

В тростниках размокли кочки,
Отцвели каштаны в Тусе,
И опять стучится дочка
К благодушному Фердуси:
«Третий месяц вы не спите
За своим заиятьем странным.
Уважаемый родитель!
Как дела с моим приданым?
Поглядевши, как пылает
Огонек у вас ночами,
Все соседи пожимают
Угловатыми плечами».

Отвечает пылкой дочке
Рассудительный Фердуси:
«На деревьях мерзнут почки,
В облаках умолкли гуси,
Труд — глубокая криница,
Зачерпнул я влаги мало,
И алмазов на страницах
Лишь немного заблистало.
Не волнуйтесь, подождите,
Год я буду неустанным,
И тогда, кого хотите,
Назовете вы желанным».

Через год просохли кочки,
Зацвели каштаны в Тусе,
И опять стучится дочка
К терпеливому Фердуси:
«Где же бисерные нити
И мускат с инбирем пряным?
Уважаемый родитель!
Как дела с моим приданым?

Женихов толпа устала
Ожиданием томиться.
Иль опять алмазов мало
Заблистало на страницах?»

Отвечает гневной дочке
Опечаленный Фердуси:
«Поглядите в эти строчки,
Я за труд взялся не труся,
Но должны еще чудесней
Быть завязки приключений,
Чтобы шах прекрасной песней
Насладился в час вечерний.
Не волнуйтесь, подождите,
Разве каплет над Ираном?
Будет день, кого хотите,
Назовете вы желанным».

Баня старая закрылась,
И открылся новый рынок.
На макушке засветилась
Тюбетейка из сединок.
Чуть ползет перо поэта
И поскрипывает тише.
Чередой проходят лета,
Дочка ждет, Фердуси пишет.

В тростниках размокли кочки,
Отцвели каштаны в Тусе,
Вновь стучится злая дочка
К одряхлевшему Фердуси:
«Жизнь прошла, а вы сидите
Над писаньем окаянным.
Уважаемый родитель!
Как дела с моим приданым?
Вы, как заяц, поседели,
Стали злым и желтоносым,
Вы над песней просидели
Двадцать зим и двадцать весен.
Двадцать раз любили гуси,
Двадцать раз взбухали почки.

Вы оставили, Фердуси,
В старых девах вашу дочку».
— «Будут груши, будут фиги,
И халаты, и рубахи.
Я вчера окончил книгу
И с купцом отправил к шаху.
Холм песчаный не остынет
За дорожным поворотом —
Тридцать странников пустыни
Подойдут к моим воротам».

Посреди придворных близких
Шах сидел в своем серале.
С ним лежали одалиски,
И скопцы ему играли.
Шах глядел, как пляшут триста
Юных дев, и бровью двигал.
Переписанную чисто
Звездочет приносит книгу:
«Шаху прислан дар поэтом,
Стихотворцем поседелым...»
Шах сказал: «Но разве это —
Государственное дело?
Я пришел к моим невестам,
Я сижу в моем гареме.
Тут читать совсем не место
И писать совсем не время.
Я потом прочту записки,
Небольшая в том утрата».
Улыбнулись одалиски,
Захихикали кастраты.
В тростниках просохли кочки,
Зацвели каштаны в Тусе.
Кличет сгорбленную дочку
Добродетельный Фердуси:
«Сослужите службу ныне
Старику, что видит худо:
Не идут ли по долине
Тридцать войлочных верблюдов?»

«Не бегут к дороге дети,
Колокольцы не бренчали,

В поле только легкий ветер
Разметает прах песчаный».

На деревьях мерзнут почки,
В облаках умолкли гуси,
И опять взывает к дочке
Опечаленный Фердуси:
«Я сквозь бельма, старец древний,
Вижу мир, как рыба в тине.
Не стоят ли у деревни
Тридцать странников пустыни?»

«Не бегут к дороге дети,
Колокольцы не бренчали.
В поле только легкий ветер
Разметает прах песчаный».

Вот посол, пестро одетый,
Все дворы обходит в Тусе:
«Где живет звезда поэтов —
Ослепительный Фердуси?
Вьется стих его чудесный
Легким золотом по черни,
Падишах прекрасной песней
Насладился в час вечерний.
Шах в дворце своем — и ныне
Он прислал певцу оттуда
Тридцать странников пустыни,
Тридцать войлочных верблюдов,
Ткани солнечного цвета,
Полосатые бурнусы...
Где живет звезда поэтов —
Ослепительный Фердуси?»

Стон верблюдов горбоносых
У ворот восточных где-то,
А из западных выносят
Тело старого поэта.
Бормоча и приседая,
Как рассохшаяся бочка,
Караван встречать — седая
На крыльцо выходит дочка:

«Ах, медлительные люди!
Вы немножко опоздали.
Мой отец носить не будет
Ни халатов, ни сандалий.
Если шитые иголкой
Платья нашивал он прежде,
То теперь он носит только
Деревянные одежды.
Если раньше в жажде горькой
Из ручья черпал рукою,
То теперь он любит только
Воду вечного покоя.
Мой жених крылами чертит
Страшный след на поле бранном.
Джина близкой-близкой смерти
Я зову моим желанным.
Он просить за мной не будет
Ни халатов, ни сандалий...
Ах, медлительные люди!
Вы немножко опоздали».

Встал над Тусом вечер синий,
И гуськом идут оттуда
Тридцать странников пустыни,
Тридцать войлочных верблюдов.

1935

ПЕВЕЦ

Тачанки, и пулеметы,
И пушки в серых чехлах.
Походным порядком роты
Вступают в мирный кишлак.
Вечерний шелковый воздух,
Оранжевые костры,
Хивы золотые звезды
И синие — Бухары.
За ними бегут ребята,
Таща кувшины воды,
На мокром песке рябят их
Маленькие следы.
Ребята гудят, как мухи,
Жужжат, как пчелы во ржи,
Их гонят в дома старухи,
Не снявшие паранджи.
Они их берут за спину
И тащат на голове.
Учитель, глотая хину,
Справляется: что в Москве?

И вот дымится и тухнет
Сырой кизяк, запылав.
В круглой походной кухне
Варится жирный плов.
У нас, в комнатенке тесной,
Слышно, как там, в ночи,
Поют гортанные песни
Пленные басмачи.
Уже сухую солому
Настлали на ночь в углы,
Но входит хозяин дома
Таджик Магомет-оглы.
Он нам, как единоверцам,
Отвешивает поклон,
Рукою ко лбу и сердцу
Легко касается он,
Мы смотрим с немым вопросом,
С невольной дрожью в душе:

Ему не хватает носа,
Недостает ушей.
И он невнятно бормочет,
И речь его как туман.
Тогда встает переводчик
Селим-ага-Сулейман.
Не говоря ни слова,
Он стелет на пол кошму,
Приносит манерку плова
И чай подает ему.

«Гостеприимства ради,
Друзья, мы не будем злы
К наследнику шейха Сади —
Певцу Магомет-оглы.
Слова его — нить жемчужин,
Трубы драгоценный звон,
И усладить наш ужин
Песней желает он».
Ночь. Мы сидим раздеты,
С трубками, по углам,
И пеструю речь поэта
Селим переводит нам:

«Я жил пастухом у бая,
Когда в гнезде у орла
Азия голубая
Наложницею спала.
Пахал чужие опушки
Я на чужих волах,
Под щеку вместо подушки
Подкладывал я кулак.

Котомка — и вот он весь я, —
Котомка, посох и пот!
И, может быть, только песня
В котомку ту не войдет —
О том, что мор в Тегеране,
Восток бездомен и сир,
Но, словно курдюк бараний,
Налился жиром эмир.

Я правду пел, а ие блеял,
И песня была горька,
Оиа бывала кислее
Кобыльего молока.
Когда я слагал рубаи,
Колючие, как мечи,
«Молчи!» — говорили баи,
Шипели муллы: «Молчи!»
Но след у неправды топок,
С ией иечем делиться мие,
Стихи, как цветущий хлопок,
Летели по всей стране.
Народ умирал в печали,
Я пел, а время текло,
И четверо постучали
Нагайками мие в стекло,
Меня повалили иа пол,
В мешок впихиули меня,
Заткнули мне горло кляпом
И кинули на коня.
Два дия мы неслись. На третий
В лучах рассветиой игры
Зарeяли минареты
Игрушечной Бухары.
В тюрьму принесли мне к ночи
Шашлык и сладкий инжир,
Тогда я узиал, что хочет
Беседы со миой эмир.

Закат окровавил горы,
Когда, перстнями звеня,
На коврике из Аигоры
Властитель принял меня.
Заря пылала и тухла,
Обуглившись по краям,
В руке весиушчатой, пухлой
Дымился длинный кальян.

«Не преклоняй колена,
Отри утомленья пот! —
(Он сладок был, как измена,
И ласков, как тот, кто лжет.) —

Не каждый имеет право
Певцу подвести коня!
Твоя прекрасная слава
Домчалась и до меня.
Недаром в свои тетради
Переписал я сам
Слова, что промолвил Сади
И обронил Хаям.
Догадки меня загрызли:
Откуда берете вы
Такие слова — из жизни
Иль просто из головы?»
Я видел: он врет, лисица!
Он льстит, но прячет глаза!
И, вынув обрывки ситца,
Я вытерся и сказал:
«Эмир! Это дело тонко!
Возьмешь ли из головы
Кривые ножки ребенка,
Скупые слезы вдовы?
Нет! Песня приходит в уши,
Когда, быка заколов,
Ты лучшую четверть туши
Казне относишь в налог,
Когда в богатых амбарах
Тебе не дают зерна.
В кофейнях и на базарах
Весь день толчется она
И видит, как прежде сонный,
Народ теряет покой
Под щедрой, под благословенной,
Под мудрой твоей рукой.
Она проходит сквозь сердце,
Скисая в нем и бродя,
Чтоб сделаться крепче перца,
Живительнее дождя,
Став черного кофе гуще,
Коль совесть твоя чиста,
Могущественной, влекущей
Она выходит в уста!»

Эмира дряблые щеки
Бурели, как кирпичи,
Смешным голоском девчонки
Эмир завопил: «Молчи!»
Он кинул в меня кинжальчик,
Но, словно ветку в цвету,
Широкобедрый мальчик
Поймал его на лету.

«Мудрец печется о пчелах,
Но истребляет ос!
Дурак! Не слишком ли долог
Твой вездесущий нос?
Тобой развращен, сорока,
Народ начинает клясть
Коран и знамя пророка,
Мою священную власть!
Чтоб проучить невежу,
Запру я песню твою:
И нос я этот отрежу,
И рот я этот зашью!
Дабы доносился глуше
К тебе неутешный плач,
Саблей отрубит уши
Завтра тебе палач!
Палач души твоей дверцы
Захлопнет, как птичью клеть!»
— «Но если он вырвет сердце,
То что же будет болеть?»
— «Не бойся! Его клещами
Не вытащат палачи!
Помни меня в печали:
Живи, томись, молчи!»

Погибель душе эмира!
Я стал после трех ночей
Круглее головки сыра
По милости палачей.
Из лап их в смертном поте
Ушел Магомет-оглы.
Вглядитесь — и вы найдете
У губ моих след иглы.

Скитаясь, подобно тени,
Я дожил до дня, когда
Нам справедливый Ленин
Дал пастбища и стада,
Пять ярких лучей свободы
Горели в звезде Москвы!
Я прожил долгие годы,
Но жизнь мне открыли вы.
Я стар, но с каждым дыханьем
Ненависть горячей!
Стихи! Их поют дехкане,
Бьющие басмачей.
Поэтом и страстотерпцем —
Так я покину мир.
Эмир оставил мне сердце,
И он ошибся, эмир!»

Разгладив полы халата,
Вздохнул умолкший старик,
Мы слышим, как, мчась куда-то,
Бормочет пьяный арык.
Мы слышим в комнате тесной,
Как рядом с нами в ночи
Поют гортанные песни
Пленные басмачи.
Матов рассветный воздух,
Стали не так остры
Хивы золотые звезды
И синие — Бухары.
Но зоркий прожектор косо
Ползет по темным полям...

Выходит наш гость безносый
И дню говорит: «Селям!»

1936

ЗОДЧИЕ

Как побил государь
Золотую орду под Казанью,
Указал на подворье свое
Приходить мастерам.
И велел благодетель, —
Гласит летописца сказанье, —
В память оной победы
Да выстроят каменный храм.

И к нему привели
Флорентийцев,
И немцев,
И прочих
Иноземных мужей,
Пивших чару вина в один дых.
И пришли к нему двое
Безвестных владимирских зодчих,
Двое русских строителей,
Русых,
Босых,
Молодых.

Лился свет в слюдяное оконце.
Дух тяжкий и спертый.
Изразцовая печка.
Божница.
Угар и жара.
И в посконных рубахах
Перед Иоанном Четвертым,
Крепко за руки взявшись,
Стояли сии мастера.

«Смерды!
Можете ль церкву сложить
Иноземных пригожей?
Чтоб была благолепней
Заморских церквей, говорю?»
И, тряхнув волосами,
Ответили зодчие:

«Можем!
Прикажи, государь!»
И ударились в ноги царю.

Государь приказал.
И в субботу на вербной неделе,
Покрестясь на восход,
Ремешками схватив волоса,
Государевы зодчие
Фартуки наспех надели,
На широких плечах
Кирпичи понесли на леса.

Мастера заплетали
Узоры из каменных кружев,
Выводили столбы
И, работой своею горды,
Купол золотом жгли,
Скаты крыли лазурью снаружи
И в свинцовые рамы
Вставляли чешуйки слюды.

И уже потянулись
Стрельчатые башенки кверху.
Переходы,
Балкончики,
Луковки да купола.
И дивились ученые люди,
Зане́ эта церковь
Краше вилл италийских
И пагод индийских была.

Был диковинный храм
Богомазами весь размалеван,
В алтаре
И при входах,
И в царском притворе самом.
Живописной артелью
Монаха Андрея Рублева
Изукрашен зело
Византийским суровым письмом...

А в ногах у постройки
Торговая площадь жужжала,
Торовато кричала купцам:
«Покажи, чем живешь!»
Ночью подлый народ
До креста пропивался в кружалах,
А утрами истошно вопил,
Становясь на правеж.

Тать, засеченный плетью,
У плахи лежал бездыханно,
Прямо в небо уставя
Очесок седой бороды,
И в московской неволе
Томились татарские ханы,
Посланцы Золотой,
Переметчики Черной орды.

А над всем этим срамом
Та церковь была —
Как невеста!
И с рогожкой своей,
С бирюзовым колечком во рту —
Непотребная девка
Стояла у Лобного места
И, дивясь,
Как на сказку,
Глядела на ту красоту...

А как храм освятили,
То с посохом,
В шапке монашьей,
Обошел его царь —
От подвалов и служб
До креста.
И, окинувши взором
Его узорчатые башни,
«Лепота!» — молвил царь.
И ответили все: «Лепота!»

И спросил благодетель:
«А можете ль сделать пригожей,

Благолепнее этого храма
Другой, говорю?»
И, тряхнув волосами,
Ответили зодчие:
«Можем!
Прикажи, государь!»
И ударились в ноги царю.

И тогда государь
Повелел ослепить этих зодчих.
Чтоб в земле его
Церковь
Стояла одна такова,
Чтобы в суздальских землях
И в землях рязанских
И прочих
Не поставили лучшего храма,
Чем храм Покрова!

Соколиные очи
Кололи им шилом железным,
Дабы белого света
Увидеть они не могли,
Их клеймили клеймом,
Их секли батогами, болезных,
И кидали их,
Темных,
На стылое лоно земли.

И в Обжорном ряду,
Там, где заваль кабацкая пела,
Где сивухой разило,
Где было от пару темно,
Где кричали дьяки:
«Государево слово и дело!» —
Мастера Христа ради
Просили на хлеб и вино.

И стояла их церковь,
Такая,
Что словно приснилась,
И звонила она,

Будто их отпевала навзрыд,
И запретную песню
Про страшную царскую милость
Пели в тайных местах
По широкой Руси
Гусляры.

1938

ПЕСНЯ ПРО АЛЕНУ-СТАРИЦУ

Что не пройдет —
Останется,
А что пройдет —
Забудется...
Сидит Алена-Старица
В Москве, на Вшивой улице.

Зипун, простоволосая,
На голову набросила,
А ноги в кровь изрезаны
Тяжелыми железами.

Бегут ребята — дразнятся,
Кипит в застенке варево...
Покажут ноне разинцам
Острастку судьи царевы!

Расспросят, в землю метлами
Брады уставя долгие,
Как соколы залетные
Гуляли Доном-Волгою,
Как под Азовом ладили
Челны с высоким застругом,
Как шарили да грабили
Торговый город Астрахань!

Палач-собака скалится,
Лиса-приказный хмурится.
Сидит Алена-Старица
В Москве, на Вшивой улице.
Судья в кафтане до полу
В лицо ей светит свечечкой:
«Немало, ведьма, попила
Ты крови человеческой,
Покуда плахе-матушке
Челом ты не ударила!»
Пытают в раз остаточный
Бояре государевы:

«Обедню черту правила ль,
Сквозь сито землю сеяла ль
В погибель роду цареву,
Здоровью Алексееву?»

«Смолой приправлеи жидкою,
Мие солои царский хлебушек!
А ты, боярин, пыткою
Стращал бы красиых девушек!
Хотите — жгите заживо,
А я царя не сглазила.
Мне жребий выпал — важивать
Полки Степаиа Разииа.
В моих ушах без умолка
Поет стрела татарская...
Те два полка,
Что два волка,
Дружииу грызли царскую!
Нам, смердам, двери заперты
Повсюду, кроме паперти.
На паперти слепцы поют,
Попросишь — грош купцы дают.

Судьба меня возвысила!
Я бар, как семя, щелкала,
Ходила в кике бисерной,
В зеленой кофте шелковой.

На Волге — что окоиницы —
Пруды с зеленой ряскою, —
В иих раки ныиче кормятся
Свежинкою дворяискою.
Боярский суд ие жаловал
Ни старого, ии малого,
Так вас любить,
Так вас жвлеть —
Себя губить,
Душе болеть!..

Горят огни-пожарища,
Дымы кругом постелены.
Мои друзья-товарищи
Порубаиы, постреляны,

Им глазыньки до донышка
Ночной стервятник выклевал,
Их греет волчье солнышко,
Они к нему привыкнули.
И мне топор, знать, выточен
У ката в башне пыточной,
Да помни, дьяк,
Не ровен час:
Сегодня — нас,
А завтра — вас!
Мне б после смерти галкой стать,
Летать под низкой тучею,
Ночей не спать, —
Царя пугать
Бедою неминучею!..»

. . . .

Смола в застенке варится,
Опарой всходит сдобною,
Ведут Алену-Старицу
Стрельцы на место Лобное.
В Зарядье над осокою
Блестит зарница дальняя.
Горит звезда высокая...
Терпи, многострадальная!

А тучи, словно лошади,
Бегут над Красной площадью.
Все звери спят,
Все люди спят,
Одни дьяки
Людей казнят.

1938

СВАДЬБА

Царь Дакии,
Господень бич,
Аттила, —
Предшественник Железного Хромца,
Рожденного седым,
С кровавым сгустком
В ладони детской, —
Поводырь убийц,
Кормивший смертью с острия меча
Растерзанный и падший мир,
Работник,
Оравший твердь копьем,
Дикарь,
С петель
Сорвавший дверь Европы, —
Был уродец.

Большеголовый,
Щуплый, как дитя,
Он походил на карлика,
И копоть
Изрубленной мечами смуглоты
На шишковатом лбу его лежала.

Жег взгляд его, как греческий огонь,
Рыжели волосы его, как ворох
Изломанных орлиных перьев.
Мир
В его ладони детской был — как птица,
Как воробей,
Которого вольна,
Играя, задушить рука ребенка.

Водоворот его орды крутил
Тьму человечьих щеп,
Всю сволочь мира:
Германец — увалень,
Проныра — беглый раб,
Грек — ренегат, порочный и лукавый,

Косой монгол и вороватый скиф
Кладь громоздили на ее телеги.

Костры шипели.
Женщины бранились.
В навозе дети пачкали зады.
Ослы рыдали.
На горбах верблюжьих,
Бродя, скисало в бурдюках вино.
Косматые лошадки в тороках
Едва тащили, оступаясь, всю
Монастырей разграбленную святость.
Вонючий мул в оческах гривы нес
Бесценные закладки папских библий,
И по пути колол ему бока
Украденным клейнодом —
Царским скиптром —
Хромой дикарь,
Свою дурную хворь
Одетым в рубища патрицианкам
Даривший снисходительно...
Орда
Шла в золоте,
На кладах почивала!

Один Аттила — голову во сне
Покоил на простой луке седельной,
Был целомудр,
Пил только воду,
Ел
Отвар ячменный в деревянной чаше,
Он лишь один — диковинный урод —
Не понимал, как хмель врачует сердце,
Как мучит женская любовь,
Как страсть
Сухим морозом тело сотрясает.
Косматый волхв славянский говорил,
Что, глядя в зеркало меча,
Аттила
Провидит будущее,
Тайный смысл

Безмерного течения на Запад
Азийских толп...
И впрямь Аттила знал
Судьбу свою — водителя народов.
Зажавший плоть в железном кулаке,
В поту ходивший с лейкою кровавой
Над пажитью костей и черепов.
Садовник бед, он жил для урожая,
Собрать который внукам суждено!

Кто знает — где Аттила повстречал
Прелестную парфянскую царевну?
Неведомо!
Кто знает — какова
Она была?
Бог весть!
Но посетило
Аттилу чувство,
И свила любовь
Свое гнездо в его дремучем сердце.

В бревенчатом дубовом терему
Играли свадьбу.
На столах дубовых
Дымилась снедь.
Дубовых скамей ряд
Под грузом ляжек каменных ломился.
Пыланьем факелов,
Мерцаньем плошек
Был озарен тот сумрачный чертог.
Свет ударял в сарматские щиты,
Блуждал в мечах, перекрестивших стены,
Лизал ножи...
Кабанья голова,
На пир ощерясь мертвыми клыками,
Венчала стол,
И голуби в меду
Дразнили нежностью неизреченной!

Уже скамейки рушились,
Уже
Ребрастый пес, пинаемый ногами,

Лизал блевоту с деревянных ртов
Давно бесчувственных, как бревна, пьяниц.
Сброд пировал.
Тут колотил шута
Воловьей костью варвар низколобый,
Там хохотал, зажмурив очи, гунн,
Багроволикий и рыжебородый,
Блаженно запустивший пятерню
В копну волос свалявшихся и вшивых.

Звучала брань.
Гудели днища бубнов,
Стонали домбры.
Детским альтом пел
Седой кастрат, бежавший из капеллы.
И длился пир...
А над бесчинством пира,
Над дикой свадьбой,
Очумев в дыму,
Меж закопченных стен чертога
Летал, на цепь посаженный, орел —
Полуслепой, встревоженный, тяжелый.
Он факелы горящие сшибал
Отяжелевшими в плену крылами,
И в лужах гасли уголья, шипя,
И бражников огарки обжигали,
И сброд рычал,
И тень орлиных крыл,
Как тень беды, носилась по чертогу!..

Средь буйства сборища
На грубом троне
Звездой сиял чудовищный жених.
Впервые в жизни сбросив плащ
верблюжий
С широких плеч солдата, он надел
И бронзовые серьги, и железный
Венец царя.
Впервые в жизни он
У смуглой кисти застегнул широкий
Серебряный браслет,
И в первый раз

Застежек золоченые жуки
Его хитон пурпуровый пятнали.
Он кубками вливал в себя вино
И мясо жирное терзал руками.
Был потен лоб его.
С блестящих губ
Вдоль подбородка жир бараний стылый,
Белея, тек на бороду его.
Как у совы полночной,
Округлились
Его вином налитые глаза.

Его икота била.
Молотками
Гвоздил его железные виски
Всесильный хмель.
В текучих смерчах — черных
И пламенных —
Плыл перед ним чертог.
Сквозь черноту и пламя проступали
В глазах подобья шаткие вещей
И рушились в бездонные провалы!
Хмель клал его плашмя,
Хмель наливал
Железом руки,
Темнотой — глазницы,
Но с каменным упрямством дикаря,
Которым он создал себя,
Которым
Он в долгих битвах изводил врагов,
Дикарь борол и в этом ратоборстве:
Поверженный,
Он поднимался вновь,
Пил, хохотал, и ел, и сквернословил!

Так веселился он.
Казалось, весь
Он хочет выплеснуть себя, как чашу.
Казалось, что единым духом — всю
Он хочет выпить жизнь свою.
Казалось,
Всю мощь души,

Всю тела чистоту
Аттила хочет расточить в разгуле!

Когда ж, шатаясь,
Весь побагровев,
Весь потрясаем диким вожделеньем,
Ступил Аттила на ночной порог
Невесты сокровенного покоя, —
Не кончив песни, замолчал кастрат,
Утихли домбры,
Смолкли крики пира,
И тот порог посыпали пшеном...

Любовь!
Ты дверь, куда мы все стучим,
Путь в то гнездо, где девять кратких лун
Мы, прислонив колени к подбородку,
Блаженно ощущаем бытие,
Еще не отягченное сознаньем!..

Ночь шла.
Как вдруг
Из брачного чертога
К пирующим донесся женский вопль...
Валя столы,
Гудя пчелиным роем,
Толпою свадьба ринулась туда,
Взломала дверь и замерла у входа:
Мерцал ночник,
У ложа на ковре,
Закинув голову, лежал Аттила.
Он умирал.
Икая и хрипя,
Он скреб ковер и поводил ногами,
Как бы отталкивая смерть.
Зрачки
Остекленевшие свои уставя
На ком-то зримом одному ему,
Он коченел, мертвел и ужасался.
И если бы все полчища его,
Звеня мечами, кинулись на помощь
К нему,

И плотно б сдвинули щиты,
И копьями б его загородили, —
Раздвинув копья,
Разведя мечи,
Прошел бы среди них его противник,
За шиворот поднял бы дикаря,
Поставил бы на страшный поединок
И поборол бы вновь...
Так он лежал,
Весь расточенный,
Весь опустошенный
И двигал шеей,
Как бы удивлен,
Что руки смерти
Крепче рук Аттилы.
Так сердца взрывчатая полнота
Разорвала воловью оболочку —
И он погиб,
И женщина была
В его пути тем камнем, о который
Споткнулась жизнь его на всем скаку!

Мерцал ночник,
И девушка в углу,
Стуча зубами, молча содрогалась.
Как спирт и сахар, тек в окно рассвет,
Кричал петух.
И выпитая чаша
У ног вождя валялась на полу,
И сам он был — как выпитая чаша.

Тогда была отведена река,
Кремнистое и гальчатое русло
Обнажено лопатами, —
И в нем
Была рабами вырыта могила.

Волы в ярмах, украшенных цветами,
Торжественно везли один в другом —
Гроб золотой, серебряный и медный.
И в третьем —
Самом маленьком гробу —

Уродливый,
Немой,
Большеголовый,
Покоился невиданный мертвец.

Сыграли тризну, и вождя зарыли.
Разравнивая холм,
Над ним прошли
Бесчисленные полчища азийцев,
Реку вернули в прежнее русло,
Рабов зарезали
И скрылись в степи.
И черная
Властительная ночь,
В оправе грубых северных созвездий,
Осела крепким
Угольным пластом,
Крылом совы простерлась над могилой.

1933, 1940

КОНЬ

(Повесть в стихах)

1

Уже снежок февральский плакал,
Трава пробилась кое-где,
И был посол московский на кол
Посажен крымцами в Орде.
Орел-могильник, в небе рея,
Видал сквозь тучек синеву —
Внизу мурзы Давлет-Гирея
Вели ордынцев на Москву.
И вышел царь, чтоб встретить с лаской
Гостей от града вдалеке,
Но воевода князь Мстиславский
Им выдал броды на Оке.
И били в било на Пожаре,
Собраться ратникам веля,
И старцы с женами бежали
Сидеть за стенами Кремля.
А Кремль стоял, одетый в камень,
На невысоком берегу
И золотыми кулаками
Грозил старинному врагу.
И бысть валы его толстенны,
Со стрельнями в любом зубце.
Поставил зодчий эти стены
На твороге и на яйце.

Отвага ханская иссякла
У огороженного рва,
Но тучу стрел с горящей паклей
Метнула в город татарва.
И самой грозной башни выше,
Красиее лисьего хвоста —
Пошел огонь гулять по крышам,
И загорелась теснота.
А смерть всегда с огнем в союзе.
«И не осталось в граде пня, —
Писал ливонец Элерт Крузе, —
Чтоб привязать к нему коня».

Не диво тех в капусту высечь,
Кому в огне сидеть невмочь.
И было их двенадцать тысяч —
Людей, убитых в эту ночь.
На мостовых московских тряских
Над ними стлался черный дым.
Лишь воронье в монаших рясках
Помянки справило по ним!
А царь глядел в степные дали,
Разбив под Серпуховом стан...

Мирзы татарские не ждали,
Когда воротится Иван.
Забрав заложников по праву
Дамасской сабли и петли,
На человечий рынок в Кафу
Добычу крымцы увели.

Пусть выбит хлеб и братья пали, —
Что делать? Надо жить в избе!
И снова смерды покупали
Складные домы на Трубе,
Рубили вновь проемы окон
И под веселый скрежет пил
Опять Москву одели в кокон
Сырых некрашеных стропил.
Еще пышней и необъятней,
И величавей, чем сперва,
Как золотая голубятня,
На пепле выросла Москва!

2

Устав от плотницкой работы,
Поднял шершавую ладонь
И тряпкой вытер капли пота
На красной шее Федька Конь.
Он был Конем за силу прозван:
Мощь жеребца играла в нем!
Сам царь Иван Васильич Грозный
Детину окрестил Конем.

И впрямь похожа, хоть нельстива
Была та кличка иль ругия.
Его взлохмаченная грива
Точь-в-точь вилась, как у коня,
А кто, Конем в кружале битый,
С его замашкой был знаком,
Тот клялся, что смешно копыто
Равнять с Коневым кулаком!

Его хозяин Генрих Штаден
Царю служил, как верный пес,
И был ему за службу даден
Надел земли и добрый тес.
Был Генрих Штаден тонкий немец.
Как в пору казней и опал
Лукавый этот иноземец
К царю в опричники попал?
Стыдясь постройку всякой клети
Тащить на собственном горбу,
На рынке Штаден Федьку встретил
И подрядил срубить избу.
И Конь за труд взялся с охотой,
Зане́ работник добрый был.
Он сплошь немецкие ворота
Резными птицами покрыл,
Чтоб из ворот легко езжалось
Хозяйским санкам в добрый путь.
И, утомясь работой малость,
Присел на бревна отдохнуть.

Из вновь отстроенной светлицы,
Рукой в перчатке подбочась,
Длинноголовый, узколицый,
Хозяин вышел в этот час.
Он, вязь узорную заметив
На тонких досточках ольхи,
Сердито молвил: «Доннерветтер! [1]
Работник! Что за петухи?»
А Конь глядел с улыбкой детской,
И Штаден крикнул: «Глупый хам!

[1] Черт побери! (*нем.*) — Ред.

Не место на избе немецкой
Каким-то русским петухам!»
Он взял арапник и, грозя им,
Полез свирепо на Коня.
Но тот сказал: «Уймись, хозяин! —
Лицо рукою заслоня. —
Ты, знать, с утра опился водкой...»
И только это он сказал,
Как разъяренный немец плеткой
Его ударил по глазам.
Конь осерчал. Его обиду
Видали девки на юру,
И он легонечко, для виду,
По шее треснул немчуру.
Хозяин в грязь зарылся носом,
Потом поднялся кое-как...
А Конь с досадой фартук сбросил
И, осерчав, пошел в кабак.

3

Оправив сбрую, на которой
Блестел набор из серебра,
Немчин кобылу тронул шпорой
И важно съехал со двора.
Он наблюдал враждебным взглядом,
Как просыпается Москва.
На чепраке с метлою рядом
Болталась песья голова.

Еще и пену из корыта
Никто не выплеснул пока,
И лишь одна была открыта
Дверь у «Царева кабака».
Над ней виднелся штоф в оправе
Да елок жидкие верхи.
У заведения в канаве
Валялись с ночи питухи.
И девка там валялась тоже,
Прикрыв передником лицо,
Что было в рябинах похоже
На воробьиное яйцо.

Под просветлевшими крестами
Ударили колокола.
Упряжка с лисьими хвостами
В собор боярыню везла.
Дымком куриться стали домы,
И гам послышался вдали.
И на Варварку божедомы
Уже подкидышей несли,
Купцы ругались.
Бранью хлесткой
Москву попробуй, удиви!
У каменной стены Кремлевской
Стояли церкви на крови.
Уже тащила сочни баба,
Из кузниц несся дальний гул.
Уже казенной песней:
«Грабят!»
Был потревожен караул.
А сочней дух, и свеж и сытен,
Дразня, летел во все концы.
Орали сбитенщики: «Сбитень!»
Псалом гундосили слепцы,
Просил колодник бога ради:
«Подайте мне! Увечен аз!»
На Лобном месте из тетради
Дьячок вычитывал указ.
Уже в возке заморском тряском
Мелькнул посол среди толпы.
И чередой на мостик Спасский
Прошли безместные попы,
Они кричат, полунагие,
Прихлопнув черным ногтем вшу:
«Кому отправить литургию?
Не то просфоркой закушу!»
Уже и вовсе заблистали
Церквей румяные верхи,
Уже тузить друг друга стали,
Совсем проснувшись, питухи.
А он на них, начавших драться,
На бестолочь и кутерьму
Глядел с презреньем иностранца,
Равно враждебного всему!

4

Он скромно шел через палаты,
Усердно ноги вытирал,
Иван с Басмановым в шахма́ты
В особой горенке играл.
Он, опершись брадою длинной
На жилистые кулаки,
Уставил в доску нос орлиный
И оловянные очки.
В прихожей комнате соседней,
Как и обычно по утрам,
Ждал патриарх, чтобы к обедне
Идти с царем в господень храм.
Тому ж и дела было мало,
Что на молитву стать пора:
Зело кормильца занимала
Сия персидская игра!

Тут, опечален и нескладен,
Надев повязку под шелом,
Вошел в палату Генрих Штаден
И государю бил челом.
Он, притворясь дитятей сирым,
Промолвил: «Император мой!
Прошу тебя: позволь мне с миром
Отъехать за море, домой».
И царь спросил: «Ты, может, болен?»
— «Здоров, надежа, как и встарь».
— «Ты, может, службой недоволен?»
— «Весьма доволен, государь!»
— «Так что ж влечет тебя за море?
Ответствуй правду, безо лжи».
— «Увы! Меня постигло горе!»
— «Какое горе? Расскажи».
— «Противно рыцарской природе,
В своем же доме, белым днем
Вчера при всем честном народе
Я был обижен...»
— «Кем?»
— «Конем».
Царь пригляделся. Было видно,
Что под орех разделан тот!

И государь спросил ехидно:
«Так, значит, русский немца бьет?»
— «Бьет, государь! Опричных царских,
Готовых за тебя на смерть,
На радость прихвостней боярских
Увечит худородный смерд!»

Немчин придумал ход незряшный.
Глаза Ивана стали злы:
«Замкнуть Коня в Кутафью башню,
Забить невежу в кандалы,
Дабы не дрался неприлично,
Как некий тать, засевший в яр!..
Заместо слуг моих опричных
Пущай бы лучше бил бояр!»

Царь поднялся и, мельком глянув
На пешек сдвинутую рать,
Сказал: «И нынче нам, Басманов,
Игру не дали доиграть!»
Переоделся в черный бархат
И, сделав постное лицо,
С Басмановым и патриархом
Пошел на Красное крыльцо.

5

В тот вечер, запалив лучину,
Трудился Штаден до утра:
Писал знакомому немчину,
Дружку с Посольского двора:
«Любезный герр! В известном месте
Я вам оставил кое-что...
В поход готовьте пушек двести,
Солдат примерно тысяч сто.
Коль можно больше —
шлите больше...
Из шведов навербуйте рать.
Неплохо б также в чванной Польше
Отряд из ляхов подобрать.
Всё это сделать надо вскоре,
Чтоб, к лету армию послав,

Ударнть скопом с Бела моря
На Вологду и Ярославль...»
И, дописав (судьба превратна!),
Письмо в подполье спрятал он —
Благоразумный, аккуратный,
Предусмотрительный шпион.

А Федька Конь сбежал, прослышав
О надвигавшейся беде.
Он со двора задами вышел,
Стащил коня бог знает где,
Пихнул в суму — мужик бывалый —
Ржаного хлеба каравай,
Прибавил связку воблы вялой,
Жене промолвил: «Прощевай!
Ты долго ждать меня не будешь,
По сердцу молодца найдешь.
Коль будет лучше — позабудешь,
Коль будет хуже — вспомянешь!»

Степямн тянется путина,
Рысит конек, сердечный друг,
Звенит заветная полтина,
Женой зашитая в треух,
Уже в Синоп, как турок черен,
Пробрался дерзостный мужик.
Там чайка плавает над морем
И тучка в Турцию бежит.
Вот наконец прилива ярость
Фелюка режет острым лбом.
Не день, не два бродяга-парус
Блуждал в тумане голубом.
И, с голубым туманом споря,
В златой туман облачена,
Из недр полуденного моря
Явилась фряжская страна!

6

Обидно кляничить бога ради
Тому, кто жить привык трудом.
И Федька чуял зависть, глядя,
Как иноземцы строят дом.

Он и в России, до опалы,
Коль сам не приложил руки, —
Любил хоть поглядеть, бывало,
Как избы рубят мужики,
Как стены их растут всё выше
И как потом на них верхом
Садится новенькая крыша
Ширококрылым петухом.

А тут плюгавые мужчины,
Напружив жидкие горбы,
Венерку голую тащили
На крышу каменной избы.
Была собой Венерка эта
Зело смазлива и кругла,
Простоволоса и раздета,
Да, видно, больно тяжела!

И думал Конь: «Народец слабый!
Хоть тут не жизнь, а благодать, —
Таким не с каменною бабой,
А и с простой не совладать!
Помочь им, что ли, в этом деле?..»
И, засучивши рукава,
Пошел к рабочим, что галдели
И градом сыпали слова.
Он крикнул им: «Ребята! Тише!»
Силком Венерку поволок,
Один втащил ее на крышу
И там пристроил в уголок.
Коня оставили в артели:
Что стоят две таких руки!
И покатились, полетели
Его заморские деньки!

Однажды слух прошел, что ныне
Постройке сделает промер
Сам Иннокентий Барбарини,
Пизанский старый инженер.
И вот, седой и желтоносый,
Старик пронзительно глядит,

Кидает быстрые вопросы
И очень, кажется, сердит.
Свою тетрадь перелистал он —
Расчетов желтые листы:
Его постройке не хватало
Полета в небо. Высоты!
Бородку, узкую, как редька,
Худыми пальцами суча,
Он не видал, что сзади Федька
Глядит в тетрадь из-за плеча.
Чтобы понятнее сказаться,
Руками Федька сделал знак
И знаменитому пизанцу
По-русски молвил: «Слышь! Не так!»
И ноготь Федькин, тверд и грязен,
По чертежу провел черту,
И Барбарини, старый фрязин,
Узрел в постройке высоту!

И он сказал, на зависть прочим,
Что Конь — весьма способный скиф,
Он может быть отличным зодчим,
Секреты дела изучив.
И передал ему изустно
Своей науки тайны все,
Свое прекрасное искусство
В его расчетливой красе!

7

И строил Конь. Кто виллы в Лукке
Покрыл узорами резьбы?
В Урбино чьи большие руки
Собора вывели столбы?
Чужому богу на потребу
Кто, безыменен и велик,
В Кастелламаре вскинул к небу
Аркады светлых базилик?
В Уффици ратуши громады
Отшлифовала чья ладонь?..
На них повсюду выбить надо:
«Российский мастер Федор Конь»,

Одни лишь сны его смущали,
Вселяя в душу маету.
Но, сердце камнем ощущая,
Он пробуждался весь в поту.
Порою, взор его туманя
Слезой непрошеной во сне,
Ему курная снилась баня,
Сорока на кривой сосне.
И будто он походкой валкой
Проходит в рощу по дрова,
А там зима сидит за прялкой
И сыплет снег за рукава,
И словно он стоит в соборе
И где-то певчие поют
Псалом о странствующих в море,
Блуждающих в чужом краю.
И девки снились. Не отселе,
А те, что выйдут на лужок
И на подножку карусели
Заносят красный сапожок.
И, правду молвить, снилась тоже
Жена, ревущая навзрыд,
И двор, что звездами горожен,
А сверху синим небом крыт.
Но самый горький, самый страшный
Ему такой видался сон:
Всё, что он строит — стены, башни, —
В Москве как будто строит он!
И звал назад с могучей силой
Ночного моря синий вал...
Неярких снов России милой
Еще никто не забывал!

Конь не достроил дом, который
Купило важное лицо,
И, не вылазя из тратторий,
Налег на крепкое винцо.
О нем заботясь, как о сыне,
«Что с вами сталось, милый мой?» —
Спросил у Федьки Барбарини.
И Конь сказал: «Хочу домой!»
— «Останьтесь, друг мой! Что вам делать
В снегах без края и конца,

Там, где следы медведей белых
Видны у каждого крыльца?
Мне жалко вас! Я чувством отчим
Готов поклясться в этот час:
Вы станете великим зодчим,
Живя в Италии у нас!»
Но Федька сквозь хмельные слезы
Ответил: «Где я тут найду
Буран, и русские березы,
И снег шесть месяцев в году?»
— «Чудак! Зачем вам эти бури?
Тут край весны!» — ответил тот.
И Конь сказал: «Моей натуре
Такой климáт не подойдет!»

8

Конь, воротившись издалече,
Пришел за милостью к царю.
В покое царском дым от свечек
Пятнал вечернюю зарю.
Царь умирал. Обрюзглый, праздный,
Он слушал чтенье псалтыря.
Незаживающие язвы
Покрыли голову царя.
Он высох и лежал в постели,
Платком повязан по ушам,
Но всё глаза его блестели
И взор, как прежде, устрашал.

Худой, как перст, как волос, длинный,
Конь бил царю челом. И тот
Промолвил: «Голоаы повинной
Моя секира не сечет.
А всё ж с немчином дал ты маху! —
Сказал он, глянув на Коня. —
Сбежал он, и за то на плаху
Тащить бы не тебя — меня!
Корысти не ища в боярстве,
Служи мне, как служил вчера,
Занé потребны в государстве
Городовые мастера».

И встретил Конь друзей веселых,
Чей нрав и буен и широк,
И услыхал в окрестных селах
Певучий бабий говорок.
В полях кузнечики трещали,
На Клязьму крючник шел с багром,
И, словно выстрел из пищали,
В полях прокатывался гром.
И ветерок свистел, как зяблик,
И коршун в синем небе плыл,
И перепел во ржах прозяблых,
Присев на кочку, бил да бил.
И два старинных верных друга,
Что особливо чтят гостей
Из-за моря, — метель да вьюга —
Его пробрали до костей.
И бабы пели в избах тесных,
Скорей похожую на стон,
Одну томительную песню,
Что с колыбели помнил он:

«И в середу —
Дождь, дождь,
И в четверток —
Дождь, дождь,
А соседи бранятся,
Топорами грозятся...»

9

Иван помре, послав на плаху
Всех, с кем забыл расчесться встарь.
Когда же бармы Мономаха
Принял смиренный Федор-царь,
Был приставами Конь за ворот
Приведен в Кремль: засыпав рвы,
Царь вздумал строить Белый город —
Кольцо из стен вокруг Москвы.

В Кремле стояли рынды немо,
Царь не снимал с креста руки.

Сидели овамо и семо
Седобородые дьяки.
Бояре думные стояли,
В углу дурак пускал кубарь...
«Мне снился вещий сон, бояре!» —
Неспешно начал государь.
Но тут вразвалку, точно дома,
Войдя в палату без чинов,
Сказал, что Федька ждет приема,
Старшой боярин, Годунов.
И царь промолвил: «Малый дикий!
Зашиб немчина белым днем.
Ты, Борька, лучше погляди-ка:
Ножа аль гирьки нет при нем?»

Коня ввели. «Здорово, тезка! —
Сказал кормилец, сев к столу,
И — богородицына слезка —
Лампадка вспыхнула в углу. —
Сложи-ка стенку мне на месте,
Где тын стоял. Чтоб та стена
Держала пушек сто аль двести
И чтоб собой была красна.
Я б и не строил ту ограду:
Расходы, знаешь... то и се...
Да Борька говорит, что надо,
А с ним не спорь, он знает всё!..»
Тут, скорчив кислую гримасу,
Царь служку крикнул: «Слышь! Сходи
В подвал, милок, налей мне квасу
Да тараканов отцеди. —
И продолжал: — Работай с богом!
Потрафишь — наградит казна.
Да денег трать не больно много:
Ведь и казна-то не без дна!»
Он почесал мизинцем темя
И крикнул: «Борька, слышь, юла!
Потехе — час, а делу — время:
Пошли звонить в колокола!»
Тот с огоньком в очах раскосых
Царю одеться подмогнул,

Оправил шубу, подал посох
И Федьке глазом подмигнул.
И вышел Конь в ночную гнилость
От счастья бледный, как чернец:
Все, что мечталось, все, что снилось,
Теперь сбывалось наконец!

10

Конь строить начал. Трезвый, жесткий,
Он всюду был, все делал сам:
Рыл котлован, гасил известку,
Железо гнул, столбы тесал.
Его натуре любо было,
Когда согласно, заодно,
Два великана на стропила
Тащили толстое бревно.
Тут в серой туче едкой пыли,
Сушившей руки и лицо,
Худые бабы камень били,
Звучало крепкое словцо,
Там козлы ставили, а дале —
Кирпич возили на возу.
Вверху кричали: «Раз-два, взяли».
«Полегче!» — ухали внизу.
Конь не сводил с постройки глаза
И, как ни бился он, никак
Не удосужился ни разу
Пойти ни в церковь, ни в кабак.
Зато, сходиться начиная,
Уже над городом видна
Была сквозная, вырезная
Пятисаженная стена.

Конь башню кончил день вчерашний
И отвалить велел леса.
Резной конек Чертольской башни
Уперся шпилем в небеса.
Вся точно соткана из света,
Она стояла так бела,
Что всем казалось: башня эта
Сама по воздуху плыла!

А ночью Конь глядел на тучи
И вдруг, уже сквозь полусон,
Другую башню, много лучше,
В обрывках туч увидел он.
Чудесная, совсем простая,
Нежданно, сквозь ночную тьму,
Резными гранями блистая,
Она привиделась ему...
Придя с утра к Чертольской башне,
Конь людям приказал: «Вали!»
И те с охотою всегдашней,
Кряхтя, на ломы налегли.

Работа шла, но тут на стройку
Явился государев дьяк.
«Ты башню, вор, ломать постой-ка! —
Честил он Федьку так и сяк. —
Царь что сказал? «Ни в коем разе
Сорить деньгами не моги!»
Ужо за то тебе в Приказе
Пропишут, ирод, батоги!»
И Федька Конь
в приказ Разбойный,
Стрельцами пьяными влеком,
Неторопливо и спокойно
Пошел за седеньким дьяком.
Спускалась ночь. В застенке стылом
Чадила сальная свеча.
Конь посмотрел в кривое рыло
Приземистого палача,
Взглянул налево и направо,
Снял шапку, в зубы взял ее,
Спустил штаны, прилег на лавку —
И засвистело батожье!..
Конь вышел... Черною стеною
Стояла ночь. Но, как всегда,
Вдали над фряжскою страною
Горела низкая звезда,
И на кремлевской огороже
Стрельцы кричали каждый час:
«Рабы твоя помилуй, боже!
Спаси, святый Никола, нас!»

11

Когда ж стена, совсем готова,
Обстала всю Москву окрест —
Царь повелел державным словом
Коню опять явиться в Кремль.
Сидел в палате царь Феодор,
Жужжали мухи. Пахла гарь.
«Долгонько ставил стенку, лодырь! —
Сердито молвил государь. —
И дорогонько! Помни, друже:
Христьянству пышность не нужна.
И подешевле и похуже —
А все стояла б, все — стена!
Конечно, много ль смыслит плотник?
Мужик — и вся тут недолга!
И все ж ты богу был работник
И государю был слуга.
Чай, у тебя с одежей тонко?
Вот тут шубенка да парча.
Хоть и хорьковая шубенка,
Да с моего зато плеча!
Совсем хорошая одежа,
Одни рукав побила моль...
Ну, поцелуй мне руку. Что же
Молчишь ты? Недоволен, что ль?»
— «Доволен, — Конь ответил грубо, —
Хорек зело вонючий зверь!»
Тут царь, запахивая шубу,
Присел и шибко юркнул в дверь.

12

И запил Конь. Сперва «Под пушкой»,
Потом в «Царевом кабаке»
Валялся с медною полушкой,
Зажатой в потном кулаке.
Топя тоску в вине зеленом,
«Вся жизнь — решил он, — прах и тлен!»
Простоволосая гулёна
Не слазила с его колен.

Он стал вожак кабацкой швали,
Был во хмелю непобедим,
Его пропойцы дядей звали
И купно пьянствовали с ним.
Когда, о стол ладонью треснув
Так, что на нем виднелся знак,
Конь запевал срамную песню, —
Орал ту песню весь кабак!
Ему проныра-целовальник
Не поспевал вина нести:
«Гуляй, начальник! Пей, начальник!
Шуми да денежки плати!»
Конь сыпал медью, не считая:
«Еще! За все в ответе я!»
И, пенным зельем налитая,
Ходила кру́гом сулея.

Народ, сивухой обожженный,
Буянил, и издалека
Пропойц матери и жены
Глядели в окна кабака.
У каждой муж пьет больно много!
Как раз бы мера! Вот как раз!
Но на дверях белеет строго
Царем подписанный указ.
И говорится в том указе,
Что, дескать, мать или жена
Звать питуха ни в коем разе
Из заведенья не вольна.
И докучать не смеет тоже
Пьянчужке-мужу женка та,
Доколе он сидит в одеже
И не пропился до креста.

Под вечер Федька из кружала,
Шатаясь, вышел по нужде.
Жена проснла и дрожала:
«Пойдем, соколик! Быть беде!»
Но Конь ударил шапку о́ пол,
Рванул рубаху на груди:
«Я только пуговицы пропил
От царской шубы! Погоди!»

Опять в кабацком смраде кислом,
Где пировала голытьба,
Дым поднимался коромыслом
И все разгульней шла гульба,
А жены в низкое оконце
Глядели на слепой огонь...
И вновь перед восходом солнца
На воздух вышел Федька Конь.
Кафтан его висел, распорот,
Была разбита голова.
«Жена! Уже я пропил ворот!
Еще остались рукава!»

На третье утро с Федькой рядом
Уселся некий хлюст. Его
Прозвали Кузькой Драным Задом.
Тот Кузька не пил ничего,
А все пытал хмельного Федьку,
Как тот разжился: «Федька! Ну,
Чего таишься? Слышь! Ответь-ка!
Небось набил себе мошну?
Небось добра полны палаты?
Жена в алмазах! Не как встарь!
Небось и серебра и злата
Тебе отсыпал государь?
Чай, одарил немецким платьем?»
Тут Конь, молчавший до поры,
Сказал: «От каменного бати
Дождись железной просфоры!»
А Кузька побледнел немножко,
К окну скорехонько шагнул,
Быстрехонько открыл окошко
И тонко крикнул: «Караул!»
Потом, чтоб Федька не ударил,
К стрельцам за спины стал в углу
И произнес: «На государя
Сей тать сказал сейчас хулу!»

И дело Федькино умело
Повел приказный стрикулист.
Сам Годунов читал то дело
И записал на первый лист:

«Пустить на вольную дорогу
Такого вора — не пустяк,
Понеже знает больно много
Сей вор о наших крепостях.
На смуту нынешнюю глядя,
Терпеть буянство не с руки:
Сослать его, смиренья ради,
На покаянье в Соловки!»

13

Зосима — муж-вероучитель,
Видавший бесы наяву,
Построил честную обитель
На одиноком острову.
Невелика там братья, ибо
Уставом строг тот божий дом,
Монахи ловят в сети рыбу,
Живя молитвой и трудом.
Чтоб лучше храм украсить божий,
Разбив подворья там и тут,
Пенькою, солью, лесом, кожей
В миру торговлишку ведут.
Нырки летят на этот остров,
Крылами солнце заслоня...

В обитель ту на строгий постриг
Москва отправила Коня.
Дабы греховное веселье
Не приходило в ум ему,
Посажен Федька был не в келью,
А в монастырскую тюрьму.
Там вместо ложа —
гроб короткий
И густо переплетено
Тройною ржавою решеткой
Слепое узкое окно.

Наутро ключник брат Паисий,
С рассвета трезвый не вполне,
В тюрьму просунув носик лисий,
Спросил, что видел Конь во сне.

И тот ответил:
«В этой яме
Без края длится ночь моя!
Мне снилось нынче, что с друзьями
До света в кости дулся я!»
Отец Паисий взял подсвечник,
И, плюнув, дверь захлопнул он:
«Сиди в тюрьме, великий грешник!
Твой сон — богопротивный сон».
Монах не без душка хмельного
Назавтра вновь пришел в тюрьму,
И у Коня спросил он снова,
Что нынче виделось ему.
И Конь ответил: «Инок честный!
Силен, должно быть, сатана.
Мне снился ныне сон прелестный,
Я похудел с такого сна:
Смущая грешника красами,
Румянощека и кругла,
Жена, обильна телесами,
В сие узилище вошла».
Паисий молвил: «Я утешен:
Твоя душа еще во тьме,
Но этот сон не так уж грешен!
Ты исправляешься в тюрьме».
Когда ж в окне опять явилось
Его опухшее лицо,
Конь произнес: «Мне нынче снилось,
Что мы с тобою пьем винцо,
Притом винцо из самых лучших!..»
Тут из-за двери: «Милый брат! —
Коню ответил пьяный ключник. —
Твой этот сон почти уж свят!
Да мы и все безгрешны, что ля?
Не верь, дружище! Плюнь! Слова!
Надень армяк, пойдем на волю,
Поможешь мне колоть дрова».

И вышел Конь. Серело море.
Тянулся низкий бережок.
С залетной тучкой слабо споря,
Его неяркий полдень жег.

Летали чайки в тусклом свете,
Вились далекие дымки,
На берегу сушились сети,
Рядком стояли челноки,
Паисий голосом нетрезвым
Хмельную песенку тянул.
Конь пнул его тычком железным
И в сеть рыбачью завернул,
Чтоб честный ключник, мвлый рослый,
Легко распутаться не мог,
Подрясник скинул, сел на весла
И в море оттолкнул челнок.

14

В Москве был голод этим летом,
К зиме сожрали всех котят.
Болтали, что перед рассветом
Гробы по воздуху летят,
Что вдруг откуда-то лисицы
Понабежали в погреба,
Что в эту ночь на Вражек Сивцев
Падут три огненных столба.

Недавно в Угличе Димитрий
Средь бела дня зарезан был,
Но от народа Шуйский хитрый
Об этом деле правду скрыл,
Сказав: «Зело прискорбный случай!
На все господня воля. Что ж
Поделаешь, когда а падучей
Наткнулось дитятко на нож?»
Но всё же очевидцы были,
И на базарах, с их слов,
Сидельцы бабам говорили,
Что промахнулся Годунов.
И Годунову прямо в спину
Шел слух, как ветер по траве,
Что он убил попова сына,
А Дмитрий прячется в Литве.
И, взяв жезлы с орлом двуглавым,
Надев значки на рукава,

Вели ярыжек на облаву
Людей гулящих пристава.

С утра валило мокрым снегом,
Шла ростепель. И у воды,
В кустарнике, где заяц бегал,
Остались частые следы.
Снег оседал, глубок и тяжек,
Глухой тропинкой к вечеру
Брели стрельцы ловить бродяжек
В густом Серебряном бору.
Там, словно старая старушка,
Укрывшись в древних сосен тень,
Стояла ветхая избушка
В платочке снежном набекрень.
Она была полна народом,
В ней шел негромкий разговор.
Раздался стук — и задним ходом
Сигнули в лес за вором вор.
Стрельцы вошли, взломав окошко,
Достали труту и кремня,
Подули на руки немножко
И быстро высекли огня.
Все было пусто. Скрылись гости.
Но щи дымились в чашке — и
Валялись брошенные кости
У опрокинутой скамьи.
Тараканье на бревнах старых
Ускорило неспешный бег...
Укрыт тряпьем, лежал на нарах
В похмелье, мучась, человек.
Он застонал и, спину гладя,
Присел на лавку, гол и бос.
К худым плечам свисали пряди
Седых нечесаных волос.
Его увидя в тусклом свете,
«Ты кто?» — спросили пристава.
И хриплый голос им ответил:
«Иван, не помнящий родства!»

1940

ПИРАМИДА

Когда болезнь, как мускусная крыса,
Что заползает ночью в камелек,
Изъела грудь и чрево Сезостриса, —
Царь понял:
День кончины недалек!
Он продал дочь.
Каменотесам выдал
Запасы
Меди,
Леса,
Янтаря,
Чтоб те ему сложили пирамиду —
Жилье, во всем достойное царя.

Днем раскаляясь,
Ночью холодея,
Лежал Мемфис на ложе из парчи,
И сотни тысяч пленных иудеев
Тесали плиты,
Клали кирпичи.
Они пришли покорные,
Без жалоб,
В шатрах верблюжьих жили,
Как пришлось;
У огнеглазых иудеек нá лоб
Спадали кольца смоляных волос...
Оторваны от прялки и орала,
Палимы солнцем,
Брошены во тьму, —
Рабы царя...
Их сотни умирало,
Чтоб возвести могилу одному!

И вырос конус царственной гробницы
Сперва на четверть,
А потом на треть.
И, глядя вдаль сквозь длинные ресницы,
Ждал Сезострис —
И медлил умереть.

Когда ж ушли от гроба сорок тысяч,
Врубив орнамент на последний фриз,
Велел писцам слова гордыни высечь
Резцом на меди чванный Сезострис:
«Я,
Древний царь,
Воздвигший камни эти,
Сказал:
Покрыть словами их бока,
Чтоб тьмы людей,
Живущие на свете,
Хвалили труд мой
Долгие века».

Вчерашний мир
Раздвинули скитальцы,
Упали царства,
Встали города.
Текли столетья,
Как песок сквозь пальцы,
Как сквозь ведро дырявое
Вода.

Поникли сфинксы каменными лбами.
Кружат орлы.
В пустыне зной и тишь.
А время
Надпись
Выгрызло зубами,
Как ломтик сыра
Выгрызает мышь.
Слова,
Что были выбиты, как проба,
Молчат сегодня о его делах.
И прах его,
Украденный из гроба,
В своей печи убогой
Сжег феллах.
Но, мир пугая каменным величьем,
Среди сухих известняковых груд
Стоит,
Побелена пометом птичьим,

Его могила —
Безымянный труд.

И путник,
Ищущий воды и тени,
Лицо от солнца шлемом заслоня,
Пред ней,
В песке сыпучем по колени,
Осадит вдруг поджарого коня
И скажет:
«Царь!
Забыты в сонме прочих
Твои дела
И помыслы твои,
Но вечен труд
Твоих безвестных зодчих,
Трудолюбивых,
Словно муравьи!»

1940

КНЯЗЬ
ВАСИЛЬКО РОСТОВСКИЙ

Ужель встречать в воротах
С поклонами беду?..
На Сицкое болото
Батый привел орду.

От крови человечьей
Подтаяла река,
Кипит лихая сеча
У княжья городка.

Врагам на тын по доскам
Взобраться нелегко:
Отважен князь Ростовский,
Кудрявый Василько.

В округе все, кто живы,
Под княжью руку встал.
Громят его дружины
Насильников татар.

Но русским великанам
Застлала очи мгла,
И выбит князь арканом
Из утлого седла.

Шумят леса густые,
От горя наклонясь...
Стоит перед Батыем
Плененный русский князь.

Над ханом знамя наше,
От кровушки черно,
Хан из церковной чаши
Пьет сладкое вино.

Прихлебывая брагу,
Он молвил толмачу:
«Я князя за отвагу
Помиловать хочу.

Пусть вытрет ил болотный,
С лица обмоет грязь:
В моей охранной сотне
Отныне служит князь!»

В забвенье зла былого,
Батый через слугу
Подносит чашку плова
Недавнему врагу.

Но, духом тверд и светел,
Спокойно и легко
Насильникам ответил
Отважный Василько:

«Служить тебе не буду,
С тобой не буду есть.
Одно звучит повсюду
Святое слово: месть!

Под нашими ногами
Струится кровь — она,
Монгольский хан поганый,
Тобой отворена!

Лежат в снегу у храма
Три мертвые жены.
Твоими нукерами
Они осквернены!

В лесу огонь пожара
Бураном размело.
Твои, Батый, татары
За лесом жгут село!

Забудь я Русь хоть мало,
Меня бы прокляла
Жена, что целовала,
И мать, что родила!..»

Батый, привычный к лести,
Нахмурился: «Добро!

Возьмите и повесьте
Упрямца за ребро!»

Бьют кочеты на гумнах
Крылами в полусне,
А князь на крюк чугунный
Подвешен на сосне.

Молчит земля сырая,
Подмога далеко,
И шепчет, умирая,
Могучий Василько:

«Не вымоюсь водою
И тканью не утрусь,
А нынешней бедою
Сплотится наша Русь!

Сплотится Русь и вынет
Единый меч. Тогда,
Подобно дыму, сгинет,
Батый, твоя орда!..»

И умер князь кудрявый,
Но с той лихой поры
Поют герою славу
Седые гусляры.

26 августа 1942

НАБЕГ

Хоть еще на Москве
Не видать гололобых татар,
А недаром грачи
Раскричались в лесу над болотом
И по рыхлым дорогам
Посадский народ —
Мал и стар —
Потянулся со скарбом
К железным кремлевским воротам.

Кто-то бухает в колокол
Не покладая руки,
И сполох над столицей
Несется, тревожен и звонок.
Бабы тащат грудных,
А за ними ведут мужики
Лошаденок своих,
Шелудивых своих коровенок.

Увязавшись за всеми,
Дворняги скулят на бегу,
Меж ногами снуют
И к хозяевам жмутся упорно.
Над коровьим навозом
На мартовском талом снегу
Неуклюжие галки
Дерутся за редкие зерна.

Изнутри подпирают
Тесинами створки ворот,
В них стучат запоздалые,
Просят впустить Христа ради.
Верхоконный кричит,
Наезжая конем на народ,
Что лабазы с мукою
Уже загорелись в Зарядье.

Ничего не поймешь,
Не рассмотришь в туманной дали:

То ли слободы жжет
Татарва, потерявшая жалость,
То ль посадские сами
Свое барахлишко зажгли,
Чтоб оно хоть сгорело,
Да только врагу не досталось!

И в глухое предместье,
Где в облаке дыма видны
Вековечные сосны
И низкие черные срубы,
То и дело подолгу
С высокой Кремлевской стены
Молча смотрят бояре
В заморские длинные трубы.

Суетясь у костра,
Мужичонка, раздет и разут,
Подгребает золу
Под котел, переполненный варом,
И, довольны потехой,
Мальцы на салазках везут
Горки каменных ядер —
Гостинцы готовят татарам!

Катят дюжие ратники
Бочки по талому льду
Из глубоких подвалов,
Где порох с картечью хранится.
Тупорылая пушечка
На деревянном ходу
Вниз, на Красную площадь,
Глядится из тесной бойницы.

И над ревом животных,
Над гулом смятенной толпы,
Над котлами смолы,
Над стрелецкой дружиною копной, —
В золотом облаченье,
Вздымая хоругви, попы
На Кремлевские стены
Идут с чудотворной иконой.

А в усадьбе своей
Хитроумный голландский купец
Запирает калитку
И, заступ отточенный вынув,
Под сухою ветлой
Зарывает железный ларец,
Полный звонких дукатов
И светлых тяжелых
цехинов.

Повисают замки
На ларях мелочных торгашей,
Лишь в кружалах пропойцы
Дуют для храбрости брагу.
Попадья норовит
Вынуть серьги из нежных ушей
И красавицу дочку
В мужицкую рядит сермягу.

Толстый дьяк отговеть
Перед смертью решил.
А пока
Под шумок у народа
Мучицу скупил за спасибо.
Судьи в Тайном приказе
Пытают весь день «языка»:
То кидают на землю,
То вновь поднимают на дыбу.

А старухи толкуют,
Что в поле у старых межей
Ведьмы сеяли землю
Вчерашнюю ночь на рассвете.
И ревут молодайки:
Они растеряли мужей,
За подолы их, плача,
Цепляются малые дети.

И, к луке пригибаясь,
Без милости лошадь гоня,
Чистым полем да ельником,
Скрытной лесною дорогой,

В поводу за собою
Ведя запасного коня,
Поспешает гонец
К Ярославлю
За скорой подмогой.

1942

СОЛДАТКА

Ты все спала. Все кислого хотела.
Все плакала. И скоро поняла,
Что и медлительна и полнотела
Вдруг стала оттого, что — тяжела.

Была война. Ты, трудно подбоченясь,
Несла ведро. Шла огород копать.
Твой бородатый ратник-ополченец
Шагал по взгорьям леденых Карпат.

Как было тяжело и как весладко!
Все на тебя легло: топор, игла,
Корыто, печь... Но ты была солдаткой,
Великорусской женщиной была.

Могучей, умной, терпеливой бабой
С нечастыми сединками в косе...
Родился мальчик. Он был теплый,
слабый,
Пискливый, красный, маленький,
как все.

Как было хорошо меж сонных губок
Вложить ему коричневый сосок
Набухшей груди, полной, словно кубок,
На темени пригладить волосок,

Прислушаться, как он сосет, перхая,
Уставившись неведомо куда,
И нянчиться с мальчишкой, отдыхая
От женского нелегкого труда...

А жизнь тебе готовила отместку:
Из волостной управы понятой
В осенний день принес в избу повестку.
Дурная весть была в повестке той!

В ней говорилось, что в снегах горбатых,
Зарыт в могилу братскую, лежит,

Германцами убитый на Карпатах,
Твой работящий пожилой мужик.

А время было трудное!.. Бывало,
Стирала ты при свете ночника
И что могла для сына отрывала
От своего убогого пайка.

Всем волновалась: ртом полуоткрытым,
Горячим лбом, испариной во сне.
А он хворал. Красиухой. Дифтеритом.
С другими малышами наравне.

Порою из рогатки бил окошки,
И люди говорили: «Ох, бедов!»
Порою с ходу прыгал на подножки
Мимо идущих скорых поездов...

Мальчишка вырос шустрый, словно чижик,
Он в школу не ходил, а несся вскачь.
Ах, эта радость первых детских книжек
И горечь первых школьных неудач!

А жизнь вперед катилась час за часом.
И вот однажды, раннею весной,
Ломающимся юношеским басом
Заговорил парнишка озорной.

И все былое горе малой тучкой
Представилось тебе, когда сынок
Принес, богатый первою получкой,
Тебе в подарок кубовый платок.

Ты стала дряхлая, совсем седая...
Тогда ухватами в твоей избе
Загрохала невестка молодая.
Вот и нашлась помощница тебе!

А в уши все нашептывает кто-то,
Что краток день счастливой тишины:
Есть материнства женская работа,
И есть мужской тяжелый труд войны.

Недаром сердце ныло, беспокоясь:
Она пришла, военная страда.
Сынка призвали. Дымный красный поезд
Увез его неведомо куда.

В тот день в прощальной суете вокзала,
Простоволоса и как мел бела,
Твоя сноха заплакала, сказала,
Что от него под сердцем понесла.

А ты, очки связав суровой ниткой,
Гадала: мертвый он или живой?
И подолгу сидела над открыткой
С неясным штампом почты полевой.

Но сын умолк.
                    Он в воду канул будто!
Что говорить? Беда приходит вдруг!
Какой фашист перечеркнул в минуту
Все двадцать лет твоих надежд и мук?

Твой мертвый сын лежит в могиле
                                        братской,
Весной ковыль начнет над ним расти.
И внятный голос с хрипотцой солдатской
Меня ночами просит: «Отомсти!»

За то, что в землю ржавою лопатой
Зарыта юность светлая моя,
За старика, что умер на Карпатах
От той же самой пули, что и я.

За мать, что двадцать лет,
                                    себе на горе,
Промаялась бесплодной маетой,
За будущего мальчика, что вскоре
На белый свет родится сиротой!

Ей будто нелегко его баюкать:
Она одна. Нет мужа. Сына нет...
Разбойники! Они убьют и внука —
Не через год, так через двадцать лет!..

И все орудья фронта, каждый воин,
Все бессемеры тыла, как один,
Солдату отвечают: «Будь спокоен!
Мы отомстим! Он будет жить, твой сын!»

Он будет жить! В его могучем теле
Безоблачно продлится жизнь твоя.
Ты пал, чтоб матери не сиротели
И в землю не ложились сыновья!

16—19 февраля 1944

ЕРМАК

Пирует с дружиной отважный Ермак
В юрте у слепого Кучума.
Средь пира на руку склонился казак,
Грызет его черная дума.
И, пенным вином наполняя стакан,
Подручным своим говорит атаман:

«Не мерена вдоль и не пройдена вширь,
Покрыта тайгой непроезжей,
У нас под ногой распростерлась Сибирь
Косматою шкурой медвежьей.
Пушнина в сибирских лесах хороша,
И красная рыба в струях Иртыша!

Мы можем землей этой тучной владеть,
Ее разделивши по-братски.
Мне в пору Кучумовы бармы надеть
И сделаться князем остяцким...
Бери их кто хочет, да только не я:
Иная печаль меня гложет, друзья!

С охотой отдал бы я что ни спроси,
Будь то самопал иль уздечка,
Чтоб только взглянуть, как у нас
на Руси
Горит перед образом свечка,
Как бабы кудель выбивают и вьют,
А красные девушки песни поют!

Но всем нам дорога на Русь заперта
Былым воровством бестолковым.
Одни лишь для татя туда ворота —
И те под замочком пеньковым.
Нет спору, суров государев указ!
Дьяки на Руси не помилуют нас...

Богатства, добытые бранным трудом
С заморских земель и окраин,
Тогда лишь приносят корысть, если в дом
Их сносит разумный хозяин.

И я б этот край, коль дозволите вы,
Отдал под высокую руку Москвы.

Послать бы гонца — государю челом
Ударить Кучумовым царством,
Чтоб царь, позабыв о разбое былом,
Казакам сказал: «Благодарствуй!»
Тогда б нам открылась дорога на Русь...
Я только вот ехать туда не берусь.

Глядел без опаски я смерти в лицо,
А в царские очи не гляну!..»
Ермак замолчал, а бесстрашный Кольцо
Сказал своему атаману:
«Дай я туда съезжу. Была не была!
Не срубят головушку — будет цела!

Хоть крут государь, да умел воровать,
Умей не сробеть и в ответе!
Конца не минуешь, а двум не бывать,
Не жить и две жизни на свете!
А коль помирать, то, кого ни спроси,
Куда веселей помирать на Руси!..»

Над хмурой Москвою не льется трезвон
Со ста сорока колоколен:
Ливонской войной государь удручен
И тяжкою немочью болен.
Главу опустив, он без ласковых слов
В Кремле принимает нежданных послов.

Стоят в Грановитой палате стрельцы,
Бояре сидят на помосте,
И царь вопрошает: «Вы кто, молодцы?
Купцы аль заморские гости?
Почто вы, ребята, ни свет ни заря
Явились тревожить надежу-царя?..»

И, глядя без страха Ивану в лицо,
С открытой душой, по-простецки:
«Царь! Мы русаки! — отвечает Кольцо, —
И промысел наш — не купецкий.

Молю: хоть опала на нас велика,
Не гневайся, царь!
Мы — послы Ермака.

Мы, выйдя на Дон из Московской земли,
Губили безвинные души.
Но ты, государь, нас вязать не вели,
А слово казачье послушай.
Дай сердце излить, коль свидаться
пришлось,
Казнить нас и после успеешь небось!

Чего натворила лихая рука,
Маша кистенем на просторе,
То знает широкая Волга-река,
Хвалынское бурное море.
Недаром горюют о нас до сих пор
В Разбойном приказе
петля да топор!

Но знай: мы в Кучумову землю пошли
Загладить бывалые вины.
В Сибири, от белого света вдали,
Мы бились с отвагою львиной.
Там солнце глядит, как сквозь
рыбий пузырь,
Но мы, государь, одолели Сибирь!

Нечасты в той дальней стране города,
Но стылые недра богаты.
Пластами в горах залегает руда,
По руслам рассыпано злато.
Весь край этот, взятый
в жестокой борьбе,
Мы в кованом шлеме подносим тебе!

Немало высоких казацких могил
Стоит вдоль дороженьки нашей,
Но мы тебе бурную речку Тагил
Подносим, как полную чашу.
Прими эту русскую кашу хлеб-соль,
А там хоть на дыбу послать нас изволь!»

Иван поднялся и, лицом просветлев,
Что тучею было затмилось,
Промолвил: «Казаки! Отныне свой гнев
Сменяю на царскую милость.
Глаз вон, коли старое вам помяну!
Вы ратным трудом искупили вину.

Поедешь обратно, лихой есаул, —
Свезешь атаману подарок... —
И царь исподлобья глазами блеснул,
Свой взгляд задержав на боярах: —
Так вот как, бояре, бывает подчас!
Казацкая доблесть — наука для вас.

Казаки от царского гнева, как вы,
У хана защиты не просят,
Казаки в Литву не бегут из Москвы
И сор из избы не выносят.
Скажу не таясь, что пошло бы вам впрок,
Когда б вы запомнили этот урок!

А нынче быть пиру! Хилков, порадей,
Чтоб сварены были пельмени.
Во славу простых, немудрящих людей
Сегодня мы чару запеним!
Мы выпьем за тех, кто от трона вдали
Печется о славе Российской земли!»

В кремлевской палате накрыты столы
И братины подняты до рту,
Всю долгую ночь Ермаковы послы
Пируют с Иваном Четвертым.
Хмельная беседа идет вкруг стола,
И стонут московские колокола.

19 марта 1944

УРАЛЬСКИЙ ЛИТЕЙЩИК

Литейщик был уральцем чистой крови
Из своенравных русских стариков.
Над стеклами его стальных очков
Топорщились седеющие брови.
Куда был непоседлив старичок!
Таким июльский день и тот — короткий.
Торчал из клинышка его бородки
Прокуренный вишневый мундштучок.
В сатиновой косоворотке черной
Ходил литейщик, в ветхом пиджаке,
По праздникам копался в цветнике
Да чижику в кормушку сыпал зерна.
Читал газету, морщась, выпивал
Положенную чарку за обедом
И, в шашки перекинувшись с соседом,
Чуть вечер, беззастенчиво зевал.

Зато землею формы набивать
Он почитал не ремеслом, а счастьем.
Литейных дел он был великий мастер
И мог бы кружево отформовать.
Как он доволен был, когда в дыму
В цеху, его ряды опок стояли!..
Художество — не в косном матерьяле,
А только в отношении к нему.
Литейщик сам трудился дотемна
И тех шпынял, кто попусту толчется.
Он вел свой честный род от пугачевцев.
И от раскольников вела жена.
Крутой литейный мастер в страхе божьем
Держал свою рабочую семью,
Жену, подругу верную свою,
С которой он полвека мирно прожил.

Хоть со старухой муж и не был груб,
А только строг, — всё улыбались горько,
По-старинковски собранные в сборку,
Углы ее когда-то пухлых губ.
Она вставала, чуть светал восток,
И позже всех ложилась каждый вечер,

Был накрест через узенькие плечи
Накинут теплый шерстяной платок.
И вся семья устойчиво лежала
На этих хрупких сухоньких плечах.
Та область жизни, где стоит очаг,
Была ее старушечья держава.

Без вот такой молчальницы покорной
Семья — глядишь — и превратится в труп.
Не так ли точно коренастый дуб
Незримые поддерживают корни?

Все в домике блестело: и киот,
Что от детей спасло ее старанье,
И на окошке свежие герани,
И маленький ореховый комод,
Где семь слонов фарфоровых на счастье
По росту кто-то выстроил рядком,
Где подавал ей руку кренделько́м
На старом фото моложавый мастер.
И тот диван с расшитою подушкой,
Где сладко муж похрапывал во сне,
И мирно тикавшие на стене
Часы с давно охрипшею кукушкой.
Уже гражданских бурь прошла пора,
А домик оставался неизменен.
Лишь в зальце к литографии Петра
Прибавился однажды утром —
Ленин.

Соседство взгляды вызвало косые
Детей, не почитавших старину,
Не знавших, как сливаются в одну
Реку все русла разные России.
Судьба ребят послала старикам,
Чтоб им под старость не истосковаться.
Литейщик отыскал для сына в святцах
Диковинное имя — Африкан.
И не один мальчишеский грешок
Старуха терпеливо покрывала,
И все-таки не раз гулял, бывало,
По сыну жесткий батькин ремешок.

Мальчишка рос веселый, озорной,
Он был крикун, задира, голубятник.
Зимою, выряжен в отцовский ватник,
На лыжах бегал в школу, а весной
В лес уходил с заржавленной двустволкой
В болотных заскорузлых сапогах
И сладко отсыпался на стогах,
Мечтая встретить лося или волка.

Старуха дочь назвала Анной — Анкой.
Моложе брата на год в аккурат,
Она была куда смирней, чем брат,
Росла в семье задумчивой смуглянкой.
Девчонка рукодельницей была.
Отец теплел, когда она, бывало,
Зимой у печки за шитьем певала
Все про Катюшу сизого орла.
«Клад, а не девка! — говорили все. —
Красавицею будет, не иначе!»
И девочку фотограф снял бродячий
С цветущими ромашками в косе.
Как водится, меж братом и сестрой
Бывали часто маленькие драки,
Но против уличного забияки
Мальчишка за сестру вставал горой.
Порою он, почесывая зад,
Бежал к отцу, — но тот судил иначе:
«Коль бьют — дерись!
А если не дал сдачи —
Не жалуйся: кто бит, тот виноват!»

Как водится, любимицей отцовской
Была задумчивая Анка, дочь.
А мать ходила за сынком, точь-в-точь
Как олениха за своим подсоском.
А жизнь с собой несла событий короб.
Был ход ее то горек, то смешон:
Сестра переболела коклюшем,
Брат ненароком провалился в прорубь.
Потом отцовской бритвою усы
Впервые сбрил мальчишка неумело.
И вот однажды, глядя на часы,
Старик сказал: «Пора тебе за дело!

Не век тебе, — добавил он сурово, —
По улицам таскаться день-деньской».
И стал мальчишка в школе заводской
Вникать помалу в ремесло отцово.
И правда: детство тянется не век,
Любовью материнскою согрето...
Врачи худую девочку в то лето
Подзагореть отправили в Артек.

1945

Драма

РЕМБРАНДТ

(Драма в стихах)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Рембрандт ван Рейн, художник.

Саския ван Эйленбург, его жена.

Хендрике, по прозвищу Стоффельс, его служанка.

Фабрициус и Флинк, его ученики.

Людвиг Дирк, его маклер.

Магдалина ван Лоо, его невестка.

Сикс, бургомистр Амстердама, меценат, писатель.

Баннинг Кук, капитан корпорации стрелков.

Пастор.

Мортейра, ученый талмудист, учитель Спинозы.

Наследный принц Тосканы.

Доктор Тюльп, тесть Сикса.

Продавец красок.

Бюргер, пушкарь, лейтенант, стрелки, судебный пристав, писец, стражники, горожане, кредитор, хозяин гостиницы, соседи.

Действие происходит в Амстердаме с 1635 по 1669 год.

КАРТИНА ПЕРВАЯ
ПИР БЛУДНОГО СЫНА

I

Флик и Фабрициус приготовляют для пирушки богато убранную комнату. На стенах ее картины, оружие, восточные ткани, гипсовые маски. На полках книги, папки с рисунками, античные бюсты, в углу огромный глобус, на полу львиная шкура, стоит мольберт с завешенной картиной. В комнате две двери.

Флик

Совсем не чудо наш старик Рембрандт:
Ему на рынке отыскался тезка.

Фабрициус

Хоть ты оделся как испанский гранд,
А все-таки острить довольно плоско.
Рембрандт один.

Флик

Заладил, и конец!
К нам в Амстердам приехал из Гааги
Купец Рембрандт ван Юлленшерн.

Фабрициус

Купец?

Флик

Верней, богатый фабрикант бумаги.
Вчера на Амстель [1] для него как раз
Сырье сгружали, скатывали бочки.
Тут я подъехал и добыл заказ
Писать портрет с его дебелой дочки.

[1] Река в Амстердаме.

Фабрициус

Но брать заказы нам запрещено.

Флинк

Э, мало ль что запрещено, любезный!
Ей-богу, подработать на вино —
Вполне невинно и весьма полезно.

Фабрициус

Хозяин говорит, что портит час
Успех дешевый у солдат и женщин.

Флинк

Завидует! А хочешь знать: подчас
И сам учитель портит нас не меньше.

Фабрициус

Как так?

Флинк

Да очень просто. Посмотри,
Как на его палитре краски вянут.
Холсты его берут монастыри
Да ратуши, а дамы брать не станут.
Не первый день я у него в дому:
На рождество исполнится два года,
А почему он гений — не пойму,
Хоть ты убей меня! Все мода, мода!
Да уж и та почти сошла на нет:
Заказов-то поменьше, не как прежде.
И то сказать: заказывай портрет
Такому грубияну и невежде!

Фабрициус

Рембрандт — невежда?!

Флинк

Тише. Не ори!
Ведь он и Рубенс — что земля и небо.

Как ни толкуй и что ни говори,
А гений наш в Италии-то не был?
Он малевал вчера, а я глядел,
Смеясь в душе.
(Указывает на одну из папок.)
Рисуя в этой папке
Страданья Иисуса, он надел
Евангелистам... меховые шапки!

Фабрициус

Мне не смешно.

Флинк

Так ты в него влюблен!
А я в мазне такой не вижу прока.
Ах, то ли дело итальянский тон,
Счастливое французское барокко!
Оно горит, чаруя глазки дам,
Его тона заката золотистей!
Гром разрази меня! Я все отдам
За бойкость техники, за беглость кисти!

Фабрициус

За гладкопись.

Флинк

Фабрициус, ты дурак!
Подмолоди принцесс да бургомистров,
Подзолоти и сам увидишь, как
Тебе удача улыбнется быстро!
Смети-ка эту пыль, что на ковре...
Да, слава и богатство — вот в чем
соль-то!
Тебе он люб — сиди в его дыре,
А я сбегу к маэстро Миревольту[1].
Рембрандтом, друг, я сыт по горло.
Всласть.

---

[1] Современный Рембрандту второклассный, но удачливый живописец.

Мужицкий реализм. Медвежья грубость.
Эх, если бы мне к Рубенсу попасть
В ученики!

Фабрициус

Ага, вот видишь: Рубенс —
Князь нашей живописи; но и тот
Прийти к Рембрандту обещал сегодня.

Флинк

Придет ли он?

Фабрициус

Конечно, он придет.

Флинк

Его притащит Людвиг, эта сводня,
Чтобы учителя отсрочить крах
И кровь его сосать еще полгода.
Но он ловкач, и я ему не враг...

2

Входит Рембрандт, неся в руках огромный шлем. Его плащ и сапоги в грязи.

Рембрандт

Собачий ветер! Чертова погода!

Флинк

Учитель! Вы? Как волновался я
О вашем драгоценнейшем здоровье!
И ветер с Эй [1], и ливень в три ручья...

---

[1] Гавань в Амсгердаме.

Рембрандт

Я на базар ходил за бычьей кровью[1].
Уговорил бродягу на этюд
Да завернул на свадьбу к крысолову.
Я старый гез и не боюсь простуд.
Смотрите, дети: я принес обнову —
Шлем великана.

Флинк

Превосходный шлем!
Чай, дали за него флоринов десять?

Рембрандт

Два гульдена всего. А между тем
Забавный шлем! Куда б его повесить?

(Тянется к гвоздю на стене.)

Флинк

Не утруждайтесь! Я сейчас, сейчас...
Тут над картиной гвоздь,
так мы над нею...
Давайте шлем сюда: я выше вас.

Рембрандт

Мой милый, ты не выше, ты длиннее.

Флинк

Гм... совершенно верно: я длинней.

Рембрандт

Да гвоздь-то крепок?

Флинк

Гвоздь на диво крепок.

(Берет с полки гипсовый слепок руки
и прибивает его к стене.)

---

[1] Пунцовая краска.

А эту руку надо повидней
Приколотить. Какой прекрасный слепок!

(Развешивает оружие.)

Фабрициус! Подай из уголка
Ту шпагу, что с большим зеленым бантом.

(Опять разглядывает слепок.)

На диво интересная рука!
Когда-то был и я ведь хиромантом.

Рембрандт

А был, так погадай: рука моя.

Флинк

(снимает слепок и рассматривает его)

Здесь на ладони, меж пересечений
Других морщин, — Знак Солнца вижу я,
Тот знак гласит, что вы,
учитель, — гений.

Рембрандт

Так. Дальше что?

Флинк

Венерино кольцо,
Пересеченное глубоким шрамом.
Хе-хе! Владеющее им лицо
Весьма приятно девушкам и дамам.

Рембрандт

Сейчас соврет, что мне везет в игре!

Флинк

Вам врать, учитель, было б святотатство.
Морщинка на Меркурьевом бугре
Пророчит вам великое богатство.

Рембрандт

Ты б Виччи был, когда бы, как вранья,
Художества усвоил ты науку!
Ведь вместо собственной ладони я
Тебе подсунул каторжника руку.

Флинк

(обиженно)

Что ж, воля ваша!

3

Входит нарядно одетая Саския.

Саския

Где ты был, Рембрандт?

Рембрандт

У старой биржи, на Брабантском мосте.

Саския

Весь плащ в грязи! Небритый!
Вот так франт!
А ведь сейчас начнут съезжаться гости.

Рембрандт

Мы с Крулем[1] в синагогу забрались
И слушали «Колнидрей». Что за песня!..
Ну, ласточка, ну радость, не сердись!

Саския

Что ж! Не нашел занятья интересней?
Добро б хоть был ты холост или вдов

---

[1] Поэт, современник Рембрандта.

Ужель тебя нисколько не роняет
В своем же мненье общество жидов?..
Переоденься! Как твой плащ воняет!

Рембрандт уходит. Саския идет за ним.

Флинк

Фабрициус! Я умер! Я убит!
Ведь как она его: и грязь, и запах!
А он-то, он! Нам, грешным, он грубит,
А перед ней стоит на задних лапах.

4

Входят Людвиг Дирк и Баннинг Кук. Навстречу им выходит Саския.

Людвиг

(целуя руку Саскии)

Прелестная!

Саския

Привет вам, милый друг.

Людвиг

(указывая на Кука)

Я нынче к вам привел с собою гостя.

Баннинг Кук

Сударыня, не будь я Баннинг Кук,
Я очень рад, клянусь игрою в кости!
Подобных женщин я еще не знал,
Хотя немало за границей пожил.

Людвиг

Ну-с, чем сегодня наш оригинал
Число своих коллекций приумножил?

Ф л и н к

(указывая на шлем)

Сегодня — шлемом.

Л ю д в и г

Ах, отличный шлем!
Немножко схож с кастрюлей для сосисок.
Так и запишем.

(Вынимает книжку и что-то записывает.)

Ф а б р и ц и у с

Сударь, а зачем
Ведете вы покупок наших список
Так тщательно? Я что-то не пойму.

Л ю д в и г

Я, милый мой, стараюсь для потомства:
Желаю обеспечить и ему
Во всех деталях с гением знакомство.

С а с к и я

Скажите нам: что Рубенс? Он придет?

Л ю д в и г

Он обещал, хоть очень неохотно:
Визитов тьма его вогнала в пот.

Входит переодевшийся Р е м б р а н д т.

Как жизнь, Рембрандт?
Как новые полотна?

Р е м б р а н д т

Забросил всё. Замучили дела,
Да и противно рисовать халтуру.
Вчера на рынке набросал вола...

Людвиг

Ну, что там вол! Вот я привел натуру
Такую, что коль выпустишь из рук,
То после пальцы изгрызешь от злости!

Баннинг Кук

Ах, сударь мой, не будь я Баннинг Кук,
Я очень рад, клянусь игрою в кости!
Я к вам явился предложить заказ
От гильдии стрелков...

Рембрандт

Увы, я занят.

Баннинг Кук

Заказ, который обессмертит вас!

Рембрандт

Увы, меня бессмертие не манит.
Я не могу стрелков иврисовать,
Я увлечен сейчас воловьей тушей.

Людвиг

А зеркало и с пологом кровать
На что ты купишь? Не глупи, послушай.

Баннинг Кук

Подумайте. Не говорите «нет».
Мы хорошо заплатим. Я не жила!

Рембрандт

Нет.

Баннинг Кук

За паршивый групповой портрет
Мы вам дадим по сто флоринов с рыла!

Рембрандт

Благодарю.

Людвиг

А я уж приглядел
Кровать и зеркало.

Саския

Не будь упрямым!

Рембрандт

Я, милая, завален грудой дел!

Людвиг

Какой джентльмен отказывает дамам?

Рембрандт

Я не джентльмен, я мельник [1].

Людвиг

Вот те раз!

Баннинг Кук

На фоне, сударь, этакой портьеры
Получше этак напишите нас —
Собранье благородных офицеров!
Представьте: я в передовом ряду,
Мой лейтенант стоит со мною вместе,
Над нами — знамя! Мне на грудь —
звезду!
Ну, и ему какой-нибудь там крестик.
Чтоб наши девушки сошли с ума,
Взглянув на полотно! Чтоб видно было,

[1] Рембрандт — по происхождению сын мельника.

Что мы бойцы, а не кусок дерьма!..
Вы поняли? По сто флоринов с рыла.

Рембрандт

А если вас, любезный капитан,
Напишет Рубенс?

Баннинг Кук

Поезжай в Антверпен,
А он тебя еще не примет там!

Рембрандт

Садитесь. Отдыхайте. Время терпит.
Я с ним вас познакомлю, бог вояк.

Баннинг Кук

Ну что ж, пожалуй. Если он
без чванства...

Людвиг

Вы нам покуда расскажите, как
Вы заработали свое дворянство.

Баннинг Кук

Комедия, не будь я Баннинг Кук!
Забавный случай, в ребра мне чесотку!
Был у меня один строптивый друг,
И с ним не поделили мы красотку.
Дошло до шпаг. Но этот сукин сын,
Распутник лысый этот, старый мерин,
Вдруг заявил, что я не дворянин
И он со мною драться не намерен.
Я в армию! За шпагу! На коня!
В Испанию, где в это время — свалка.
Испанки так поленьями меня
Отделали, что глянуть было жалко!
Я год потом не мог сидеть в седле.
В Баварии, где чудно пиво гонят,
Я чуть не утонул в пивном котле.

Людвиг

Ну, это трудно: золото не тонет.

Баннинг Кук

Так десять лет прошло. И наконец,
За рыцарство, отвагу, постоянство,
Моих мечтаний пламенных венец —
Я получаю грамоту дворянства.
Тогда я отправляюсь в Амстердам,
Чтоб утолить святую жажду мщенья,
И нахожу... Но это не для дам...
Я впрочем, расскажу, прощу прощенья.
Я спал и видел сны об этом дне:
Теперь, мечтал, проткну я кавалера!
А он сидит, каналья, на судне,
И у него жестокая холера.

Людвиг

А что красотка?

Баннинг Кук

Отдалась ему!

Людвиг

Ваш хитрый друг объехал вас,
медведь мой.

Баннинг Кук

Да, черт возьми! К приезду моему
Красотка эта стала старой ведьмой.

Рембрандт

А ваш приятель?

Баннинг Кук

Умер, как назло!
Под носом умер! Каково?

Рембрандт

Занятно.

Людвиг

Да, не везло вам в жизни.

Баннинг Кук

Не везло.

Слышен стук в дверь.

Саския

Стучится кто-то.

Людвиг

Рубенс, вероятно.

5

Входит Сикс.

Сикс

Привет хозяйке! Баннинг Кук, привет!
Перо на шляпе! Сапоги с раструбом!
И франт же вы!.. А Рубенса все нет!
Нас долго ждать заставит этот Рубенс!
А между тем скажу вам, господа,
Кабы не слава — он и не по мне бы.
Уж это что за живопись, когда
Кухарками он населяет небо!
За что ему такой высокий сан
Пожалован принцессой... [1]

Рембрандт

Вы сердиты,

Мой желчный друг,

[1] Рубенс был придворным художником принцессы Изабеллы.

Бесссмертный вкус нам дан,
Чтоб разглядеть и в прачке Афродиту.
Дар Рубенса слепит, как яркий свет,
Средь живописи сумерек ничтожных.
Мне вспомнился один его ответ.
Так мог ответить лишь большой
художник.

Сикс

Какой, скажите?

Рембрандт

В Лондоне послом
Был Рубенс, помнится, тогда.

Сикс

И что же?

Рембрандт

И там он встретился с одним ослом.

Баннинг Кук

С ослом! Забавно!

Рембрандт

Виноват, с вельможей.

Сикс

Тут — разница!

Рембрандт

Невелика! Сей лорд,
Из самых наичиновных и вельможных,
Пришел, когда гравировал офорт
В своем посольстве молодой художник.

«Искусством забавляется посол?» —
Он уронил с тупым
самодовольством.
«Нет, ваша светлость, —
тот ответ нашел, —
Художник развлекается посольством».

Людвиг

Ответ чего уж лучше! Спору нет!

Банниг Кук

Такие шутки порождают войны!
Я б ноги вырвал за такой ответ!

Сикс

Ответ остер, но это непристойно.

Саския

Такую грубость, милый друг, поверь,
Вельможе слушать было неприятно.

Рембрандт

Мне чудится, иль снова в нашу дверь
Стучится кто-то?

Сикс

Рубенс, вероятно.

6

Входит Бюргер.

Бюргер

Простите, сударь, что тревожу вас
В приятный час веселости невинной.
Я к вам зашел, чтоб получить заказ —
Портрет моей дражайшей половины.

Рембрандт

О, ваш заказ окончил я давно
И, признаюсь, работал с интересом.
Но только тут есть маленькое «но»...

Бюргер

Вы мне польстили, дорогой профессор:
Еще вчера заносчивый юнец
Жену мою назвал ошметком старым...
В чем ваше «но», скажите наконец?
Когда стоите вы за гонораром,
То хоть бумажник мой не очень толст...

Рембрандт

(указывая на Людвига)

Вот мой посредник, с ним и обсудите.

Людвиг

Что ж! Наложите золота на холст,
И сколько ляжет — столько и дадите.
Бюргер вынимает кошель, полный золота,
и кладет на стол.

Бюргер

Позволите взглянуть на полотно?
Не терпится узреть свою овечку.

Рембрандт

(смущенно)

Пожалуйста.

(Подходит к мольберту и снимает с него полотно.)

Но только тут темно.
Фабрициус! Неси живее свечку!

Фабрициус подносит к мольберту свечу. На полотне изображена старая тол-

стая бюргерша и рядом с ней — обезьяна. Все изумленно смотрят на картину. Б ю р г е р отступает.

Бюргер

Создатель, что за дикая мазня?!
Вы это в шутку, сударь, или спьяну?..
Ужасно!

Баннинг Кук

Что касается меня,
То я предпочитаю обезьяну.

Бюргер

Немыслимо! Так вот в чем ваше «но»!
Фи, сколько мерзости в ее гримасе!

Рембрандт

(смущенно)

А я решил, что это полотно
Облагородила моя Шаази.

Б ю р г е р забирает со стола кошель с золотом и прячет его.

Бюргер

Я этого портрета не возьму.
Задаток мне верните.

Людвиг

(сердито)

Привередник!

Рембрандт

(указывая на Людвига)

Зайдите за флоринами к нему,

Он — мой карман с деньгами,
мой посредник.

Бюргер уходит, хлопнув дверью.

7

Людвиг

Чем я платить-то буду? Вот вопрос!

Баннинг Кук

Прекрасно, замечательно, отлично
Мещанишке вы натянули нос!

Сикс

Как это вышло?

Саския

Это неприлично!

Рембрандт

Однажды я в Гольфвегенском порту [1]
Провел в харчевне ночь довольно бурно.
Мой собутыльник с трубкою во рту
Был кривоногий загулявший штурман.
Любил девиц, заблудшая душа,
И в смысле выпить тоже был не квакер,
И наконец, пропившись до гроша,
В харчевне этой стал на мертвый якорь.
Его похмелье мучило. Добряк
Настроен был на диво покаянно,
И за флорин беспутный тот моряк
В тот трудный час мне продал обезьяну.
Она в меня, казалось, влюблена
И превратилась в моего вассала.
Когда я брился — брилась и она,
Когда писал я — и она писала.

[1] Порт и шлюзы в Амстердаме.

И вот он умер, бедный мой зверек,
Моя Шааси, добрая подруга!..

Людвиг

Ты все харчевни вдоль и поперек
Уже прошел. Смотри, сопьешься с круга!

Сикс

Вы, мой Рембрандт, способный человек.
Ваш ум остер и чувство ваше тонко,
Но можно ль оставаться целый век
Таким вот... мягко говоря, ребенком?

Людвиг

Меня ты режешь прямо без ножа,
Я разорюсь с тобою.

Сикс

Ну, на что вы
Волнуете почтенных горожан,
Что в гении вас записать готовы?
Вы молоды, кровь ваша горяча,
Я понимаю вас, я сам — писатель.
Но не рубите вы, чудак, сплеча!

Баннинг Кук

И на ветер заказы не бросайте!

Людвиг

Вот это правда!

Сикс

И поверьте мне:
Пожнет пожар, кто в стог заронит искру,
Мне неудобно из-за вас вдвойне:
Как другу вашему и бургомистру,
Ведь голос общества...

Рембрандт

Что ж голос тот,
Мой друг, нашептывает вам болтливо?

Сикс

Что вы жуир, что вы немножко мот.
И это все, к несчастью, справедливо.
Закон следит за вами каждый час!
Намедни мне докладывает пристав,
Что он в ночлежках замечает вас,
Муж дочери почтенного юриста.
Муж Саскии ван Эйленбург. Что вы
На Каттенбурге[1] шляетесь, подвыпив,
И, позабыв о голосе молвы,
Рисуете каких-то грязных типов.
Хотите слышать мнение мое?
И вас и Саскию все это губит.
Скажите мне, вы любите ее —
Супругу вашу?

Саския

Он меня не любит!

Рембрандт

(бросается к ней)

Клянусь — люблю! Одной тобой полно
Все это сердце!

(Обращается к Сиксу.)

Прекратите споры!

(Подходит к столу, уставленному едой и винами.)

Ну, Банвинг Кук, давайте пить вино,
Не хмурься, Людвиг! Мы своротим горы!

(Наливает в бокал вина.)

---

[1] Один из островов Амстердама, где расположены были торговые склады.

В бокал хрустальный нежно-голубой
Налитая, пусть эта влага пляшет!..

(Саския сильно кашляет.)

Скажи, моя голубка, что с тобой?

Саския

Пустое: кашель.

Рембрандт

Снова этот кашель!
Поди ко мне. На грудь мою приляг!
Хлебни глоток из моего бокала,
Сядь на руки ко мне. Черт знает — как
Твое колье на шее засверкало!

(Усаживает ее на колени.)

Я нарисую так тебя. Стократ
Прелестней ты с воздетой к небу чашей!

Саския

(вырываясь)

Оставь меня! Пусти меня, Рембрандт,
С твоих колен! Что скажут гости наши?

Рембрандт

Не отпущу! Пусть слышит целый мир,
Как пиршества ночного грянут трубы!
Сикс! Улыбнитесь, и начнемте пир,
Пир сына блудного!

Сикс

А как же Рубенс?

Баннинг Кук

Видать, не по нему наш скромный круг.
Друзья мои, не ожидайте, бросьте!
Такой гордец, не будь я Баннинг Кук,
К нам не придет, клянусь игрою в кости!

КАРТИНА ВТОРАЯ

ГЕЗ И ПРИНЦ

I

Мастерская Рембрандта. У окна стол и кресло. Мольберт с завешенной картиной. На стенах палитры. Висит картина Ван-Дейка. В углу бюст Гомера. На столе модель фрегата. Дверь в комнату закрыта портьерой. Мортейра сидит в кресле. Рембрандт стоит у окна.

Рембрандт

Почтенный реб Мортейра! Я затем,
Не пощадив больные ваши ноги,
Зазвал к себе вас, чтоб дознаться: с кем
На Бреедстратен[1] возле синагоги
В четверг прошедший я заметил вас?

Мортейра

В четверг, вы говорите? Я не помню.

Рембрандт

Красивый мальчик. Он гранил алмаз
У домика, где вход в каменоломню.
Блондин с глазами аспида серей
И с нежным ртом, как маленькая роза.

Мортейра

А, вспомнил! Этот молодой еврей —
Мой ученик, мой мальчик, мой Спиноза.
Ему от бога многое дано!

Рембрандт

Вы знаете, какая мысль мелькнула
В моем уме! Я собрался давно
Писать безумного царя Саула.

[1] Еврейский квартал в Амстердаме.

Натурой для Саула служит мне
Маньяк один, благообразный с вида.
Чтоб развернуться в этом полотне,
Мне не хватает лишь царя Давида...

Мортейра

Я понял вас. Конечно, лучше всех
Спиноза мой Давида вам сыграет,
Когда ему не вменят это в грех
Фанатик наш Манассе бен-Израиль.
«Кумира, — скажет он, — не сотвори!»
Но Барух не в ладах с вероученьем,
Скажу вам по секрету: раза три
Ему уже грозили отлученьем.
Он страшно непокладист, мой юнец!
Я попрошу его.

Рембрандт

Просите очень!

Мортейра

(встает)

Ну, я пойду! Я истомлен вконец
Событьями тревожной этой ночи.

Рембрандт

(глядит в окно)

Пушкарь идет. Вот кто расскажет нам,
Какую принц сыграть задумал шутку [1].

(Кричит в окно.)

Ты с форта Вепп?

Голос с улицы.

---

[1] При жизни Рембрандта принц Вильгельм II пытался обманом захватить Амстердам, но был отбит.

Всю ночь дежурил там,
Домой спешу.

Рембрандт

Зайди-ка на минутку!

2

Мортейра садится, входит пушкарь.

Пушкарь

Ну, разве на минутку, господа!
Не выспался, не ел, жену не видел.

Рембрандт

Проголодался? Это не беда!
Сейчас устроим завтрак в лучшем виде.
Сосиски есть, яичницу подам,
Пивка прикажем нацедить в подвале.
А ты нам расскажи, как Амстердам
Вы, пушкари, от принца отстояли.

(Кричит.)

Фабрициус!

Молчание.

Пушкарь

Заспался, сатана!

Рембрандт

Флинк!

Молчание.

Пушкарь

Тоже дрыхнет!.. Вечером вчерашним
Смазливая служаночка одна
Явилась к нам в сторожевую башню.

Ну, мы, понятно, бросили вино,
Забыли кости и решили было
Ее пощупать, как заведено.
Но тут девчонка эта нам открыла,
Что принц Оранский, неусыпный страж
Свободы нашей [1], грузит на телеги
Своих солдат, чтоб вольный город наш
Лишить его старинных привилегий,
Что он к нам подойдет в ночную тьму,
Что, словно Каин, предающий брата,
Пароль и отзыв выдали ему
Тузы из армии и магистрата.
Тогда мы запалили фитили,
Штыки проверяли, как говорится,
И, не шумя, у пушек прилегли,
Готовые достойно встретить принца.
Боясь измены, не сказали мы
И ни словечка Сиксу или Куку.

Рембрандт

Не миновать бы вам, орлы, тюрьмы,
Когда б им кто шепнул про эту штуку!

Пушкарь

Мы так и думали. Глядим: как волк,
Бряцая медью копий для острастки,
Крадется рейтарский особый полк,
И впереди — вельможный принц Оранский.
Здесь для начала наш дозорный пост
Их обстрелял.

Рембрандт

И поделом: не суйся!

Пушкарь

Потом поднялся наш висячий мост
И громыхнули пушки Нисверслуйса [2].

---

[1] Принц Оранский был штатгальтером Соединенных Нидерландов.
[2] Форт Амстердамской крепости.

Не стал протестовать высокий гость,
Откланялся и повернул обратно.
Лишь со скабрезной ручкой в поле трость
Нашли мы утром.

Рембрандт

Принца, вероятно.

Пушкарь

Отчаянной пальбы услышав звук,
В одном белье, с дежурной полуротой
На башню к нам явился Баннинг Кук
И грозно приказал открыть ворота.
Он заорал, но тут, не обессудь,
Братва его послушалась не шибко:
Ребята взяли дурака за грудь
И объяснили — в чем его ошибка.
Как изменился он!

Рембрандт

Смешная роль!

Пушкарь

На что смешнее! Вспомнишь —
хохот душит!
Он проворчал, что принц ведь знал пароль,
Но иноземец велел стрелять из пушек.
Он опоздал с приказом этим: тот
И так немало получил гостинцев.
Кук всякий раз хватался за живот,
Когда ядро летело в войско принца.

Тихо отворяется дверь, и входит доктор Тюльп. Прислушавшись к разговору, становится за портьеру и подслушивает.

Приехал Сикс. На башне у перил
Он долго в трубочку смотрел невинно.
Он очень пушкарей благодарил,
Но почему-то с крайне кислой миной.

Наш бургомнстр, казалось, был бы рад,
Когда б врага впустнлн мы без звука.

Рембрандт

Да, Сикс — лнса! Он тонкнй бюрократ!
Его накрыть куда трудней, чем Кука:
Он тут соврет, а там подпустнт лесть...

Мортейра

А что ж служанка?

Пушкарь

Канула как в воду!..
Да ты, Рембрандт, хотел мне дать поесть.
Я даром, что ль, сражался за свободу?

Рембрандт

(кричнт)

Эй, Флннк! Фабрнцнус!.. Всегда заснут!

3

Входит Хендрнке. Увидев пушкаря, отворачнвается. Тот внимательно в нее всматрнвается.

Хендрнке

Их нет, хозяин.

Рембрандт

А коль нет, так жнво
Распорядись, чтоб через пять мннут
Стоялн тут янчница н пнво.

Хендрнке кланяется н уходит.

Пред Хендрике пасуют повара!

Пушкарь

Девчонка эта — из твоих домашних?

Рембрандт

Да.

Пушкарь

Это та служанка, что вчера
Явилась к нам в сторожевую башню!

Рембрандт

(прикладывает палец к губам)

Тсс. Тише, друг! Заткни-ка лучше рот
И не вертись: испачкаешься краской.

Пушкарь

(тихо)

Так это ты предупредил народ,
Что замышляет злое принц Оранский?

Рембрандт

А хоть бы я? О том, что принц кружит
Под городом, успел проговориться
Мне Банвинг Кук спьяна. А *я* — мужик
И не особенный поклонник принцев.

Пушкарь

(задумчиво)

Так. Понял все. Одно мне невдомек:
Ведь Молчаливый [1], предок благородный,
В роду у принца. Как он, дьявол, мог
Подняться против вольности народной?

[1] Вильгельм Оранский [1], прозванный Молчаливым, — предводитель гезов в их освободительной борьбе против Испании.

Мортейра

Друг, вы наивны! Принцы каждый раз
Теряют память о высоком прошлом,
Когда им биржа отдает приказ
Купцов избавить от высоких пошлин.

Пушкарь

Что ж дальше будет?

Мортейра

Нападенье он
Ошибкой объяснит. Влетит солдатам.
Наш магистрат, чтоб соблюсти закон,
Напишет ноту Генеральным штатам[1].
Для вида Штаты принца пожурят,
Но, как рука прожорливой утробе,
Он нужен им, чтоб красть чужих курят.

Рембрандт

А будь по мне, так я отсек бы обе!
Пускай отсохнет черная рука,
Что нищего на перекрестке грабит!

Мортейра

Когда-нибудь отсохнет. А пока...

Рембрандт

Смотрю на вас — и удивляюсь, рабби!
Ваш ум, как шпага, светел и остер!
Восстаньте против волчьего закона!..

Мортейра

В моих глазах еще горит костер
На площади высокой Лиссабона.

---

[1] Правящее учреждение Соединенных Нидерландов.

Я стар. Я робок. Чтоб друзьям помочь,
Нужна отвага, может быть, — жестокость.
А у меня, признаюсь, а эту ночь,
Как кастаньеты, кость стучала о кость.
Пусть каждый поднимает что горазд:
Я в почву добрую посеял грезы,
И я надеюсь: мы еще не раз
Услышим имя Баруха Спинозы.

Рембрандт

Что ж! Мудрый филин — проводник зари.
Придет пора, и мы в набат ударим:
Матросы, пивовары, пушкари,
Ремесленники...

4

Хендрике вносит поднос с завтраком. Замечает подслушивающего доктора Тюльпа и, как будто нечаянно, толкает его подносом. Яичница и пиво падают на Тюльпа.

Хендрике

Извините, барин!

(Убегает.)

Рембрандт

(в гневе подходит к доктору Тюльпу)

Вы слушали?! Ах да: ведь он ваш зять —
Наш бургомистр!..

Доктор Тюльп

(вытирая платком камзол)

Не для того, поверьте,
Я к вам пришел. Я должен вам сказать,
Что Саския стоит у двери смерти.

Пораженный, Рембрандт отступает.

Рембрандт

Как, сударь?

Доктор Тюльп

(зло)

Вы замучили ее,
И, как свеча, она от горя тухнет.
Здесь ни к чему все знание мое,
Все специи моей латинской кухни.

Входит Людвиг.

Рембрандт

Я поражен... Что делать мне, друзья?..

Доктор Тюльп

Ее леченья дам подробный план я:
Не волновать. Позировать нельзя.
Беречь ее.

Людвиг

(в тон доктору Тюльпу)

Все исполнять желанья.

Доктор Тюльп

Профессоров консилиум сейчас
Созвать к больной.

Рембрандт

(в отчаянии)

Здесь денег нужно море!
А где их сразу взять?

Пушкарь

(к Мортейре)

Тут не до нас.
Пойдем, старик. У человека — горе.

Никем не замеченные уходят.

Рембрандт

(смотрит на модель фрегата)

Модель продать?

Людвиг

Нет, слишком хороша!

Рембрандт подходит к картине Ван-Дейка.

Рембрандт

Спустить Ван-Дейка?

Людвиг

Жалко: это память.

Рембрандт

(берет в руки бюст Гомера)

Бюст заложить!

Людвиг

Не стоит ни гроша
Твой бюст — дешевка, говоря меж нами!

Рембрандт

Ты — мой карман!

Людвиг

Благодарю за честь.

Рембрандт

Флоринов, Людвиг! Денег, Людвиг, денег!
Спаси меня! Есть деньги?

Людвиг

(вынимает из кармана мелкую монету)

Деньги есть:
Один серебряный немецкий пфенниг.
Берешь?

Рембрандт

Ты издеваешься, дурак!

Людвиг

Я не держу наследства под периной.

Рембрандт

Займи мне, друг!

Людвиг

Ты задолжал и так
Двенадцать тысяч золотых флоринов.

Рембрандт

Еще займи!

Людвиг

Нет денег.

Рембрандт

Задуши,
Зарежь, но дай!
Ведь не о бабьих фижмах,
О жизни речь!

Людвиг

(вынимает из кармана расписку)

Расписку подпиши.

Рембрандт, не глядя, подписывает.

Ну, понатужусь. Может, что и выжму.

Людвиг с доктором Тюльпом уходят. Рембрандт садится и глубоко задумывается.

5

Входит Саския в домашнем платье и чепце. Очень бледна, слаба. Идет, держась за стены.

Саския

Я вижу, милый, ты неисправим:
Кто был тут?

Рембрандт

Тюльп и Людвиг.

Саския

А вначале?

Рембрандт

Один — артиллерист, другой — раввин.

Саския

Ты все с подонками. Как вы кричали!
А я и не вздремнула в эту ночь
Под адский грохот пушек Нисверслуйса.

Рембрандт

(усаживает ее в кресло)

Любимая, позволь тебе помочь.
Ты нездорова. Лучше не волнуйся.

Саския

Мне непонятно: что тебя влечет
К ночлежке, к рынку, к улице, к таверне?

Людей из общества — наперечет
В твоем кругу: всё больше грязной черни.

Рембрандт

Натуру в них ищу я, может быть,
А может — совесть. Я тебя обидел?
Я, например, не в силах позабыть
Ту карлицу, что в желтом доме видел.
Стояла тьма. Лишь печь была светла.
В ней уголья пощелкивали сухо.
Открылась дверь, и в горницу вошла
Полуребенок и полустаруха.
На поясе ее висел петух,
Халат оранжевый иль одеяло
Влеклось за ней. Казалось, мир потух, —
Так в отблеске огня оно сияло!
Я в первый холст решил ее вписать...
Тебе удобно?

Саския

Да и нет. Не знаю.

Рембрандт

Укрой колени. Посвободней сядь.
Тебе понравилась моя «Даная»? [1]

Саския

Ты не польстил мне там. Я б как-нибудь
Иначе быть написана хотела:
В «Данае» у меня пустая грудь,
Зеленое расплывшееся тело.

Рембрандт

Ты и такой мила мне, жизнь моя, —
С морщинками гусиных этих лапок.
Ужели ты хотела б, чтобы я
Намалевал тебя средь модных тряпок?

---

[1] «Данаю» Рембрандт писал с Саскии.

Когда б я так исполнил твой заказ,
То оскорбил бы страсть и вдохновенье...

(Вглядывается в Саскию.)

Я уголки не дописал у глаз!
Подвинься к свету на одно мгновенье.

(Снимает с мольберта закрывающее его полотно, садится, берет кисть, начинает писать.)

Тут надо глубже тень. Тут ярче свет.
Здесь глуше тон, а здесь
чуть-чуть цветистей...
Ты дремлешь?

Саския

Да.

Рембрандт

Ты не устала?

Саския

Нет.

Рембрандт вытирает кисть о скатерть.

Опять о скатерть вытираешь кисти?
Я целый год другой тебе не дам!

Рембрандт

Прости, родная: скверная привычка.

Саския

Как скучен этот грязный Амстердам,
Колоколов глухая перекличка,
Да мутные каналы, да туман,
Да черепица крыш, да кафель белый...

Счастливица Елена Фоурман[1]
Там, при дворе принцессы Изабеллы, —
Галантная любовь, театр, пиры,
Дворянские короны на жилищах...

Р е м б р а н д т

А знаешь ты, что две мои сестры
Попали в лейденский «Синодик нищих»?[2]

С а с к и я

Ах, бедные... Вот если б Амстердам
Сегодня ночью занял принц Оранский.

Р е м б р а н д т
(удивленно)

А что б тогда?

С а с к и я

Он перенес бы к нам
Жантильный дух учтивости испанской.

Р е м б р а н д т

Ты вот о чем!

С а с к и я
(мечтательно)

Изысканных господ
Какой цветник пестрел бы
в свите принца!..
Ты что ворчишь?

Р е м б р а н д т

Избави нас господь, —
Я говорю, — от этого зверинца.

[1] Жена Рубенса.
[2] Список беднейших граждан города.

Саския

(не слушая его)

Наверное, у дам и у мужчин
Жабо теперь обшито шелком черным...
Тебе Вильгельм пожаловал бы чин,
Назначил бы художником придворным,
Ты б написал его парадный въезд:
Чернь рукоплещет!..

Рембрандт

(насмешливо)

Или громко свищет.
Нет, я от принца ни чинов, ни мест
Не принял бы: я живописец нищих.

Саския

Фи, не груби. Тогда твоя жена,
Как Фоурман, блистать бы стала всюду.

Рембрандт

Я, правда, позабыл, что ты больна.

Саския

Ты так нечуток!

Рембрандт

Продолжай, не буду.

Саския

Я думаю: какой продавший честь
Клейменый каторжник, забывший совесть,
Сторожевым о принце мог донесть?

Рембрандт

А вдруг бы я сказал им эту новость?

Саския

Тебе, понятно, это все равно,
Но я считала бы,
что ты — предатель!

Рембрандт встает, отбрасывает кисть, подходит к окну.

Рембрандт

А если бы я распахнул окно
И крикнул всем: сукоищикам, солдатам,
Часовщикам, ткачам и пастухам,
Страну свою построившим на сваях,
Что хочет растоптать венчанный хам
Все то святое,
чем душа жива их?

Саския

Он, как сапожник, на меня орет!
Ты, видно, пьян?

Рембрандт

Я с грубостями свыкся!
Как думаешь: кого бы весь народ
Назвал предателем — меня иль Сикса?
Кого б тогда браслетами оков
Украсил он и закидал навозом?

Саския

Мне безразлично мненье мужиков:
Я — бюргерша!

Рембрандт

А я — потомок гезов!
Я б сплел для бар, — возьми их
всех чума, —
Пеньковый галстук,
добрую петлю, бишь!

Саския

(плача)

Ты груб, ты варвар, ты сошел с ума, —
Ты бессердечен, ты меня не любишь!

6

Входит пастор.

Пастор

Воззри, господь, на этот мирный дом.
В нем обитающие да спасутся!

Рембрандт

Кто вы такой и что вам нужно в нем?

Пастор

Смиренный раб из «Общества Иисуса».

Рембрандт

Хочу я лучше знать своих гостей
И в них стараюсь пристальней вглядеться:
Из общества Иисуса на кресте
Или из общества Христа-младенца?

Пастор

(удивленно)

Не все ль равно?

Рембрандт

Я разницу готов
Вам объяснить и справкой быть полезен:
Иисус родился в обществе скотов,
А умер в обществе головорезов.

Пастор

Кощунствуешь, мой сын!

Саския

Святой отец!
На неразумного свой гнев умерьте!

(К Рембрандту.)

Я умирвю! Близок мой конец,
И он меня приготовляет к смерти.

Рембрандт

(волнуясь)

Молчи о смерти! Ведь за каждый миг
Твоих страдаиий я бы трижды умер!

(К пастору.)

Подите вон отсюда, злой старик!

Пвстор

Прости тебя создатель! Ты безумен.

(Уходит.)

7

Рембрандт подходит к Саскии.

Рембрандт

Звезда моя! Любовь моя! Прости!
Я снова позабыл, что ты больная.
Отныне сердце я сожму в горсти
И буду кроток!

Саския

Я тебя не знаю!
Ты пастора прогнал.

Рембрандт

Слащавый пес!

Саския

Не богохульствуй! Без того мне жутко!
Ты об Оранском пушкарям донес!

Рембрандт

Не доносил! Клянусь, что это — шутка!

Саския

Ты скуп! Ты отказался мне купить
Кровать и зеркало! Теперь я знаю,
Что всех твоих дурных поступков нить
Приводит к Хендрике!

Рембрандт

(обнимая ее)

Куплю, родная!
Мне кажется, я стал бы воровать,
Чтоб подарить своей прекрасной даме
И с бирюзовым пологом кровать,
И зеркало в красивой черной раме!

Входит Людвиг.

Людвиг

Ну, вот и я. С деньгами худо, брат:
Я их наскреб не много.

Рембрандт

Буду краток:
Я напишу тебе твоих солдат.
Увидишь Кука, — пусть несет задаток.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

«НОЧНОЙ ДОЗОР»

1

Комната первой картины. Посредине на мольберте картина «Ночной дозор»[1]. Рембрандт кладет на нее последние мазки. Флинк смотрит.

Рембрандт

Еще коснусь кобальтом этих лент,
Чтоб выглядели банты серебристей, —
И все.

Флинк

Какой торжественный момент,
Когда последние удары кисти
По прихоти своей, как некий бог,
Кладет на холст искуснейший художник!

Рембрандт

Не лучше он, чем тот, когда сапог
Несет на полку, сшив его, сапожник.

Флинк

Груба, сдается вашему слуге,
Такая параллель, скажу открыто.

Рембрандт

Умей увидеть и на сапоге
Божественный румянец колорита.
Как ты нашел, скажи не лебезя,
«Ночной дозор»?

---

[1] Групповой портрет офицеров корпорации стрелков. На нем среди беспорядочной толпы стрелков изображена карлица.

Флинк

Позвольте вас поздравить!
Так нравится, что и сказать нельзя!

Рембрандт

Ведь вот беда: придется, значит, править!

Открывается дверь, и в комнату заглядывает продавец красок.
Рембрандт обращается к нему.

А, старина! Ты что ж просунул нос,
А не войдешь?

Продавец красок

Простите ради бога!
Я киноварь и зелень вам принес,
Французской синей раздобыл немного.

Рембрандт

О, и французской!

Продавец красок

Вы довольны?

Рембрандт

Да.

(Берет палитру.)

Сейчас мы ею на палитру брызнем.
Попробуем ее. Тащи сюда
Все краски юности, все краски жизни!

(Указывает на картину.)

Как по тебе: удачен этот холст?

Продавец красок рассматривает картину.

Продавец красок

Тут следует немножко тронуть алой,
А этот меч, пожалуй, слишком толст.

Рембрандт

Толст, говоришь? Посмотрим. Да, пожалуй.

Берет кисть, исправляет указанные недостатки. Флник пожимает плечами и уходит. Входит Хендрике. Рембрандт тщательно завешивает картину. Обращается к Хендрике.

Я к Саскии схожу. Когда придут
Рубаки эти, эти выпивохи,
Ты, Хендрике, будь непременно тут.

Продавец красок

А как дела супруги вашей?

Рембрандт

Плохи!

Уходит вместе с продавцом красок.

2

Хендрике вытирает мебель. Входит Баннинг Кук.

Баннинг Кук

Итак, сегодня свой «Ночной дозор»
Рембрандт покажет нам. Он дома?

Хендрике

Вышел.

Баннинг Кук

(осматривая ее)

Что за фигура! Что за чудный взор!
Ты у него служаночка, я слышал?

Хендрике

Стряпуха я.

Баннинг Кук

Как этот ротик ал!
Как эта ножка грациозна, боже!
Подобных женщин я еще не знал,
Хотя немало за границей пожил!

(Хочет обнять Хендрике.)

Ну, поцелуй меня, душа моя,
Бутончик, пышка, розанчик!

Хендрике

(увертываясь)

Не троньте!

Баннинг Кук

Ты, видно, недотрога. Ну, да я
И не таких обламывал на фронте!

(Вынимает монету.)

Вот, видишь гульден, девушка? Позволь, —
Его я спрячу за твоим корсажем.

(Снова хочет обнять Хендрике,
но та опять вырывается.)

Хендрике

Подите прочь!

Баннинг Кук

Да ты святая, что ль?
И ущипнуть не позволяет даже!

(Снова подходит к ней.)

Ты спуталась с Рембрандтом, я слыхал?
Он не дурак! Подобная фигура
Сулит такое счастье!..

(Вновь пытается обнять Хендрике,
та дает ему пощечину.)

Хендрике

Вы нахал!

Ступайте вон!

Баннинг Кук

А, ты дерешься, дура?!

Так я ж тебя!

Хендрике

Уйдите, шарлатан,
Не то я вам еще прибавлю малость!

3

Входит Сикс, в изумлении останавливается. Хендрике убегает.

Сикс

Я вижу, вас колотят, капитан?

Баннинг Кук

(смущенно)

Любезный Сикс! Вам это показалось!

(Оправляясь)

Затронь меня какой-нибудь нахал!..
Какие сны нелепые вам снятся!
Я просто поскользнулся и упал,
Служанка же мне помогла подняться.
Я б из нее не за удар — за звук
Котлету сделал, не жалея трости!

(Гордо.)

Еще никто, не будь я Баннинг Кук,
Не бил меня, клянусь игрою в кости!

Оба усаживаются в кресла.

С и к с

Что слышно?

Б а н н и н г К у к

Выучили назубок
Приветствие Рембрандту офицеры!

С и к с

Не рано ли? Блестящ, но неглубок
Талант Рембрандта. Он не знает меры.

Б а н н и н г К у к

(подозрительно)

Вы видели картину?

С и к с

Да, видал.
И мне за вас, признаться, стало стыдно.

Б а н н и н г К у к

(волнуясь)

А что: скандал?

С и к с

Не то чтобы скандал,
Но уваженья к армии не видно.
Посередине черного холста
Весьма небрежно намалеван кто-то
В нелепой позе, длинный, как глиста,
С лицом простите, полуидиота.

Баннинг Кук

(испуганно)

Не я ли, черт возьми?

Сикс

Как будто вы,
А впрочем, мне могло и показаться.

Баннинг Кук

Жаль, я не слушал голоса молвы!
Чего и ждать от этого мерзавца?

Сикс

От вас налево изображена
Уродливая шлюха иль сводня,
И кажется, что вот сейчас она
Вас за ноги потащит в преисподню.
На поясе ее висит петух...

Баннинг Кук

Петух?!

Сикс

Петух, — не больше и не меньше!
В такую мог бы втрескаться пастух,
И то лишь тот, что год не видел женщин.
Хотя б красавица, а то — урод!
Вам всем она, ну, разве по колена!

Баннинг Кук

Канальство! Что подумает народ?
Что скажут девушки? Да тут измена!

Сикс

А компоновка!

Баннинг Кук

Я аелел подряд
Нас всех построить. Что же компоновка?

Сикс

Не то чтоб, скажем, смотр или парад,
А прямо свалка, прямо потасовка!

Баннинг Кук встает и смотрит на часы.

Баннинг Кук

Теперь четыре только. До пяти
Я сбегаю в казарму и обратно.
Послушайте: сюда должны прийти
Мои ослы с приветствием Рембрандту.
Я умоляю вас не уходить,
И если я не встречу их, — как друга,
Прошу строжайше их предупредить,
Что тут нужны не похвалы, а ругань.

(Уходит)

Сикс

(вставая)

Да, надобно их встретить как-нибудь
И предварить, пока Рембрандта нету.

4

Входит Рембрандт.

Рембрандт

Кровавый кашель разбивает грудь
У Саскии.

Сикс

(небрежно)

Простуда, верно, это...
Держите выше голову в беде!
Врачам не верьте! Их слова — химеры!

(Беспокойно выглядывает в окно,
идет к двери.)

Мне надо показаться кое-где.
Я вмиг вернусь.

Уходит в одну дверь. В это время в другую, маршируя, входят четырнадцать офицеров корпорации стрелков под командой лейтенанта.

Рембрандт

А вот и офицеры!
Ну, значит, все, кто приглашен, сошлись.
А где ж почтенный Кук, вояка жирный?

Лейтенант

Ать-два! Ать-два! Равняйся! Становись!
В шеренгу стройся! Офицеры, смирно!

Стрелки выстраиваются в шеренгу перед завешенной картиной.

(Обращается к Рембрандту.)

Он должен был в казарму к нам зайти
И привести стрелков на этот праздник,
Но, видимо, в харчевню по пути
Забрался горло промочить проказник
И там застрял. Да это ничего!
Я как дежурный по полкам и ротам,
Сам открываю наше торжество.
Приветствие разучено по нотам!
Извольте слушать, господин Рембрандт.

(Поворачивается к стрелкам.)

Стрелки, внимание! Деккер, не картавить!

(Дирижирует.)

Стрелки

(хором)

Прекрасная! Картина! Лейтенант!
Позвольте! Нам! Художника! Поздравить!

Рембрандт

Но он еще завешен, ваш портрет,
Вы восторгались, так сказать, заочно.
Вы видели картину?

Стрелки

Никак нет!

Рембрандт

И вам она понравилась?

Стрелки

Так точно!

5

Рембрандт подходит к картине и открывает ее. Все толпятся вокруг. Вбегает Баннинг Кук.

Баннинг Кук

(к лейтенанту)

А я бежал за вами по пятам!
Вас Сикс предупредил хоть на словах-то?

Лейтенант

Действительно, картина, капитан,
Божественна!

Баннинг Кук

Семь суток гауптвахты!

Лейтенант

Но вы велели нам хвалить ее
И живописца что есть мочи славить
За этот холст...

Баннинг Кук

На сутки под ружье!
Стрелки, молчать! Приветствие отставить!

Рембрандт

Что это с вами приключилось, кум?
Чего вы вдруг взъерошили щетину?

Баннинг Кук

Прошу полегче, господин пачкун!
Вы написали мерзкую картину!

Рембрандт

Да ну?

Баннинг Кук

Чтоб так изобразить меня,
Как тут я вышел, надо быть невежей!

Рембрандт

Тут непохож всего один синяк,
Да ведь и он у вас как будто свежий.

Первый стрелок

Здесь у Клааса — сено в бороде!

Второй стрелок

А Ян — кривой!

Рембрандт

Вам на нос села муха!

Входят Флинк и Фабрициус.

Баннинг Кук

Где пышность тут? Я спрашиваю, где
Субординация? А потаскуха,

Что семенит, кривляясь, между ног
Растерянных уродов в этой куче?
Ужели б честный офицер не мог
Себе найти красавицу получше?
А колорит? Да это же конфуз!

Флинк

Да, колоритец черноват, учитель.

Рембрандт

В картине есть и несомненный плюс.

Баннинг Кук

Какой?

Рембрандт

А тот, что вы на ней молчите.

Лейтенант

Нет, я тут, честно говоря, не франт!
Мои манжеты словно из муслина,
А не из шелка.

Баннинг Кук

Браво, лейтенант!
Хоть под конец ты вспомнил дисциплину!

(К Рембрандту.)

Картина ваша, сударь, клевета
На армию, чей стяг в боях прославлен.
Я думаю, что это неспроста,
И я вопрос, где надобно, поставлю!
Пускай рассмотрят ваш «Ночной дозор»
И сделают необходимый вывод.

(К стрелкам.)

Позор ему, стрелки!

Стрелки

(хором)

Позор! Позор!

Рембрандт

(к Баннингу Куку, указывая на стрелков)

Пусть эти безнадежны, ну, а вы вот
Скажите: что от прямоты войны
У вас осталось? Проданные шпаги?
Широкие атласные штаны?
Воротники из золотой бумаги?

Входит Сикс и вслушивается в речь Рембрандта.

Нет, Баннинг Кук! Кому-кому, а вам
Корить меня предательством негоже!
Хотите знать, какими я бы сам
Вас написал, чтоб были вы похожи?
Оранскому несущими ключи
От города...

Баннинг Кук

Ни слова!

Рембрандт

На коленях
Перед его высочеством...

Баннинг Кук

Молчи!

Рембрандт

Берущими от принца бочку денег!
Прохвостами без чести и стыда,
Торгующими родиной украдкой...

Выступает Сикс.

Сикс

Вы расшумелись. Тише, господа.
Как бургомистр, я требую порядка.

Рембрандт отходит от стрелков и подходит к Сиксу.

Рембрандт

В штыки встречает бедный мой талант
Толпа вояк, до этого немая.
Что с ними?

Сикс

Право, господин Рембрандт,
Я их решительно не понимаю.

6

Входит Людвиг.

Людвиг

Я, видно, опоздал на торжество?

Баннинг Кук
(яростно)

Пускай пираты вздернут вас на стеньгу,
Мошенник вы, за это сватовство!
Давайте нам обратно наши деньги!

Людвиг

(испуганно)

Но что случилось, именем Христа?

Баннинг Кук

То, жулик вы от головы до пяток,
Что этого бездарного холста
Мы не возьмем! Верните нам задаток!

Людвиг

Холст неудачен? Ну и чудаки!
Сейчас и взбеленились! Так и пышут!
Любезный Кук! Да это пустяки!
Рембрандт его вторично перепишет.

(К Рембрандту.)

Неправда ли?

Рембрандт

Нет, не перепишу.
Как пес хвостом, я кистью не виляю.

Людвиг

Ну, не дури! Ведь я тебя прошу!

Рембрандт

И не проси.

Людвиг

Рембрандт, я умоляю!
Ну, согласись! Не будь упрямцем, брат!
Сам посуди: не выложить на стол же
Флорины им? Одумайся, Рембрандт!
Не будем ссориться. Ведь ты мне должен.

Рембрандт

Торгуй сельдями, в бочке их соля:
Не продаются кисть, перо и лира.

Людвиг

(кричит)

Тогда я взыскиваю векселя
И без штанов пущу тебя по миру!

Рембрандт

Я знал, что это у тебя в уме,
И ожидал уловки самой низкой.

Людвиг

Ты насидишься в долговой тюрьме!
(Вынимает из кармана расписку Рембрандта.)
Не забывайся! Вот твоя расписка!

К нему подходит Сикс, берет его под руку, отводит в сторону.

Сикс

(тихо)

Остепенитесь. Кто же так орет?
«Штаны»... «Тюрьма»... Что за язык
суконный?
Тут надо делу дать законный ход.
Вы понимаете меня? За-кон-ный.

Вместе уходят.

7

К Рембрандту подходит Флинк.

Флинк

Учитель мой, я был у Тюльпа. Он
Рекомендует мне начать леченье.

Рембрандт

Ты что, объелся?

Флинк

Нет, но принужден
У вас на время прекратить ученье.

Рембрандт

Куда ты гнешь, я что-то не пойму?

Флинк

(бормочет)

Деньжонок мало... слабое здоровье...
Письмо от папеньки.... У вас в дому
И я, представьте, начал кашлять кровью...
Увы, я вынужден покинуть вас...
Не прогневитесь, умоляю слезно...

Рембрандт

Ах, ты бежишь? Ну, что же:
в добрый час!
Беги сынок, беги, пока не поздно!
Мы — разные...

Флинк уходит.

Рембрандт

(к Фабрициусу)

А ты-то что молчишь?
Ведь и тебя, наверно, ужас гонит?
Спасайся вплавь, как судовая мышь
Спасается, когда фрегат затонет.
Ты тоже болен? Говори же! Ну?

Фабрициус

Я не уйду, хозяин. Я без лести.
Как ракушка, приставшая ко дну,
Я затону с моим фрегатом вместе.

С криком вбегает Хендрикье.

Рембрандт

(к ней)

А ты зачем врываешься, крича?
И без того собранье наше бурно.
Чего тебе?

Хендрике

(кричит)

Врача сюда, врача!
Скорей врача! Хозяйке очень дурно!

Рембрандт убегает из комнаты.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

ЗЕМЛЯ УЦ[1]

1

Мастерская Рембрандта. Хендрике стирает белье.
Входит пастор.

Хендрике

Благословите, пастор!

Пастор

(благословляя)

Я, сестра,
Пришел потолковать с тобой и с мужем.

Хендрике

С хозяином? А он еще с утра
Ушел из дому.

Пастор

Жалко. Он мне нужен.

---

[1] «Жил человек в земле Уц, имя же ему — Иов» (Начало книги Иова в Библии).

Хендрике

Я все, что вы велите, передам
Рембрандту, пастор. Я его служанка.

Пастор

Не лги, дитя. Ведь целый Амстердам
Твердит, что ты — Рембрандта содержанка.

Хендрике

На нас клевещут злые языки.
Нас оболгали недруги во многом.

Пастор

Грешно, сестра моя, втирать очки
Посреднику между собой и богом.

Хендрике

Спаси меня господь от этой лжи!

Пастор

Ты посещаешь храм господень?

Хендрике

Часто.

Пастор

Ты веришь в бога?

Хендрике

Верю.

Пастор

Так скажи:
С ван Рейном ты сожительствуешь?

Хендрике

Пастор!..

Пастор

Дитя, не отпирайся наконец.
Сознайся лучше, что сошлась
с Рембрандтом.

Хендрике

(потупясь)

Он одинок. Он год уже вдовец.

Пастор

А ты — девица?

Хендрике

Я — вдова сержанта.

Пастор

До слуха моего дошло, что вы
Погрязли оба в гибельном разврате.

Хендрике

(волнуясь)

Не верьте, пастор, голосу молвы:
Я помогла вдовцу в его утрате!

Пастор

Допустим, дочь моя, что это так.
Мужчина овдовел, а ты и рада!
Но церковью не освященный брак
Все ж есть разврат, ведущий в лоно ада.

Хендрике

Да грех ли — помощь?

Пастор

Я тебя прерву.
Скажи во имя вечного спасенья:
Ты с ним живешь как с мужем?

Хендрике

Да... живу...

Пастор

Тогда прийди в общину в воскресенье.

Хендрике

Зачем?

Пастор

(грозно)

Молись, распутница, творцу!
За любострастие с чужим мужчиной
Тебя зовет, как блудную овцу,
На строгий суд церковная община!

Хендрике

(плача)

Уж если беды, так со всех сторон!
За горем горе! Господи, за что же?

Пастор

А чтоб сильней почувствовал и он
Удар карающей десницы божьей —
Ты передашь ему мое письмо.

(Дает Хендрике письмо.)

И для него в общину вызов это.

Хендрике

(плача)

Недаром он вчера разбил трюмо.
Я говорила: скверная примета!

Пастор уходит.

2

Входит Рембрандт.

Рембрандт

Ты плачешь, Стоффельс?

Хендрике

(вытирая слезы)

Что вы, сударь! Нет.

Рембрандт

Я вижу: плачешь!

Хендрике

Может быть... Немножко...

Рембрандт

О чем же ты?

Хендрике

Глаза мне режет свет,
Что с набережной падает в окошко...
Да это вздор! Хотите, барин, есть?

(Вынимает из печи кушанья.)

Вот колбаса с подливкою капустной,
Здесь пирожки, тут суп со спаржей есть.

Рембрандт

Нет... Мне сегодня почему-то грустно.
Ты помнишь, как хозяйка умерла

И как в гробу лежала в платье бальном,
Как амстердамские колокола
Над поездом звонили погребальным,
И как она любила этот дом
С уютным садом, с тихим бельэтажем,
Как в катафалке, под уздцы ведом,
Шел черный конь, украшенный плюмажем,
Как нищие за белым гробом шли,
А в нем желтел ее невинный профиль,
И как на Зюдерзее[1] корабли
Прощались с ней... Ты снова плачешь,
Стоффельс?

Хендрике

Нет, сударь, нет!

Рембрандт

А все же я сильней,
Чем даже смерть!

Хендрике

Вы фантазер, мой барин.

Рембрандт

Моя палитра властвует над ней!
Ей не свалить меня одним ударом!
Я Саскию нанес на полотно,
И пусть, сбирая урожай обильный,
Смерть скосит десять поколений, но
Она зубами лязгает бессильно,
Не раз минует чистый образ тот,
То полотно, что, как письмо в конверте,
К потомкам отдаленнейшим дойдет
И тронет их. Да, я сильнее смерти!

Хендрике

Грешно так думать.

[1] Гавань в Амстердаме.

Рембрандт

(берет со стола раковину и подносит к уху Хендрике)

Вслушайся на миг,
Как в этой раковине гул прибоя
Еще гремит, хотя прибой утих!..
Опять ты плачешь, Стоффельс?
Что с тобою?

Хендрике

Ах, у меня на сердце тяжело!

Рембрандт

Все от «дурной приметы»? Ты все та же!

Хендрике

Вас полюбив, я причинила зло
Покойнице, и бог меня накажет.

Рембрандт

За что? Ты скрасила мое вдовство,
Подруги лучше не могу желать я.
Ты, чтоб не трогать скарба моего,
Шла продавать свои чепцы и платья,
Оберегала мой покой и честь
И Титусу за мать бывала часто.
Я всем тебе обязан....

Хендрике

Барин, здесь
Письмо для вас принес недавно пастор
И строго-настрого велел мне, чтоб
В приход явилась я на суд общины.

(Передает ему письмо.)

Вот вам письмо.

Рембрандт

Ах, снова этот поп!
Так вот в чем горьких слез твоих
причина!
Сейчас посмотрим, что он пишет тут.

(Читает.)

«Написано в четверг седмицы чистой.
Художника Рембрандта прибыть в суд
Зовет община братьев-кальвинистов.
Зане, не будучи супругом ей,
Художник этот, с дьяволом условясь,
Живет в бесстыдном блуде со своей
Служанкой Хендрике,
прозваньем Стоффельс,
И, вопреки заветам древних книг,
В своей гордыне демонской возвысясь,
Писать дерзает образы святых
С евреев нищих оный живописец.
В его картинах благочестья нет,
Понеже нет благообразья в типе
Натурщиков. Пример тому — портрет
Иосифа, бегущего в Египет.
Он, осквернив святое ремесло,
Ответить должен». Подпись иерея,
Печать общины, месяц и число...
Они и были нищие евреи!
Кто б в этих плотниках да рыбаках
Узнал изнеженных святых Фьезоле? [1]
Они ходили в грубых башмаках,
И на руках у них цвели мозоли.
Пускай понять Италию я мог,
Но подражать ей не учился сроду:
Что скажет щуплый итальянский бог
Веселому фламандскому народу?..
Я не подсуден этому суду
И не явлюсь. Да и тебе не надо
Ходить туда.

---

[1] Фра Джиованни Фьезоле — итальянский живописец XV века, писавший слащавые образы святых и ангелов.

Хендрике

Нет, сударь, я пойду.

Рембрандт

Зачем?

Хендрике

Меня пугают муки ада.

Рембрандт садится рядом с Хендрике и обнимает ее.

Рембрандт

Ну полно, успокойся, не дрожи!
Пускай враги идут сюда гурьбою!
Что могут все святоши и ханжи,
Все лицемеры сделать нам с тобою?

Хендрике

О барин, очень многое!

Рембрандт

А я
Лишь посмеюсь над их вознею жалкой!

(Вынимает из шкафа богатые женские одежды.)

Ты хочешь быть принцессой, жизнь моя?

Хендрике

Я не принцесса, сударь. Я — служанка.

Рембрандт

(подавая ей одежды)

Вот кашемировые ткани. Тут
С брильянтом диадема. Здесь кораллы.

Надень-ка их. Кораллы подойдут
К твоим губам, что так бессмертно алы!

(Одевает ее.)

Примерь накидку с бахромой густой.
На пальчики, что чистили картофель,
Я перстенек надену золотой.

(Одев Хендрике, повертывает ее к свету.)

Ты не служанка, ты принцесса,
Стоффельс.

(Любуется ею.)

Как ты нежна, смугла и горяча!
Как царственно блистает взор твой
синий!

Хендрике

Я, барин, только дочка трубача!

Рембрандт

Молчи! Я напишу тебя богиней!
Так напишу, что будут влюблены
В тебя цари и принцы!

Хендрике

Что вы! Принцы!

Рембрандт

Пускай они в порфирах рождены,
Они не стоят твоего мизинца!
Я и себя у твоего плеча
Изображу...

Хендрике

Я не ровня вам, барин!

Рембрандт

Сын мельника и дочка трубача, —
Клянусь палитрой, — неплохая пара!..
Ну, не ходи в общину!

Хендрике

Нет, пойду!

Рембрандт

(смотрит в окно)

Кто к нам идет? Я что-то плохо вижу.

Хендрике

(испуганно)

Ах, сударь, вы накликали беду!
Наш бургомистр, посредник ваш
бесстыжий,
Толпа людей, какой-то молодец
В судейской форме, в шапочке юриста,
Пять стражников,
подводы и писец,
И впереди других — судебный пристав.

3

Входят Сикс, Людвиг, судебный пристав, писец, стражники, горожане.

Судебный пристав

Кто тут Рембрандт ван Рейн, художник?

Рембрандт

Я.

Судебный пристав.

В согласии с указом магистрата
Вас выселить из вашего жилья
Явились мы.

Рембрандт

Нежданная утрата!

Судебный пристав

Всю движимость, какая есть у вас,
Мы распродать должны.

Рембрандт

За что так жестко,
Нельзя ль узнать?

Судебный пристав

Об этом был указ
Глашатаем прочтен на перекрестках.
Извольте выслушать его и вы.

(К писцу.)

Писец! Начните, если вы готовы.

Писец

(читает)

«На основании второй главы,
А именно — параграфа шестого
Законов наших, суд и магистрат
Решили дело, в коем...»

Рембрандт

Что за бредни!

Писец

«...ответчиком является Рембрандт,
А в иске просит Людвиг Дирк, посредник.

Нотарьус доложил суть дела их:
Дирк, будучи Рембрандту другом близким,
Ссудил сто двадцать тысяч золотых
Последнему (предъявлена расписка)».

Рембрандт

Сто двадцать тысяч! Людвиг, ты в уме?!

Писец

Вы мне читать мешаете!.. «Ответчик,
Истцом предупрежденный о тюрьме,
Сказал ему, что расплатиться нечем.
Суд порешил: в уплату иска — дом
Ответчика с усадьбой семь на десять,
А также все, что в нем или при нем,
Отдать истцу, их тяжбу зрело взвесив».

(Свертывает указ. К Рембрандту.)

Ну, вот и все. Ты понял наконец?
Так выметайся! Нечего коснеться!

Рембрандт

Позвольте, сударь. Если вы — писец,
То, следовательно, супруга ваша —
писица,
Уж где тут помнить совесть или честь!
Но суть не в этом... Я теряю разум!..
Где ж справедливость?..
Людвиг, это месть?..
Кто подписался под таким указом?

Сикс

(к писцу)

Вы не дочли указ. А я всегда
Велю закон блюсти как можно строже.

Писец

Тут дальше речь про этого жида,
А про Рембрандта нет.

Сикс

Извольте все же
Дочесть указ уж потому хотя,
Что прозвучала тут о местн фраза.
Пускай ответчик, подписи прочтя,
Не заподозрит подлинность указа.

Писец

Что ж, ваша милость, я могу прочесть.

(Читает.)

«До всех, кто верует, во имя бога,
Об отлучении Спинозы весть
Хоральная доводит синагога:
Израиля врагами научен,
Закон колеблет еретик Спиноза,
А потому да будет вынут он
Из тела иудейства, как заноза!»

Рембрандт

Барух Спиноза! Ба! Натурщик мой!

Писец

«Пусть голодом язвим и мучим страхом,
Бездомен будет летом и зимой
Вероотступник этот, этот ахер [1],
И отлучен, и погружен во тьму,
И, как еврей из страны Мицраим [2],
Везде гоним. Проклятие ему
Изрек раввин Манассе бен-Израиль.
Пусть, на людей поднять не в силах глаз,
В лесах скрывается, подобно зверю.
В осведомленье граждан сей указ
Составлен и подписан...»

[1] По-древнееврейски — чужой.
[2] Название Египта.

4

Рембрандт

Верю, верю!
Поди не верь, коль даже бургомистр
Любуется, как в цирке на балконе,
Моей бедой.

Сикс

Ваш вывод слишком быстр;
Я охраняю вас от беззаконий.

Рембрандт

От беззаконий? Что ж тогда закон?
Ведь дело то, что сделал Людвиг, —
низко!

Сикс

Истец ваш действовал по форме: он
Сбор оплатил и предъявил расписку.

Рембрандт

Поддельную!

Сикс

Что делать, мой Рембрандт!
По чести, я помочь вам прямо жажду!
Но я не бог. Я только бюрократ,
Как правильно сказали вы однажды.

Рембрандт

Теперь мне все понятно: это месть
За принца, за сторожевую башню!

Сикс

Я к вам, — тому моя порукой честь, —
Настроен с благосклонностью всегдашней.

Припомните, я вас предупреждал,
Я говорил, быть может, даже резко,
Что шутки ваши вызовут скандал.

Рембрандт

Нет! Это вы подстроили в отместку!

Сикс пожимает плечами и отходит.

5

Судебный пристав

(к стражникам)

Тащите все сюда, что в доме есть,
Мы здесь же и устроим распродажу.

Стражники расходятся по дому и начинают сносить в мастерскую вещи.

Первый стражник

Вот бирюзовый бархат, ваша честь.

Второй стражник

Вот шляпа с белым кружевным
плюмажем.

Третий стражник

Вот золотая цепь, да как длинна!

Рембрандт

Берите всё, что только взять возможно!
Не бархат мне, а синь его нужна,
Не золото, а блеск его тревожный.

Входит Фабрициус. Стражники вносят кровать с голубым пологом и зеркало в черной раме.

Четвертый стражник

Вот зеркало и скатерть со стола.

Пятый стражник

А вот кровать с альковом.

Первый горожанин

Это дело!

Я взял кровать.

Рембрандт

Она на ней спала!

Второй горожанин

Я — зеркало!

Рембрандт

Она в него глядела!

Первый стражник

Вот занавес.

Второй стражник

Я ларчик вам принес.

Взглянув на ларец, Рембрандт хватается за сердце.

Фабрициус

Что с вами?

Рембрандт

Душно... В сердце боль тупая...

Людвиг

А что в ларце?

Второй стражник

Безделка: прядь волос.

Рембрандт

(бросается к ларцу)

Отдайте мне...

Судебный пристав

Купите.

Рембрандт

Покупаю.

(Роется в карманах, находит всего одну монету.)

Монета лишь...

Фабрициус

(подавая ему еще одну)

Возьмите и мою.

Рембрандт

А что тебе останется на ужин?

Людвиг

Позвольте! Я ларец не продаю.
Он мой теперь! Он самому мне нужен!

Отбирает ларец. **Рембрандт** идет за ним.

Рембрандт

Отдай мне ларчик! Я тебя прошу!
Отдай во имя рая или ада!
Отдай! Я новый вексель подпишу!

Людвиı

Теперь мне векселей твонх не иадо.

Рембрандт безнадежно отходит в стороиу. Входит Флинк. Во все время его разговора с Рембрандтом стражники вносят в мастерскую новые вещи.

6

Рембраидт

(мрачно)

Ну, как дела, почтениый хиромаит?
Прошла у вас желудочиая боль-то?

Флинк

Не иадо лучше, господии Рембраидт!
Я в мастерской у метра Миревольта.
Какой художиик! Что за колорит!
Куда там, к шуту, всяким... староверам!
Под кистью метра полотно горит!
Не мудреио: фраицузская маиера!

Рембраидт

Да, уж в какой трактирчик ии залезь,
Везде теперь поют французам оды.
Я слышал — и фраицузская болезнь
Стаиовится последним криком моды.

Флиик

Флорииы к метру льются в три ручья!
Поверите ль? Рекой текут заказы!
У Миревольта в студии и я
Набил кармаи, признаться, до отказа.
Мие у иего иа диво повезло,
А ведь от вас ушел в одиой сорочке!
Я обиаглел и, всем чертям назло,
Посватался к его смазливой дочке.

И, видимо, придется вить гнездо
Да звать учителя любезным тестем.
Я к вам зашел гардины из Бордо
Приторговать в презент моей невесте.

Рембрандт

Что ж, обратитесь к Людвигу.

Фабрициус

(подходит к Флинку)

Осел!

Проваливай отсюда, чтоб ты высох!

Флинк убегает.

7

Вся обстановка дома Рембрандта и все его вещи снесены в мастерскую.

Третий стражник

Ну, вот и все.

Людвиг

Как все? Еще не все!

Еще осталось много!

(Роется в карманах.)

Где мой список?

Позвольте мне проверить!

Как назло,

В карман куда-то книжка завалилась...

(Вынимает записную книжку и читает.)

Тетрадь гравюр Гольбейна и Калло?

Судебный пристав

(проверяя)

Гравюры все на месте, ваша милость.

Людвиг

Медали?

Судебный пристав

Есть.

Людвиг

Шлем великана?

Судебный пристав

Есть.

Людвиг

А тот камзол, где бок немножко в сале?

Фабрициус

Ага! Так вот зачем вы, ваша честь,
Покупки наши в книжечку списали!

Людвиг

Молчи!

Судебный пристав

(глядя на Рембрандта)

Камзол ответчиком надет.

Людвиг

Кораллы где? Накидка, что из пуха?
Кольцо?

Судебный пристав

Накидки и кораллов нет.

Людвиг

(узнавая эти вещи на Хендрике, срывает их с нее)

Ах, вот они! Разоблачайся, шлюха!

Рембрандт

(схватывая ружье из наваленной на полу груды оружия)

Прочь от нее, иль я возьму ружье!
Ее подметки ты не стоишь даже.

Людвиг

(перехватывая ружье)

Здесь ничего нет твоего! Здесь все мое!
Попробуй взять: в тюрьму пойдешь
за кражу!
Ступай отсюда вон!

Хендрике снимает с себя надетые на нее Рембрандтом одежды, берет котелок и свечу в подсвечнике, кладет их в мешок, завязывает веревкой.

Хендрике

Сейчас... сейчас...
Мы только котелок, где пищу варим,
Возьмем с собой, и если гонят нас,
То мы уходим... Не сердитесь, барин...

Людвиг

Ни щепки брать не позволяю я!

Хендрике

Да это, сударь, свечечка... веревка...

Людвиг

Моя веревка, и свеча моя,
И мой мешок! Не смей их брать, воровка!
Оставь подсвечник: он посеребрен!
И этот котелок для варки пищи
Поставь на место! Выметайся вон
Отсюда, девка! Твой хозяин — нищий!

Рембрандт

Пойдем, старуха.

Людвиг

Да, ступай плясать
И петь в харчевнях, грубая скотина!

Рембрандт

(задумчиво)

Теперь я Иова начну писать.

Людвиг

(не расслышав)

Что, что писать? Доносы?

Рембрандт

Нет, картину.
Я, Людвиг, ухожу. Но берегись:
Я так тебя ославлю, что, покуда
Земля стоит и существует высь,
Все будут говорить, что ты — Иуда,
Разбойник подлый...

Писец

Я вас перебью:
Когда ответчик делом недоволен,
В его правах претензию свою
Здесь изложить — в судебном протоколе.

(Протягивает Рембрандту протокол.)

Рембрандт

Ну что ж, пиши. Мой почерк груб и куц.
А ты и подлость выведешь красиво.

(Диктует.)

«Жил человек в земле восточной Уц,
И было имя человеку — Иов».

КАРТИНА ПЯТАЯ

НА «КАНАЛЕ РОЗ»

1

Комната с убогой обстановкой в гостинице. На стене висит этюд «Туша вола». Постаревший Рембрандт сидит перед мольбертом с недоконченным автопортретом. На постели лежит красный тюльпан.

Рембрандт

Подходит ночь, а Хендрике все нет.
Как в этой комнате темнеет быстро!..
Почти окончен мой автопортрет.
Уж я не ждал, что вдохновенья искра
Блеснет во тьме, что творчество придет
Согреть меня в беде и в униженье...

(Протирает глаза.)

Недолго поработал я — и вот
Уже глазницы разъедает жженье.
Да, надобно спешить. В конце концов
Мне пятьдесят. Не маленькая мера.
Глаза мои повязкою слепцов
Завяжет скоро, как глаза Гомера,

Чертовка старость, заслонив простор,
Седую рябь каналов и бассейнов...

В дверь стучат.

Войдите, если вы не кредитор.

Входит принц.

П р и н ц

Я в мастерской великого ван Рейна?

Р е м б р а н д т

(удивленно)

Да, сударь мой, вы у него.

П р и н ц

Ага!
Он тут, кудесник из волшебной сказки!..
Скажи, мой друг: ты у него слуга?

Р е м б р а н д т

Да. Мою кисти, растираю краски.

П р и н ц

Так доложи ему: издалека
Приехавший наследный принц Тосканы
Приема ждет.

Р е м б р а н д т

Не выйдет он. пока
Не завершит последними мазками
Картины новой.

П р и н ц

Что ж, я подожду.

(Садится на стул.)

Смешны назваиья улиц в Амстердаме!
Я на «Канале роз» [1], мечтал, найду
Дворец Рембраидта с пышными садами!
Ведь говорят, что ои богач и франт,
А здесь всего крнвых домишек груда.
Как он попал сюда?

Рембрандт

Чудит Рембрандт,
И бедность — новая его прнчуда.
Его роскошный дом на Бреедстрат
Спит, окруженный парком заповедным,
А ои живет в лачуге.

Прннц

Как я рад,
Что он всего лишь притворился бедиым!
В талантлнвых людей нз инщеты
Не очеиь склоиеи верить я, признаться.
Я убежден, что если гений ты,
То ты добьешься славы и богатства.

Рембраидт

Ну, это как сказать!

Принц

Постой, постой!
Лакею с принцем спорить ие пристало.

(Дает Рембраидту золотой.)

Возьми-ка лучше этот золотой
И постарайся, неучтивый малый,
Чтоб твой патрои был не такой педант:
Ведь зиатность чтнть обязан даже гений.
Мне скучно ждать!

---

[1] Улица, иа которой в одиой нз гостиинц жил Рембраидт после разореиия.

Рембрандт

Принц! Это я — Рембрандт!

Принц

(пораженный, встает)

Сеньор профессор! Сотня извинений!
Я потрясен! Нет, я безумно рад!
Но извините... право, мне неловко:
Что значит этот странный маскарад?

(Указывает на обстановку комнаты.)

Рембрандт

А то, что я вживаюсь в обстановку,
Чтоб Иова писать. Мои друзья
Для антуража сняли эту келью.

Принц

Четвертый месяц по Европе я
С образовательной слоняюсь целью.
В столицах мира осмотрев не раз
Дворцы, притоны, церкви и лицеи,
Я наконец, чтобы увидеть вас,
Явился в Северную Венецию [1].
«Учись! — велел мне строгий мой отец, —
Диковинки, — сказал он, — огляди ты».
Я в Льеже видел синий огурец,
В Марселе — шимпанзе гермафродита,
Я в Риме туфлю папы целовал,
А в Лондоне обедал в клубе лысых...

Рембрандт

(садится за мольберт и начинает что-то подрисовывать в автопортрете)

А я-то в качестве кого попал,
Меж огурцов и туфлей, в этот список?

[1] Так называли Амстердам вследствие его расположения на ста островах.

Принц

Сеньор профессор. Ваш талант высок,
Как горная вершина Santa Cristi[1].
Я умоляю: хоть один мазок
Божественной, бессмертной вашей кисти!
Я вывез из Московии кота,
А из Парижа — серию открыток
Для холостых...

Рембрандт

(про себя)

Я знал, что неспроста
Явился этот вертопрах. Он прыток
И нагловат. А я сегодня зол!
Так подожди ж!

(Берет кисть и вытирает ее
о камзол принца.)

Принц

(в ужасе)

Маэстро! Вы в уме ли?
Зачем вы пачкаете мой камзол?

Рембрандт

Дарю мазок, что вы иметь хотели.

Принц

Я о своем портрете вас прошу,
А вы буквально поняли!..

Рембрандт

Дружище!
Мне очень жаль: я принцев не пишу.

---

[1] Гора Святого креста.

Принц

Но почему?

Рембрандт

Я живописец нищих.

Принц

Вы шутите!

Рембрандт

Нисколько. Вы из лож
Видали королевских фавориток,
Вы видели, как море высек дож,
Как кровь Христа у капуцинов бритых
Кипит, в бутылку ими налита.
А нищету вы видели?

Принц

Ни разу.

Рембрандт

(показывая вокруг)

Так посмотрите: это — нищета.

Принц

Я убежден, что шутка — ваша фраза.

2

Входит кредитор.

Кредитор

Вы мне должок вернете, господин?

Рембрандт

Немного позже. Денег нет, папаша.

Кредитор

У вас, Рембрандт, всегда ответ один!
Я больше ждать не в силах, воля ваша.

Рембрандт

А вот, отец, поправятся дела —
И потекут червонцы, как водица.

Кредитор

(про себя)

Возьму в счет долга хоть «Этюд вола».
На вывеску, пожалуй, пригодится.

Снимает этюд со стены и уходит. Вслед за кредитором к двери идет принц.

Рембрандт

Куда же вы, мой просвещенный друг?
Ведь вас отправил ваш папаша строгий
Учиться жить?

Принц

(сухо)

Пардон, мне недосуг.

Рембрандт

(открывая перед ним дверь)

Вам недосуг? Так скатертью дорога!

Принц уходит.

3

Входит Хендрикье со свечой в руках.

Рембрандт

Однако же долгонько за свечой
Ходила ты в плавучую лавчонку!

Хендрикье

Простите, сударь, грех невольный мой.

Рембрандт

Какой тут грех! Ты, Стоффельс,
не девчонка,
Мы выросли из тех прекрасных лет,
Когда ходить за юбкой нас учили...

(Обнимает ее.)

Опять была на покаянье?

Хендрикье

(уклоняется от его объятий)

Нет.

Рембрандт

Ты нынче что-то немногоречива
И нелюдима сделалась с тех пор,
Как этот поп лишил тебя причастья.

Хендрикье

Вас тяготит ужасный мой позор,
И я вам приношу одно несчастье,
Я это знаю и уйду от вас.

Рембрандт

Не покидай меня в моей пустыне!
Нет Саскии, и Титус мой угас...

Хендрикье

Зато господь вас, барин, не покинет.

Рембрандт

На что мне он! Когда б не ты со мной,
Я умер бы, больной, теснимый, нищий.

А ты, открыв торговлю стариной,
Взяла меня, дала мне кров и пищу,
И труд, и жизнь...

Хендрике

Нет, сударь, я уйду.

Рембрандт

Опять все то же! Но сознайся: чем я
Не мил тебе?

Хендрике

Я приношу беду.
На мне лежит проклятье отлученья.

Рембрандт

Заладила! Послушай: я не врал
Тебе ни разу, а живем мы — годы.
Так вот, клянусь: чем больше я терял,
Тем больше я имел.

Хендрике

Чего?

Рембрандт

Свободы!

(Снова обнимает Хендрике.)

Не уходи! Я буду одинок!
Так одинок, как труп на шумной тризне!

Хендрике

(торжественно)

Примите же страдальческий венок, —
Сей тяжкий ключ блаженства
вечной жизни.

Рембрандт

Ах, как тебя сломили эти псы!
Не иервиичай! Забудь про все, что было.
Погладь мои солдатские усы,
Как ты когда-то гладить их любила.
Прижмись покрепче к моему плечу.
Долой врагов с их клеветою мутиой!
Сейчас, родная, я зажгу свечу.

(Зажигает.)

Смотри, голубка, как у нас уютно.

Хендрике

Какой уют? Всего лишь — нищета!

Рембрандт

В иных дворцах мие было боле сиро.

(Целует Хендрике.)

Ведь очертаиья маленького рта
Волнуют слаще всех сокровищ мира!

Хендрике

(вырываясь)

Не надо, барин! Ради всех святых!
Мне запретили это!

Рембрандт

Ах, иуды!
Дитя мое, как ты боишься их!..
Ну, ладно. Успокойся. Я не буду.

(Отходит от Хендрике.)

Да, кстати, Стоффельс: наши чудаки
В гостиных вводят иа тюльпаны моду,
Тюльпанами забили парники,
Тюльпанами забили огороды.

Я тоже для тебя купил один,
Хоть мне сдается, — роза благородней.

(Берет с постели тюльпан
и подносит Хендрике.)

Смотри, какой нарядный господин!
Совсем как принц, что приходил сегодня.
Как лепестки он пышно распростер
И весь дрожит, как розовое знамя.

(Любуется тюльпаном.)

Он на костер походит...

Хендрике

(в ужасе)

На костер?!

Рембрандт

Ну да: на пламя... Что с тобой?

Хендрике

На пламя?!

(Бросается к двери.)

Рембрандт

(удерживая ее)

Куда же ты!.. Любовь моя!.. Сестра!..
Мы выбросим его... Другим подарим...

Хендрике

(вырываясь)

Простите, сударь!.. Я боюсь костра!..
Я ухожу от вас!.. Прощайте, барин!

(Убегает.)

4

Р е м б р а н д т, обессиленный, садится.
Входит п р о д а в е ц к р а с о к.

П р о д а в е ц к р а с о к

Я к вам не вовремя?

Р е м б р а н д т

Нет, нет... садись...
Я рад потолковать с единоверцем...

(Растирает рукою грудь.)

П р о д а в е ц к р а с о к

Как вы бледны! Вы вовсе извелись!

Р е м б р а н д т

Так. Пустяки. Немножко болен. Сердце.

П р о д а в е ц к р а с о к

(подает ему пакет)

Вот, сударь, краски вам.

Р е м б р а н д т

Я гол и бос,
Чем мне платить?

П р о д а в е ц к р а с о к

Оставьте, ради бога!
Я сепию и сажу вам принес,
Да жженой кости раздобыл немного...

Р е м б р а н д т

Ага, — и жженой!

Продавец красок

Вы довольны?

Рембрандт

Да.

Продавец красок

А светлых нет, хоть у других проверьте.

Рембрандт

Их мне не надобно. Тащи сюда
Все краски старости, все краски смерти.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

1

Комната Рембрандта в гостинице. Вечер. На стенах портреты Саскии, Хендрике, Титуса. Входит Флинк, осматривается.

Флинк

Вот это мастерская! Прямо смех!
Лохмотья, ветошь, грязные стаканы...
А все ж Рембрандту, одному из всех,
Нанес визит наследный принц Тосканы.
Не пожалею про заклад руки,
Что это — признак близкого успеха,
И значит, вновь к нему в ученики
Втереться надо мне, других объехав,
Да что-то долго нету старика!
Придется мне, пожалуй, через сутки

Наведаться вторично, а пока
Неплохо бы сыграть такую шутку.

(Берет кисть и рисует на полу монету.)

Вот нарисую золотой флорин
Здесь на полу и дам скорее тягу.
Воображаю, как, подвох открыв,
Рассердится подслеповатый скряга!

2

За дверью слышны шаги. Флинк прячется под кровать. Входит Рембрандт.

Рембрандт

Весь город обошел, в что за толк?
Лишь так устал, что сердце бьет,
как молот.
Никто, Рембрандт, тебе не верит в долг,
Четвертый день твой собеседник — голод.
Как быть тебе?

(Замечает нарисованную на полу монету.)

Однако же постой!
Я, видно, брежу: не флорин ли это?
Мне повезло: на этот золотой
Я холст куплю для нового портрета.

(Хочет поднять монету и видит, что она нарисована.)

Так это шутка? Кто ж ко мне проник
И разыграл такую злую шутку?
Ах, если б знал безжалостный шутник,
Как мне сегодня тягостно и жутко!
Я одинок и болен, слаб и сир,
Глаза не видят, сердце жить устало.

(Подходит к окну, смотрит на город.)

Спит небеса. Спит равнодушный мир,
Спит Амстердам на ста своих каналах.

Мой Амстердам! Мне без него и дня
Прожить невмочь! Тут на любом канале
Мне каждый мостик близок! Тут меня
Любили, ненавидели и гнали.
Плывущих лодок дремлют огоньки,
Часы на башне полночь бьют в дремоте,
Спят бюргеры, надвинув колпаки,
Спят нищие, закутавшись в лохмотья.
Ночных мышей скребущий, робкий звук
Один тревожит тишь убогой кельи.
Спит хитрый Сикс и громогласный Кук,
И демоны стоят над их постелью.
Я одинок: спит Саския в гробу,
Спит рядом с нею Титус на кладбище,
И, ожидая ангела трубу,
Спит Хендрике в своей могиле нищей.
Над спящими колокола звенят,
Звезда в ночи падучий след свой чертит...
Лишь я не сплю... Но вот уж и меня
Забрала сладкая зевота смерти.

(Подходит к портретам и обращается к ним.)

Родные тени! Заклинаю вас
Моей любовью — золотым оружьем:
Сойдитесь в этот одинокий час
Ко мне, живому, на прощальный ужин!

(Ставит портрет Саскии на стул у стола.)

Ты, Саския, на Стоффельс не сердись,
Не мучь ее ревнивыми словами.

(Ставит портрет Хендрике на другой стул.)

Ты, Хендрике, с хозяйкой помирись
И рядом сядь. Да будет мир меж вами!

(Ставит портрет Титуса между ними.)

Я, Титус, место и тебе нашел!
Сегодня мы невидимые брашна
Поставим тесно на широкий стол
И запируем весело!

Ф л и н к

(из-под кровати)

Мне страшно!

Р е м б р а н д т

(заглядывает под кровать)

Там кто-то есть. Посмотрим,
что за гусь.
Ах, это ты! Вылазь, трусливый олух!

Ф л и н к

Я до смерти покойников боюсь!
Учитель мой! Не надо звать за стол их!
(Вылезает.)

Р е м б р а н д т

Спросонок ты иль вовсе во хмелю
Попал сюда?

Ф л и н к

Простите... грех случился...

Р е м б р а н д т

(указывая на рисунок флорина)

Монету ты нарисовал? Хвалю!
Ты хоть чему-нибудь да научился
У Миревольта.

Ф л и н к

Видит бог, — не я!
Во-первых, мне...

Р е м б р а н д т

А в-третьих и четвертых,
Ты станешь врать, господь тебе судья!

Флинк

Я вас прошу, не вызывайте мертвых!

Рембрандт

(улыбаясь)

А надо бы! Не стану, так и быть...
Зачем пожаловал в мою обитель?

Флинк

Я воротился, чтобы изучить
Секреты вашей техники, учитель.

Рембрандт

А Миревольт?

Флинк

Какой уж колорит
У Миревольта! И рисунок пресный!
А как о вас он грубо говорит!

Рембрандт

Вот это мне совсем не интересно.

Флинк

Позвольте мне вопрос задать: у вас
Светлейший принц Тосканы был,
я слышал?
Про эту честь из уст в уста рассказ
Идет по Амстердаму!

Рембрандт

Был, да вышел.

Флинк

Не понимаю, сударь, ничего.

Рембрандт

Я указал ему, как говорится,
Где бог, а где порог: прогнал его.

Флинк

Вы выгнали?

Рембрандт

Я выгнал.

Флинк

Принца?!

Рембрандт

Принца.

(Раздумывает.)

Ну, что ж! Пожалуй, я тебя приму.
Мне пригодятся двадцать пять флоринов.

Флинк

(хватается за живот)

Ох, как вредит желудку моему
Ост-индская новинка — мандарины!

Рембрандт

В чем дело, Флинк?

Флинк

Схватило за живот!

(Про себя.)

Вот влопался! Как мне сбежать отсюда?

(К Рембрандту.)

И гнет, и режет, и кидает в пот!
Я к вам назавтра непременно буду,
А нынче болен.

Рембрандт

Убирайся, пес,
Покуда я тебя не выгнал взашей.

3

Флик убегает. Входит Фабрициус.

Фабрициус

Кто был тут?

Рембрандт

Флик.

Фабрициус

Он ног бы не унес, —
Застань меня здесь, —
из мансарды нашей!

Рембрандт

Фабрициус! Вот и конец пришел
Моей последней маленькой надежде...

(Хватается за сердце.)

Но что со мной? Мне так нехорошо
Еще ни разу не бывало прежде!
Кровь бьет в виски, густа и горяча.
В глазах желтеет, ноги холод студит...

(Падает на руки Фабрициуса,
который несет его на постель.)

Фабрициус

Вам нужно лечь. Я позову врача.
Невестку вашу позову...

(Выбегает в коридор и зовет.)

Эй, люди!

Рембрандт

(лежит один на постели)

Ни дня, ни ночи. Черная дыра.
Как бьется сердце! Уж не смерть ли это?
Старик Рембрандт! Пришла твоя пора,
Пора последнего автопортрета.
Как в океан сливаются ручьи,
Так мы уходим в мир теней бесплотный.

(Обводит глазами комнату.)

Лишь вы, душеприказчики мои,
Мои эстампы, папки и полотна, —
Идите в будущее. В добрый час.
Возникшие из-под музейной пыли,
Откройте тем, кто будет после нас,
Как мы боролись, гибли и любили.
Чтоб грезы те, что нам живили дух,
До их сердец, пылая, долетели,
Чтобы в веках ни разу не потух
Живой и чистый пламень Прометея!

4

Входит пастор.

Пастор

Меня поставил грозный судия
Посредником между тобой и небом.

Рембрандт

Посредникам не очень верю я:
Одни из них уже пустил без хлеба
Меня по миру.

Пастор

Не кощунствуй. Ты
Собраться должен в дальнюю дорогу.
Покайся мне, и в нимбе чистоты,
Как блудный сын, ты возвратишься к богу.

Рембрандт

Как будто не в чем. Я в труде ослеп,
Не убивал, не предавал, работал,
Любил, страдал и честно ел свой хлеб,
Обильно орошенный горьким потом.

Пастор

Святая дева раны освежить
Придет в раю к твоей душе усталой.

Рембрандт

Я старый гез. Я мельник. Я мужик.
Я весь пейзаж испорчу там, пожалуй.

Пастор

Ты святотатствуешь! Как ты упал!
Ужель ты бога не боишься даже?

Рембрандт

Уж не того ль, что сам я создавал
Из бычьей крови и голландской сажи?
Оставь меня. Пусть мой последний вздох
Спокойным будет...

Пастор

(поднося к его лицу распятие с изображенным на нем Христом)

О грехах подумай!

Рембрандт

(глядя на распятие)
Как плохо нарисован этот бог!
(Умирает.)

Пастор

Войдите, люди. Этот грешник умер.

5

Входят хозяин гостиницы, Магдалина ван Лоо, Фабрициус, Мортейра, соседи.

Хозяин гостиницы

Едва велел я постояльцу, чтоб
Он выбрался, — а он умри в отместку!
Да кто ж теперь ему закажет гроб?
Тут есть родные?

Магдалина ван Лоо

Я его невестка.

Хозяин гостиницы

Ты и неси расходы похорон!
Как хочешь, гробом я могу заняться.

Магдалина ван Лоо

Ах, батюшки! А сколько стоит он?

Хозяин гостиницы

Пустое, дочка: гульденов пятнадцать.

Магдалина ван Лоо

Пятнадцать гульденов! Ведь вот дела!
Ах, сударь, всю мою досаду взвесьте:

Двух месяцев я с мужем не спала,
И вдруг— плати за похороны тестя!

П е р в ы й   с о с е д

Кто умер тут?

В т о р о й   с о с е д

Бог знает кто. Рембрандт.

П е р в ы й   с о с е д

Не знать Рембрандта — это стыдно прямо!
Да это туз! Бумажный фабрикант!
Краса и гордость биржи Амстердама.

Комната наполняется людьми.

Г о л о с а

— Такой богач — и умер!
— Тс! Не плачь!
— Мы все в свой срок червям послужим пищей.

В т о р о й   с о с е д

Одно мне странно: если он богач,
Как умер он в лачуге этой нищей?
Скажи, хозяин, толком наконец,
А то ошибка вышла тут, возможно:
Мертвец — Рембрандт ван Юлленшери, купец?

Х о з я и н   г о с т и н и ц ы

Да вовсе нет: Рембрандт ван Рейн, художник.

П е р в ы й   с о с е д

Ах, живописец!

Второй сосед

Ну? Я так и знал.

Голоса

— Уж, верно, поздно.
— Не пора идти ли?
— Пойдем, пока через Большой канал
Рогатки на мосту не опустили.

Комната быстро пустеет. У трупа остаются Фабрициус и Мортейра. Мортейра подходит к Рембрандту и долго смотрит ему в лицо.

Мортейра

Лежит — и пальцем не пошевелит...
Да, многого его душа хотела!

Фабрициус

А я слыхал, что ваш закон велит
На семь шагов не приближаться к телу.

Мортейра

На семь шагов? Ах да, на семь шагов...
Но он ведь жив. Талант еще ни разу
Не умирал. Скорей его врагов
Чуждаться надо, как больных проказой.
Он живописец нищих, наш талант,
Пусть надорвался он, но, злу не внемля,
Он на плечах широких, как Атлант,
Намного выше поднял нашу землю.

Июнь — август 1938

СОДЕРЖАНИЕ

Стихотворения

Поэмы

Драма

Дмитрий Борисович
Кедрин

ИЗБРАННОЕ

Заведующий редакцией *И. Лепин*
Редактор *Н. Гашева*
Художественный редактор *С. Лузин*
Технический редактор *В. Чувашов*
Корректоры *З. Селюк, И. Пархомовская*

ИБ № 1135
Сдано в набор 23. 11. 83. Подписано в печать 07. 06. 84. Формат 70×108[1]/64. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,875. Усл. кр.-отт. 7,875. Уч.-изд. л. 13,044. Тираж 300 000 экз. (Второй завод 150 001—300 000). Заказ № 626. Цена 1 р. 20 к. Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30. Книжная типография № 2 управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

Кедрин Д. Б.

К33 Избранное. — Пермь: Кн. изд-во, 1984. — 355 с.

В книгу вошли стихи и поэмы известного советского поэта и драма в стихах «Рембрандт».

К $\frac{70402-49}{М152(03)-84}$ 38—84 **Р2**